

П. П. ТОЛОЧКО

РАННЯЯ РУСЬ:
ИСТОРИЯ
И АРХЕОЛОГИЯ

П. П. ТОЛОЧКО

РАННЯЯ РУСЬ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»

Санкт-Петербург

2013

Издано при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках Федеральной целевой программы «Культура России (2012-2018 годы)».

Книга издана при попечительстве Группы компаний «Балтийский Эскорт», «Балт Эскорт», «Балт-Тест».

Редакционная коллегия серии «Начала русского мира»:

д. и. н., член-корреспондент РАН А. Н. Сахаров (председатель); д. и. н., академик НАН Украины П. П. Толочко; д. ф. н. Д. Л. Спивак; д. т. н. Д. А. Ивашинцов; д. и. н. В. В. Фомин; член-корреспондент Афинской Академии, зарубежный член Сербской и Болгарской Академий наук, д. и. н. Антоний-Эмиль Н. Тахиаос (Antony-Emil N. Tachiaos); С. В. Цветков (ответственный редактор); С. В. Шумило; И. А. Кормановская (ответственный секретарь); А. Г. Бабуров.

Т 52

Толочко П. П. **Ранняя русь: история и археология.** — СПб.: Русско-Балтийский информационный центр «Блиц», 2013. — 208 с.

Книга посвящена ранней истории Руси и Киева. На археологических материалах автор доказывает, что Киев в IX–X веках представлял собой значительную поселенческую агломерацию, занимавшую около 50 га.

Статьи, помещенные в этом сборнике, затрагивают весь спектр вопросов ранней истории Руси. Среди них — происхождение этнонима «Русь», зарождение восточнославянской государственности, становление городских форм жизни, международные связи...

Книга будет интересна как специалистам, так и широкому кругу читателей, увлекающихся историей России.

© П. П. Толочко, 2012

© Серия «Начала русского мира», 2012

© Издательство «Русско-Балтийский
информационный центр «Блиц», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Инициатором этого сборника работ о ранней истории Руси и Киева является С. В. Цветков, для которого было своеобразным моментом истины, что историография по ранней истории Киева и Руси не ограничивается давними работами М. Грушевского, М. К. Каргера или М. Брайчевского, но имеет более широкое авторское представительство. И он не одинок. Не «знают» этого также и те исследователи, которые постоянно обращаются к южнорусской проблематике. В своих исследованиях они чаще ссылаются или на старые киевские работы, или же на интерпретации новых исследований, содержащиеся в зарубежной историографии. В качестве иллюстрации приведу только два примера.

В начале 2000-х годов несколько работ о начальной Руси опубликовал французский исследователь К. Цукерман¹. Утверждая ее северное местонахождение, одним из оснований этому он считал отсутствие на юге в это время сколько-нибудь значительного административного средоточия. Таким, согласно ему, не был и Киев, история которого будто бы берет свое начало только с конца IX в. В нем не найдены не только скандинавские вещи более раннего времени, но и восточные монеты третьей четверти IX в. При этом он сослался не на киевских археологов, работы которых определенно знает, а на мнения зарубежных исследователей (И. Каллмер, Т. Нунан), никогда специально киевскими древностями не занимавшихся.

По существу, аналогичные ссылки содержатся и в обстоятельной источниковедческой работе П. В. Кузенкова о походе Руси на Кон-

¹ Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археологія. 2003. № 1. С. 76–99.

стантинополь в 860 г.¹ Не разделяя скептическое отношение ряда исследователей (С. Франклин, Д. Шепард, К. Цукерман) о среднеднепровской «Руси Аскольда и Дира», он, тем не менее, соглашается с их утверждениями об отсутствии в это время Киева. «Поскольку Киев по данным археологии в середине IX в. не являлся значительным поселением² и известные городские центры этой эпохи локализируются севернее, — пишет П. В. Кузенков, — ряд исследователей относят сообщения источников IX в., в том числе о походе 860 г. и крещении, к протогосударственному образованию с центром в районе Ильменя и Ладоги»³. Согласился исследователь и с тем, что в Киеве не найдены скандинавские вещи ранее X в., правда, объяснил это тем, что «недолговечное и слабо централизованное раннерусское протогосударство не могло оставить богатую материальную культуру»⁴.

Однако если бы названные исследователи обратились к работам киевских археологов, то обнаружили бы, что Киев в IX–X вв. представлял собой довольно значительную поселенческую агломерацию, занимавшую около 50 га, где найдены арабские монеты не только третьей четверти IX в. но и VIII в. Да и скандинавские следы IX в. в Киеве тоже имеются.

Хотелось бы надеяться, что невнимание к результатам исследований киевских археологов и историков вызвано не столько тенденцией, согласно которой начальная Русь находилась в Ильменско-Волховском бассейне, сколько плохим знанием их работ, преимущественно украиноязычных. Хотя, при всей снисходительности к последнему обстоятельству, трудно отрешиться от того, что тенденция поиска начал Руси исключительно на севере или северо-востоке восточнославянского мира диктует и соответствующую систему аргументации.

Это стало особенно заметно в новое время, когда общее древнерусское наследие оказалось в пределах трех суверенных восточнославянских государств — Белоруссии, России и Украины. И каждое

¹ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 М., 2003.

² Callmer J. The Archeology of Kiev to the End of the Earliest Urban Phase // HUS. 1987. Vol. 11. P. 327

³ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь... Указ. соч. С. 82.

⁴ Там же. С. 83.

озаботилось поиском своей собственной, отличной от других, этнополитической и даже культурной идентичности. На Украине, особенно в «оранжевую» пятилетку, реанимировали старую теорию (М. Грушевского и др.) об исключительно украинской этнической основе Киевской Руси. В Белоруссии отчетливо определилась тенденция начинать собственное этнополитическое самостояние с Полоцкого княжества. В России принялись искать первую столицу Руси и, разумеется, на своей суверенной территории. Будто бы и нашли. Вот только никак не могут поделить пальму первенства между Ладогой, Новгородом или неназванным центром в Подонье.

Определенно с новыми политическими реалиями связано появление работ, в которых общее восточнославянское прошлое все отчетливее ставится под сомнение. Причем не только украинскими или белорусскими авторами, что имело место и раньше, но и российскими, что является неожиданной новацией. Причем российские начали сомневаться в существовании общерусского единства даже больше, чем их коллеги в соседних славянских странах. Оказывается, Киевская Русь единым государством вовсе и не была. На огромном восточнославянском пространстве существовала будто бы лишь некая сумма суверенных княжеств-государств. Не было и единой древнерусской народности. Население Руси четко делилось на несколько региональных этнических групп, различавшихся внешним видом, языком, материальной и духовной культурой¹.

Определенно, российские историки и археологи, может даже и невольно, оказались заложниками новой концепции так называемого «русского мира». И хотя они не отрицают, что событие 860 г. является памятной датой истории всех трех восточнославянских народов, признать его органическую связь с Киевом не могут. На подсознательном уровне начало «русского мира», видимо, не сопрягается у них с нынешней территорией Украины².

Нет сомнения, что эта тенденция несостоятельна не только в научном отношении, но и в политическом. Надо оставить бессмысленное

¹ Нариси з історії Росії. За загальною редакцією академіка РАН О. О. Чубар'яна. Переклад з російської. Науковий редактор перекладу д. і. н. С. В. Кульчицький. К. 2007. С. 105.

² Об этом свидетельствует и Резолюция Международной конференции «Начала русского мира», состоявшейся 28–30 октября 2010 г. в Санкт-Петербурге. В ней это начало определено 860 годом, но совершенно не связано с Киевом.

занятие поиска аргументов нынешним этнополитическим реалиям в киеворусском прошлом, как и собственных древних столиц. В лучшем случае мы определим административно-политические сосредоточия отдельных межплеменных объединений или союзов племен. При этом, если не прибегать к насилию над источниками, придем к выводу, что все они стадияльно явления одного порядка. Ни один существенно не старше другого, и социально не значимее. Ладога и Новгород на севере восточнославянского мира такие же центры роста ранней государственности, что и Киев на юге или Полоцк на северо-западе.

Общая столица появилась тогда, когда север и юг объединились в единое раннегосударственное образование. Ею с 882 г. стал Киев, в котором утвердился варяжская по происхождению княжеская династия. Не случайно летописец назвал Киев «матерью городам русским», вложив эту знаменитую фразу в уста князя Олега.

И хотя появление названия «Русская земля» в летописи приурочивается к началу царствования византийского императора Михаила III, числа в ней положены от княжения не Рюрика или Аскольда, но Олега. «**А от первого лѣта Мѣхѣилова до первого лѣта Олгова, русскаго князя, лѣт 29**». Несомненно, летописец отдавал отчет, что только с этого события следует отсчитывать историю Древнерусского государства с центром в Киеве.

Следовательно, здесь и начало «русского мира». Попытки найти ему иную точку опоры, будь то в Ильменско-Волховском, Верхневолжском или Подонском регионах, неизбежно разрушают общевосточнославянское содержание этого понятия. Объективно сводят его к региональному, относящемуся только к современному российскому народу. В таком случае мир оказывается не «русским», а «российским».

Статьи, помещенные в этом сборнике, так или иначе затрагивают весь спектр вопросов ранней истории Руси. Среди них — происхождение этнонима «Русь», зарождение восточнославянской государственности, становление городских форм жизни, международные связи и др. Наверное, в них преобладает южный взгляд на начальные века русской истории, который во многом отличен от северного. Но истина, как известно, рождается в споре. А чтобы это случилось, необходимо, как минимум, знать различные точки зрения. В том числе и представленные автором в настоящей работе.

В заключение хочу выразить искреннюю признательность С. В. Цветкову за его инициативу публикации настоящего сборника в возглавляемом им издательстве, известном своей заинтересованностью в издании исторических трудов.

ЛЕТОПИСЬ О НАЧАЛЕ КИЕВА

В основе русского летописания начального периода лежит преимущественно устная традиция. Отношение к ней исследователей чаще всего недоверчиво снисходительное. Абстрагироваться от нее они не могут, но и полагаться как на полноценное документальное свидетельство решаются далеко не всегда. Нередко в предании историки склонны видеть не отзвуки реального события, но результат позднейшего сочинительства. Снабдив тот или иной летописный рассказ определениями «легенда» или «миф», они, по существу, лишают его исторического содержания. Рассказ есть, а события как будто и не было. Тем самым избавляя себя от необходимости поиска в нем хотя бы какой-то крупинцы исторической реальности.

Принять такое отношение к устному преданию совершенно невозможно. Из ничего ничто не рождается. Не будь события, не появится и предания. Разумеется, последнее могло обрести и часто действительно обретало мифологические или легендарные детали, но это не должно бросать тень сомнения на его событийную основу. При этом необходимо учитывать, что событие и предание о нем всегда современники. Если предание (или легенда) не возникает практически одновременно с событием, оно уже не возникнет никогда. Новые времена рожают новые легенды.

Проиллюстрировать сказанное мне хотелось бы на известном летописном рассказе об основании Киева. Конечно, он фольклорный. И нет ему документального подтверждения. И тем не менее относиться к нему только как к мифу, что особенно характерно для современных исторических исследований, совершенно некорректно. Оно определенно имело связь с реальным событием. Это понимали

уже первые летописцы. Пытаясь ответить на вопрос — «кто в Киевѣ нача первѣе княжити», они занесли на страницы своей хроники народное предание о трех братьях — основателях Киева¹.

По существу это родовое предание. Не только о Кие и братьях, но и об их потомках. Передавалось от поколения к поколению, всплывало в народной памяти не только когда речь шла о начале Киева, но и позже, когда город и его насельники попадали в зависимость от соседей и иностранцев. Из отдельных частей предания мы узнаем, как киевляне — наследники братьев были обижены древлянами, как оказались в даннической зависимости от хазар, как затем объясняли свою родословную Аскольду и Диру, обнаружившим по пути в Константинополь небольшой городок на днепровских кручах. На вопрос северных пришельцев — «чий се градокъ?» — киевляне рассказали предание о трех братьях. И что характерно, как и в других случаях, они считали себя прямыми потомками основателей города. «Онѣ же ркоша: “Было сѣтъ три братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша городъ сий, и изъгывоша, а мы сѣдимъ родъ ихъ и платимъ дань козаромъ”»².

Вопрос о том, отражает ли предание о трех братьях — основателях Киева историческое событие, благополучно разрешился после того, как археологическими раскопками на Старокиевской горе этот древнейший «градокъ» был действительно обнаружен. Имеются в виду не только остатки древнейших укреплений, но также каменное языческое капище, жилища конца V–VIII вв., ювелирные изделия этого времени. Аналогичные находки обнаружены и на территориях, прилегавших к укрепленному городку³ (рис. 1–2).

Можно спорить (что и происходит) о хронологии этого поселения, а следовательно, и о времени жизни главного персонажа народного предания, но отказывать ему в исторической реальности оснований нет (рис. 1–4).

Нет однозначности и относительно социального статуса Кия. Как следует из летописи, мнения на этот счет были разноречивыми и в

¹ Повесть временных лет (далее ПВЛ). Ч. 1. Подготовка текста Д. С. Лихачева, перевод Д. С. Лихачева и Б. А. Романова / Под редакцией В. П. Андриановой-Перетц. М.; Л., 1950. С. 13.

² Там же. С. 18.

³ Толочко П. П. Древний Киев. К., 1983. С. 23–29.

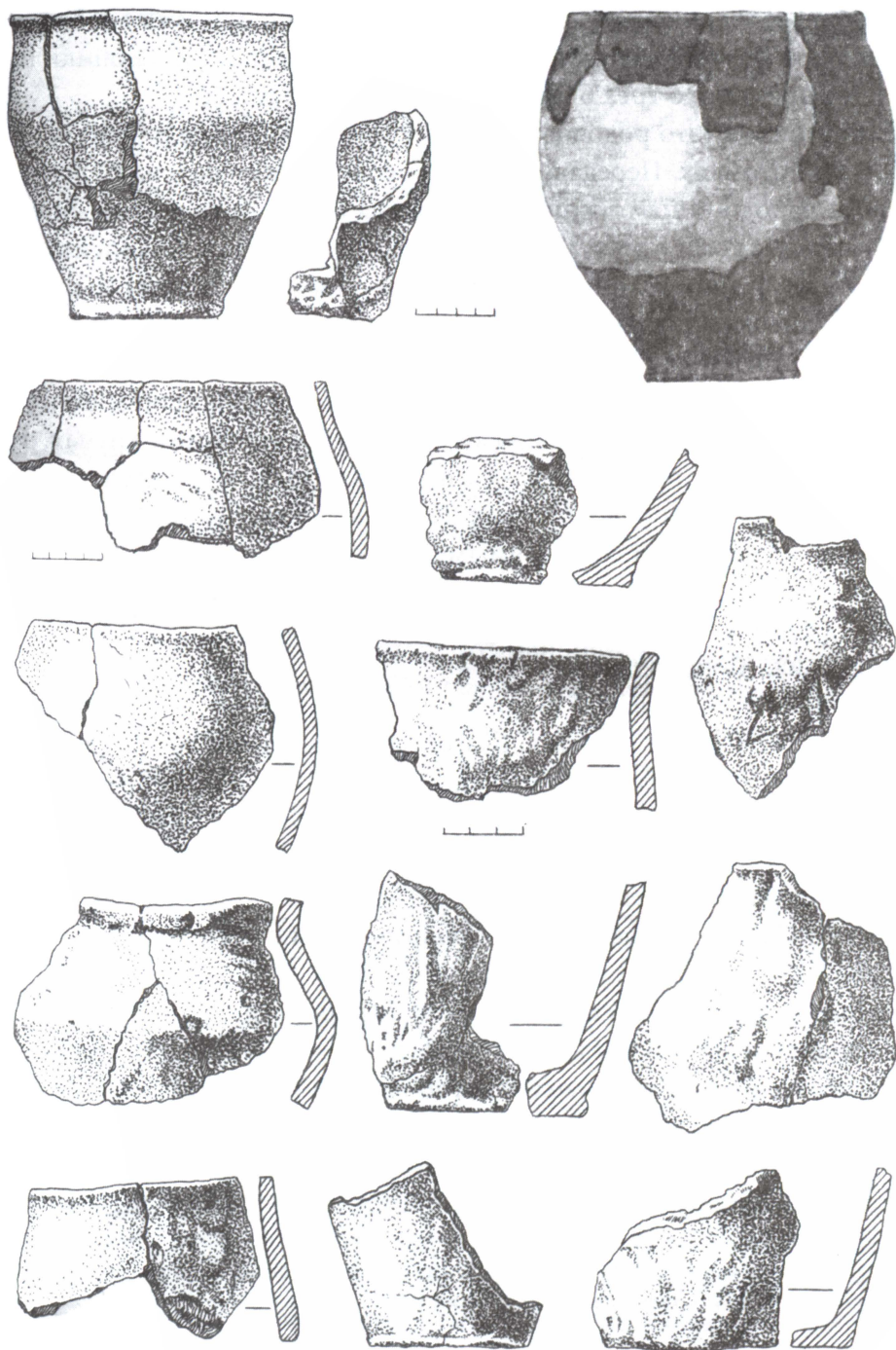

Рис. 1. Лепная керамика VI в. Киев. Старокиевская гора

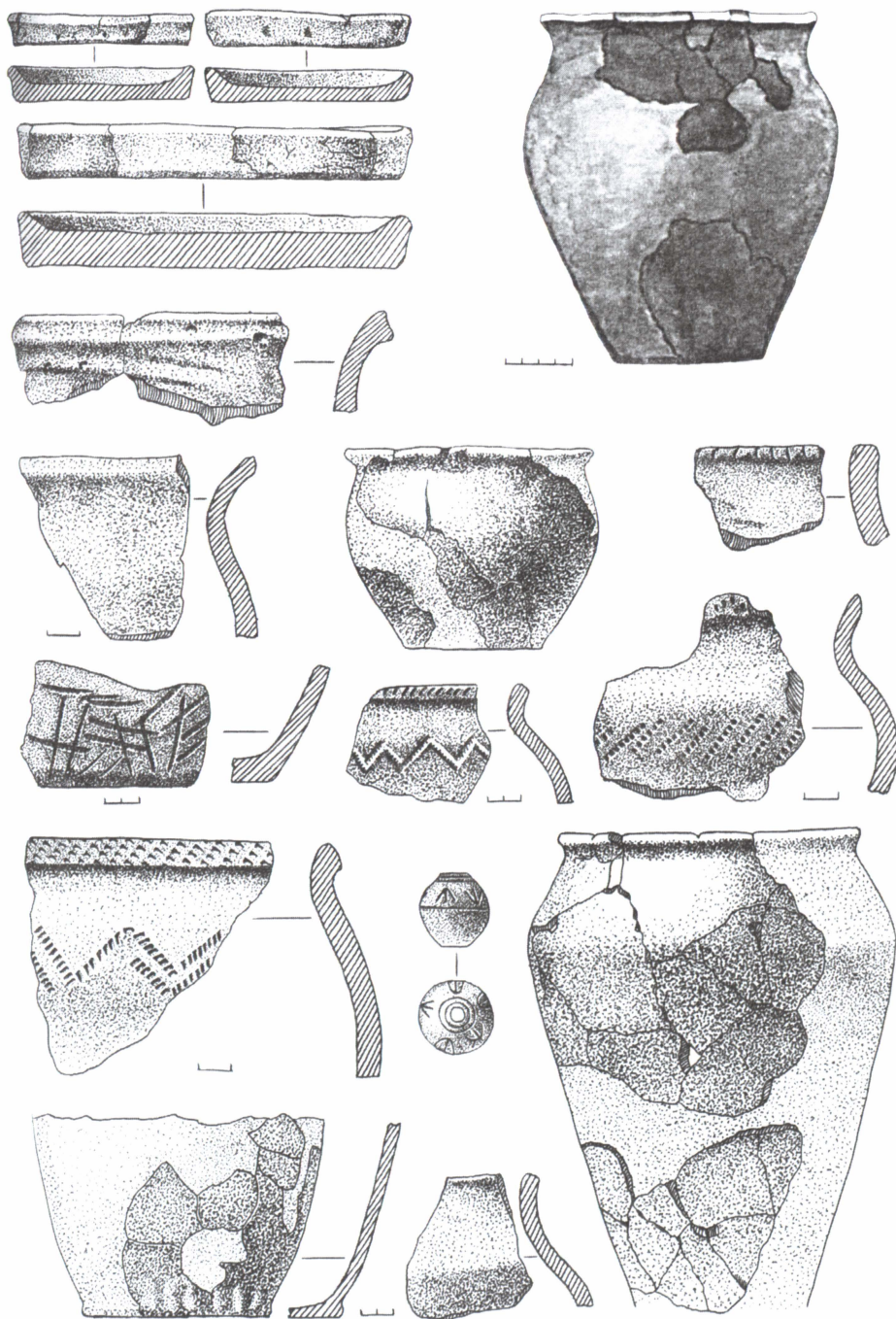
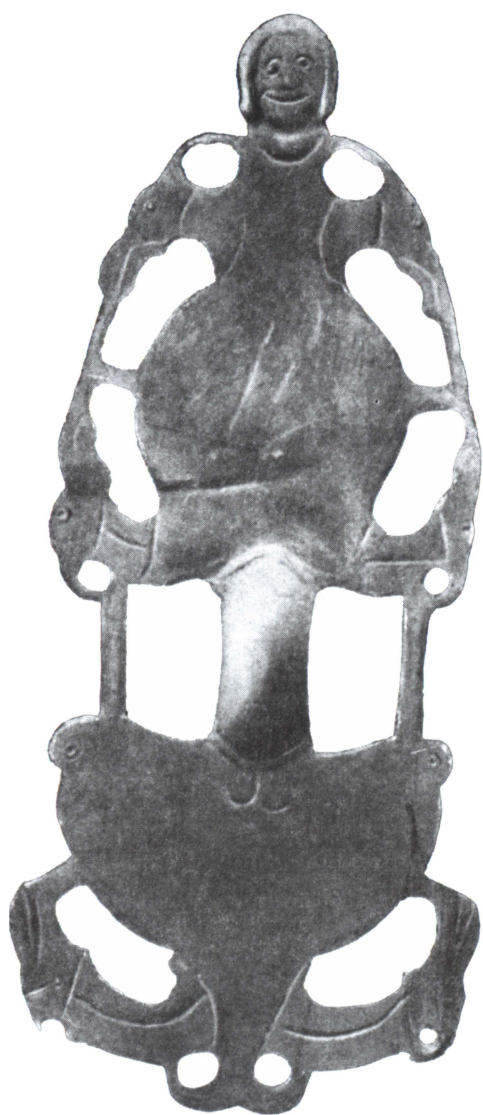

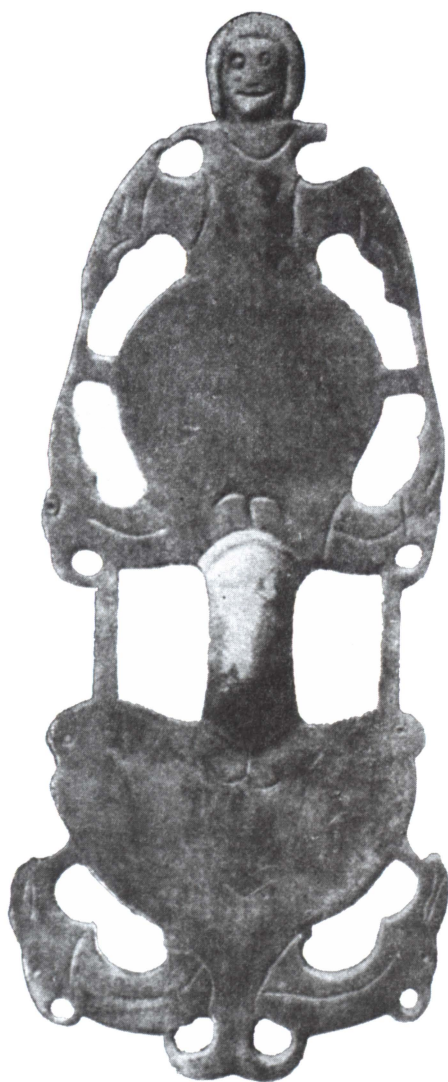
Рис. 2. Керамика VII–VIII вв. Киев. Старокиевская гора

Рис. 3. Серебряные браслеты VII–VIII вв. Киев. Старокиевская гора

1

2

Рис. 4. Зооморфные фибулы VII–VIII вв.

1 — Киев. Старокиевская гора; 2 — Пастырское городище

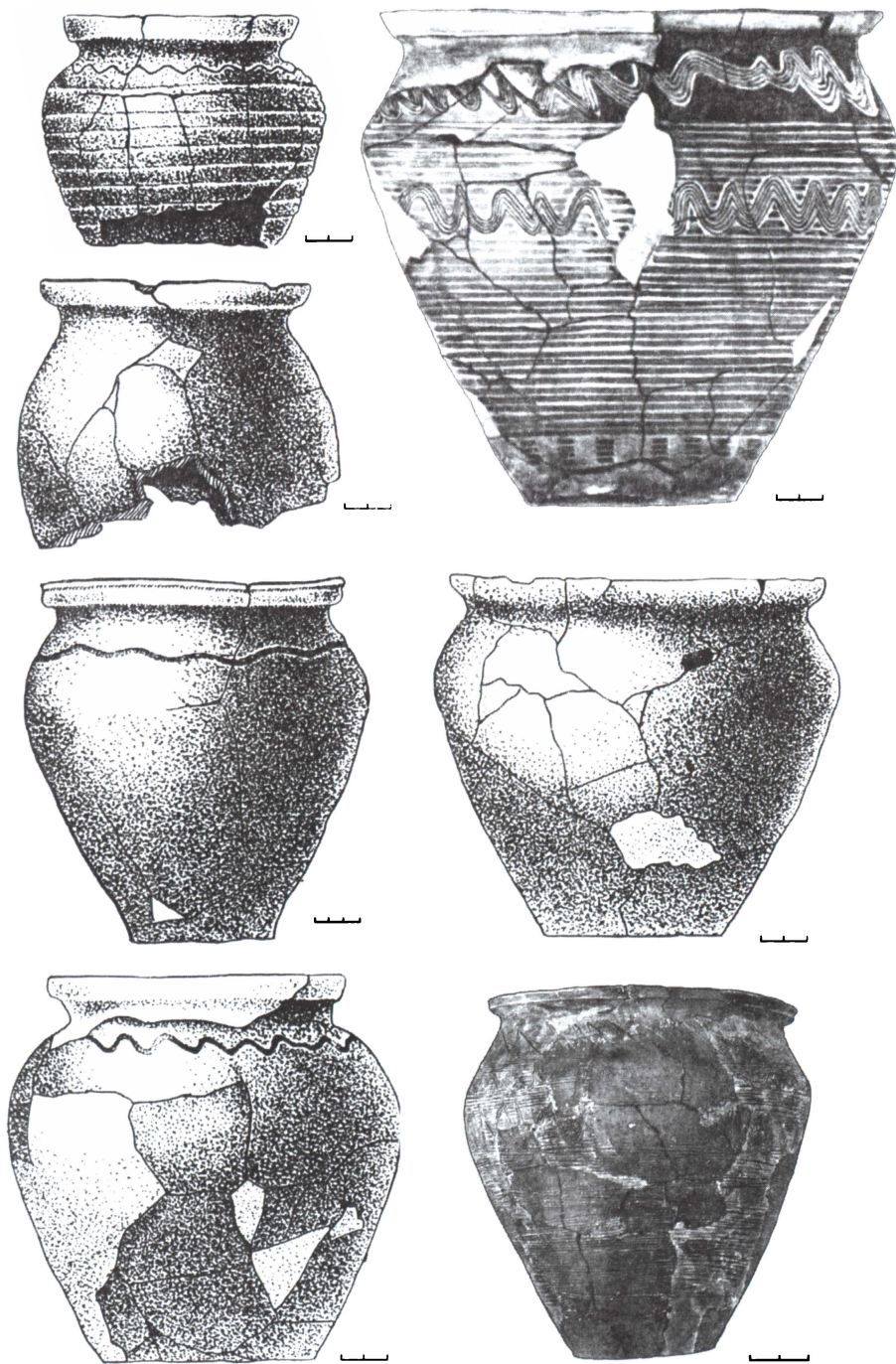

Рис. 5. Керамика IX–X вв. Киев. Подол

Рис. 6. Литейные формочки IX-X вв. Киев. Подол

Рис. 7. Оковка рога. Игольник. IX–X вв. Киев. Подол

Рис. 8. Керамика IX в. Киев. Замковая гора, Верхний город

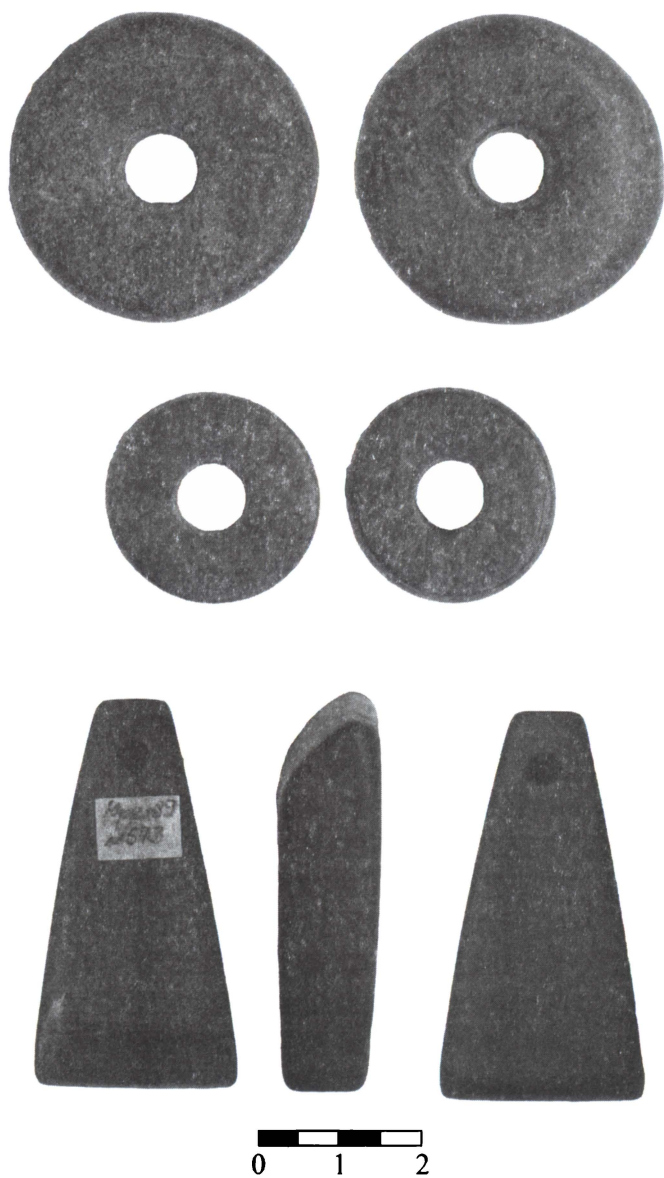

Рис. 9. Стеатитовый топорик и пряслица. IX–X вв. Киев. Подол

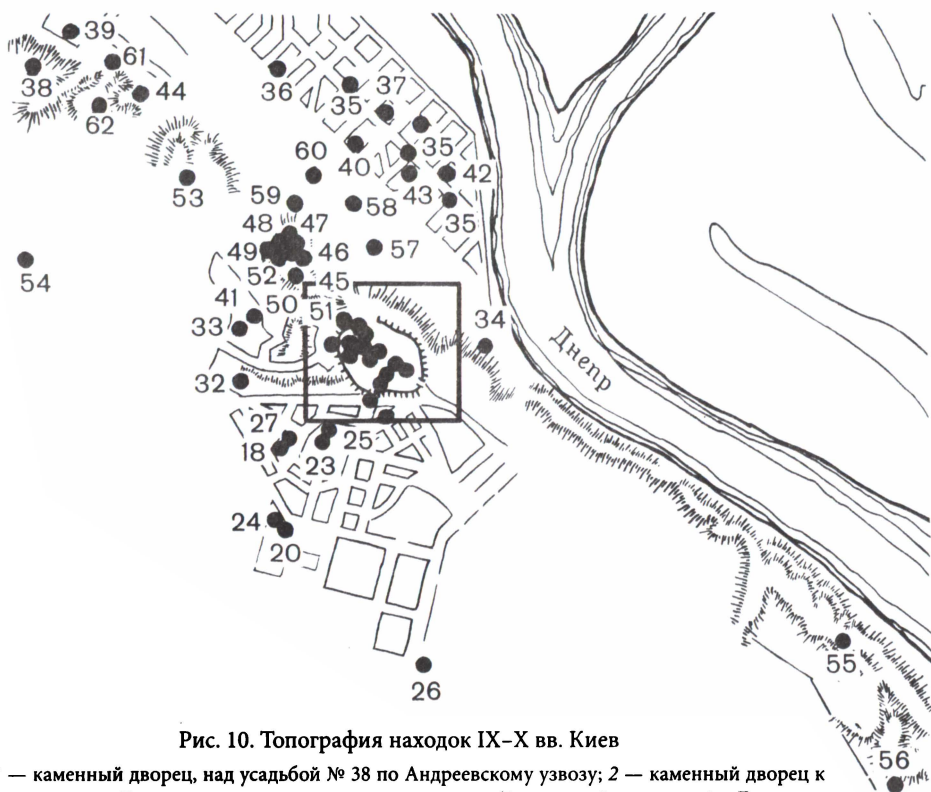

Рис. 10. Топография находок IX-X вв. Киев

1 — каменный дворец, над усадьбой № 38 по Андреевскому узвозу; 2 — каменный дворец к юго-западу от Десятинной церкви; 3 — каменный дворец. Десятинный переулок; 4 — Десятинная церковь; 5—7 — раскопки вала и рва «города Владимира»; 8 — ров перед Софийскими воротами; 9 — Софийские ворота; 10 — жилище, усадьба Государственного Исторического музея; 11 — жилище, ул. Владимирская, № 3; 12 — арабские дирхемы в жилище усадьбы Государственного Исторического музея; 13 — жилище, усадьба Государственного Исторического музея; 14, 15 — жилища на склонах Старокиевской горы; 16 — арабский дирхем, усадьба Андреевской церкви; 17 — византийская монета, ул. Владимирская, № 15; 18 — арабские дирхемы, угол ул. Рейтарской и Чкалова; 19 — арабский дирхем, усадьба Государственного Исторического музея; 20 — клад арабских дирхемов, ул. Ярослав Вал; 21, 22 — арабские дирхемы, усадьба Государственного Исторического музея; 23 — византийский солид, усадьба Софийского музея; 24 — византийский солид, ул. Ярослав Вал; 25 — византийские монеты, усадьба Софийского музея; 26 — византийская монета, Бессарабская площадь; 27 — византийская монета, ул. Чкалова; 28, 29 — византийские монеты, усадьба Государственного Исторического музея; 30 — каменный дворец к северо-западу от Десятинной церкви; 31 — византийская монета, ул. Владимирская, № 7—9; 32 — керамика, ул. Артема; 33 — византийская амфора, Кудрявец; 34 — остатки каменной постройки, подножье Михайловской горы; 35 — керамика, Подол; 36 — культурный слой X в., угол ул. Ратманского и Межигорской; 37 — керамика, ул. Волошская; 38 — клад арабских монет, усадьба бывшей Иорданской церкви; 39 — арабский дирхем, ул. Фрунзе, № 55—59; 40 — клад арабских монет, Подол; 41 — византийская монета, ул. Кожемяцкая; 42 — византийская монета, усадьба бывшего Братского монастыря; 43 — клад византийских монет, ул. Героев Триполья; 44 — византийские монеты, территория завода стальных панелей по ул. Фрунзе; 45 — византийская монета; 46 — клад херсон-византийских монет; 47 — остатки каменной постройки; 48 — медная фибула; 49 — керамика; 50 — арабская монета; 51 — литейная формочка диргема; 52 — культурный слой и жилища, Замковая гора; 53 — культурный слой, гора Щекавица; 54 — византийская монета, ул. Мельника; 55 — клад арабских монет, Аскольдова могила; 56 — клад арабских монет, ул. Январского восстания (вблизи завода Арсенал); 57 — срубные постройки, Красная площадь; 58, 59 — срубные постройки, Житной рынок; 60 — срубные постройки и ювелирная мастерская, ул. Верхний Вал; 61 — каменное сооружение, подножье горы Юрковицы; 62 — жилища, верхнее плато горы Юрковицы.

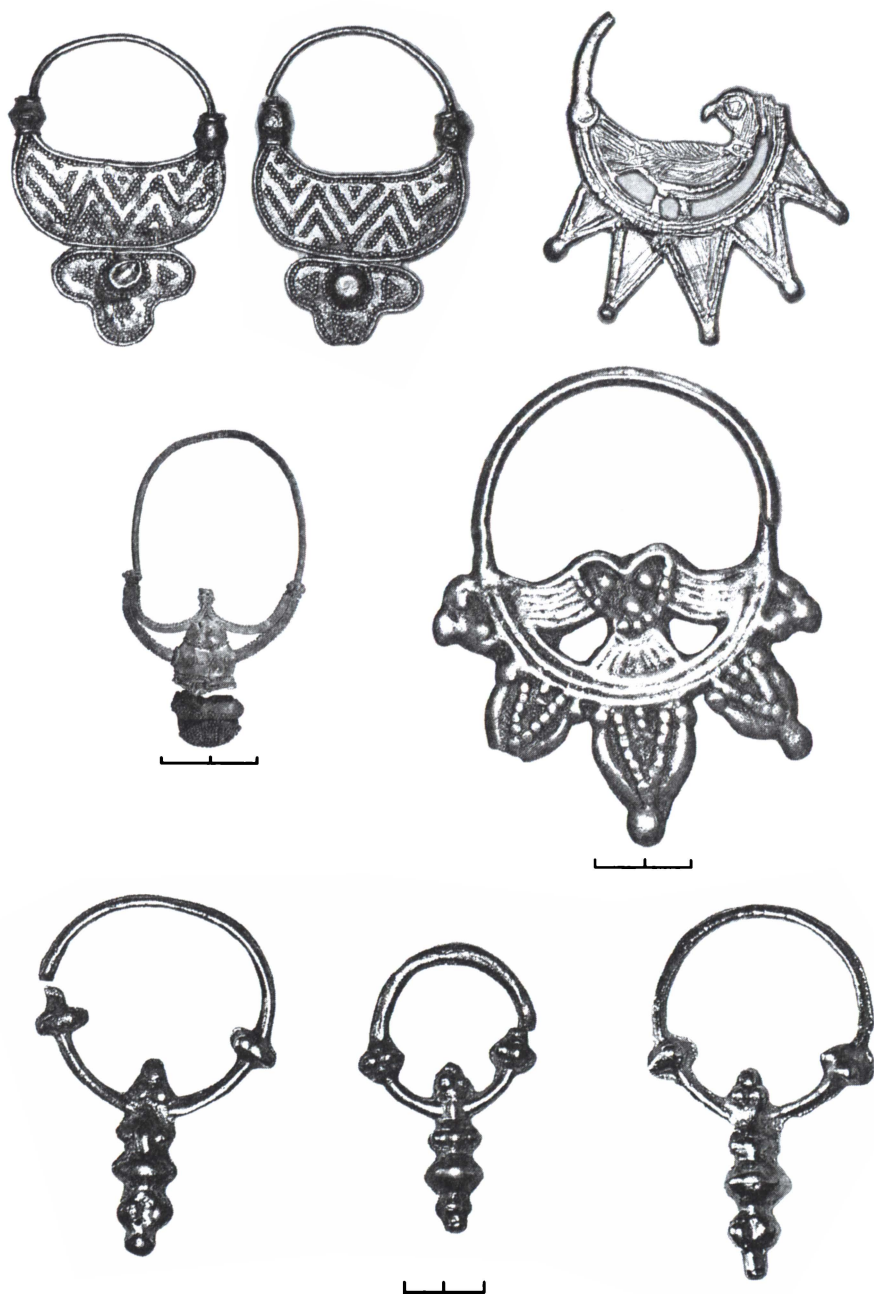

Рис. 11. Ювелирные изделия IX–X вв. Искоростень

Рис. 12. Ювелирные изделия IX–X вв. Искоростень

летописные времена. Не все соглашались с его княжеским званием, на чем настаивал Нестор. Некоторые современники, не подвергая сомнению историчность Кия, полагали, что он был простым перевозчиком через Днепр. Нестор назвал таких «несведущими» и возразил им следующим аргументом: **«Аще бо вы перевозникъ Кий, то не вы ходилъ Царюгороду; но сей Кий княжаше в родѣ своемъ, прихोдившу ко царю»**¹.

Раньше мне казалось, что продолжение рассказа о Кие-князе это уже сочинение Нестора, явившееся результатом каких-то его историковедческих разысканий. При всей заманчивости такого предположения, настаивать на нем все же нет оснований. Аргумент в пользу княжеского звания содержится в самом предании, которое не заканчивалось сообщением об основании града, но содержало ряд подробностей о хождении Кия к царю — византийскому императору. Это определенно следует из ссылки Нестора на сказание: **«Яко же сказуютъ»**. В Ипатьевской летописи та же ссылка дополнена признанием летописца в том, что имя этого царя осталось неизвестным. **«Но токмо о семъ вѣмы, яко же сказуютъ, яко велику чєсть приалъ єсть отъ царя, которого не вѣмъ и при которомъ приходи цари»**².

Как видим, Нестор и последующий редактор проявили к преданию максимальную корректность. Чего в нем не было, не появилось и у них. В своем неведении они честно и сознались: **«Но токмо о семъ вѣмы, яко же сказуютъ»**.

В литературе можно встретить мысль, что Кий-перевозник рожден новгородскими летописцами, оспаривавшими у Киева приоритет в образовании Руси и намеренно понизившими социальный статус его основателя. В действительности, это не совсем так. Как и киевские, они привели мнение о Кие-перевознике или охотнике, но сами не сомневались в его княжеском звании. Отвечая на вопрос — **«как во имя назвася Кыєвъ?»**, они поставили его в ряд тех городов мира, которые получили имена **«царев тѣхъ и князей тѣхъ»**. **«Тако же и в нашен странѣ званъ бысть градъ великимъ княземъ во имя Кия»**³.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 13.

² Полное собрание русских летописей (далее ПСРЛ). Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1982. С. 8.

³ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 103.

Есть ли в рекомендации Кия князем нечто необычное, чего вообще не могло быть? Определенно, нет. Даже и в том случае, если мы отнесем его деятельность к VI в. Это ведь было время формирования восточнославянских племенных союзов-княжений, во главе которых уже стояли вожди-князья. «И по сихъ братьи, — замечает летописец, — почаша родъ ихъ княженье в поляхъ, а в древляхъ свое, а дреговичи свое, а словѣни свое»¹.

Сложнее с теми подробностями из жизни Кия, которые свидетельствуют о его встрече с византийским императором и попытке закрепиться на Дунае при возвращении на родину. И дело здесь не в том, когда это было возможным: во времена Юстиниана I, как предполагал Б. А. Рыбаков, при правлении Ираклия, на чем настаивал М. Ю. Брайчевский, или Константина Великого, что казалось реальным И. Я. Франко². Проблема в том, могла ли в принципе состояться подобная встреча?

Думается, что ничего невероятного в этом нет. Как свидетельствует Прокопий Кессарийский, такие встречи и были. Славянин Хильбудий во времена Юстиниана I был поставлен начальником Фракии для охраны дунайской границы от варваров³. Около 545 г. к антам были отправлены послы греков, объявившие согласие императора уступить славянам нижнедунайскую крепость Туррис и близлежащие земли при условии, что они будут охранять северную границу империи от гуннов. Значит перед этим в Константинополе побывало антское посольство, просившее эту крепость у Юстиниана. Наверное, были и другие встречи, о которых сведений не сохранилось.

Похожее свидетельство содержится в легенде о Кие. Как и Хильбудий, он также предпринял попытку закрепиться на Дунае. «Идущю же ємѹ (Кию. — П. Т.) вспять, приде къ Дѹнаєви, и възлюбѹ мѣсто, и сръбѹ градокъ малъ, и хотяще сѣсти с родомъ своимъ, и не даша ємѹ тѹ близъ живущи». От себя летописец добавил, что «и донынѣ наречаютъ дѹнайци городище Кієвєць»⁴.

Разумеется, у нас нет оснований отождествлять Хильбудия с Кием или полагать, что свидетельство летописца о попытке последнего

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 13.

² Толочко П. П. Древний Киев. С. 19–20.

³ Прокопий из Кессарии. Война с готами. М., 1950. С. 294–295.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 13.

закрепиться на Дунае соответствует греческому известию о предоставлении антам крепости Туррис. Однако то, что между славянами и Византией в VI–VII вв. имели место не только военные, но и дипломатические контакты, позволяет относиться и к этой части летописного рассказа с большим доверием. Это не плод сочинительства летописца, а тоже народное предание, которое, как и весь летописный рассказ, несомненно имеет реальную событийную основу.

МИФ О ХАЗАРО-ИУДЕЙСКОМ ОСНОВАНИИ КИЕВА

Непосредственным поводом для написания этой статьи послужила информация В. С. Флерова о коллоквиуме «Хазары» (Иерусалим, 1999) и «Краткой еврейской энциклопедии» о хазарах, опубликованная в «Российской археологии» № 3 за 2000 г. (Флеров В. С. Коллоквиум «Хазары». (Иерусалим, 1999) и «Краткая еврейская энциклопедия о хазарах» — М., 2000. С. 229–234). В ней автор с недоумением приводит утверждение М. Гольдельмана, содержащееся в его обширной энциклопедической статье «Хазары», о том, что согласно «распространенному в исторической науке мнению, Киев был основан около 830 г., как хазарский торговый центр».

Такое впечатление, что М. Гольдельману посчастливилось обнаружить закладной камень столицы Руси. Если бы он потрудился уточнить степень распространенности такого мнения в наше время, то ему пришлось бы ограничиться фактически двумя авторами, написавшими одну работу. Речь идет о Н. Голбе и О. Прицаке, которые издали монографию «Хазаро-еврейские документы X в.»¹. Она и послужила источником патристического вдохновения М. Гольдельмана, хотя и не подвигла его на собственные археологические или исторические разыскания.

Ознакомившись в свое время с книгой названных авторов, я обратил внимание на ряд ее экстравагантных выводов, далеко выходящих за пределы источниковедческих возможностей так называемого киевского еврейского письма. Очевидная несостоятельность многих

¹ Впервые книга увидела свет в 1982 г. на английском языке. В 1997 г. она была переиздана в России на русском языке в еврейском издательстве «Гешарим». *Норман Голб и Омелян Прицак. Хазаро-еврейские документы X в.* / Научная редакция, послесловие и комментарии В. Я. Петрухина. Москва; Иерусалим, 1997.

утверждений, казалось, избавляла научную общественность от серьезного и развернутого критического их анализа¹. Теперь же, когда выводы Н. Голба и О. Прицака неожиданно обрели «хрестоматийную» непреложность, нельзя больше относиться к ним, как к некоей филологической шалости.

Прежде всего о самом письме. Даже если согласиться с его подлинностью (в чем нет полной уверенности) и с тем, что написано оно в Киеве в первые десятилетия X в., то максимум на что уполномочивает оно добросовестного исследователя, это на утверждение о наличии в Киеве в это время иудейской хазарской общины, вероятно, торговой колонии. Ничего нового, а тем более сенсационного в письме не содержится. О том, что в раннем Киеве была хазарская колония известно из Повести временных лет. В ней упоминается урочище «Козары». Подтверждает хазарское присутствие в Киеве и археологический материал, правда, очень незначительный². Но ведь и киевское письмо не указывает на большую хазаро-иудейскую общину Киева. Она оказалась неспособной собрать 40 монет среди киевских соплеменников, чтобы вызволить из долговой зависимости от неверного (очевидно, славянина) своего товарища и вынуждена была обращаться за финансовой помощью за пределы Руси.

В. Я. Петрухин в одном из примечаний к книге Н. Голба и О. Прицака резонно замечает, что в самом письме не содержится каких-либо свидетельств о хазарском господстве: скорее, зависимость членов еврейской общины от иноверцев свидетельствует, напротив, о господстве в Киеве русских князей³.

Прозаическое объяснение присутствия в славянском Киеве начала X в. хазарских иудеев показалось неинтересным Н. Голбу и О. Прицаку и они изобретают сложную конструкцию хазарского приоритета в его основании и ранней истории.

Приведем несколько наиболее характерных утверждений названных авторов. Н. Голб: «В соответствии с широко распространенным

¹ Небольшой комментарий отдельных высказываний О. Прицака был помещен мной в статье: П. П. Толочко. Спорные вопросы ранней истории Руси // Славяне и Русь (в зарубежной историографии): Сб. К., 1990. С. 104–108.

² Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 92–104; Толочко П. П. Древний Киев. К., 1983. С. 18–33.

³ См. Комментарии. Примечание // Голб Н., Прицак О. Указ. соч. С. 96–217.

взглядом, Киев был основан хазарами в VIII веке»¹. В справочной отсылке приведена «Jewish Encyclopaedia». Vol. 7 (New York, 1904), а также работа Г. Вернадского «Ancient Russia» (New Haven, 1943). Вряд ли очень убедительное подтверждение широкой распространенности взглядов о хазарском Киеве.

О. Прицак: «Общеизвестно, что Киев управлялся хазарами до того, как был завоеван Русью»². «Общеизвестность» исторического факта, как казалось О. Прицаку, избавляла его от какого-либо обоснования своего утверждения и ссылок на предшественников.

Утверждая с особым энтузиазмом хазаро-иудейское основание Киева, названные выше авторы несколько расходятся в определении его времени. По Н. Голбу — это конец VIII в. О. Прицак дает две даты: сначала уверяет, что Киев был построен не ранее первой половины IX в., затем относит это событие к VIII в. М. Гольдельману почему-то приглянулась точная дата — 830 г., неизвестно откуда почерпнутая. В письменных источниках ее нет.

Содержание книги Н. Голба и О. Прицака убеждает, что идеологом хазаро-иудейского основания Киева является О. Прицак, выступавший и прежде со статьями на эту тему. Более того, он немало потрудился и над тем, чтобы доказать хазарское происхождение летописных полян³. Логика его рассуждений предельно проста. Название «поляне» показывает, что оно понималось в Руси как связанное с аппелятивом «поле». А поскольку в районе Киева, как кажется О. Прицаку, полей нет, только одни горы и леса, то можно предположить, что поляне до прихода на берега Днепра жили в степях к востоку от него⁴. Почему к востоку, а не к западу? Ведь там тоже имеются поля, в том числе и знаменитое Перепетово поле, которое начиналось в сорока километрах южнее Киева. Да потому, что Хазария-то находилась к востоку от Днепра.

Других письменных источников для решения вопроса, кто такие поляне и откуда они пришли, кроме как Повести временных лет нет. И не случайно, именно ее свидетельства привлекаются О. Прицаком

¹ Голб Н., Прицак О. С. 36.

² Там же. С. 64

³ Подробнее об этом сказано в статье «Русь и Хазария».

⁴ Голб Н., Прицак О. С. 68–69

для обоснования своего вывода. При этом выборочно, а те, которые не вписываются в схему, объясняются позднейшими вымыслами редактора летописи.

О. Прицаку импонирует, что в двух случаях поляне названы в одной группе с северянами и вятичами, из чего он делает вывод, что они были левобережными южными соседями северян и вятичей, то есть хазарами. Строить столь ответственное историческое заключение на основании лишь летописного соседства полян с другими восточнославянскими племенами, конечно нельзя. К тому же, поляне значительно чаще выступают соседями древлян и северян, а вовсе не вятичей. В ряде мест летописец совершенно определенно объединяет полян и древлян в одну группу, противопоставляя ее другой, которую составляли радимичи и вятичи.»Поляномъ же живущим особѣ, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а древляне от словѣнъ же и нарекошася древляне: радимичи бо и вятичи от ляховъ»¹.

Нет необходимости приводить все свидетельства летописи о непосредственном соседстве полян с древлянами и северянами. Их много и все они совершенно определенно указывают на славянство полян.»Аще и поляне звахуся, но словенскаа рѣчь бѣ. Поляни же прозвани быша, зане в поле сѣдяху, а язык славенски единъ»².

О. Прицак не стал объявлять и это утверждение летописца вымыслом, но следуя своему предубеждению о хазарстве полян, неожиданно пришел к выводу, что кроме полян, говоривших на славянском языке, были также и поляне, которые не говорили по-славянски. На чем основано это предположение, неизвестно. Летописец не дает для него никаких данных. Наоборот, он рассматривает полян в ряду тех славян, которые сидели на Дунае, а затем расселились на иные земли.»Бѣ единъ языкъ славѣнскъ: словѣни, иже сѣдяху по Дунаевѣ, их же прияша угри, и моравы, и чеси, и ляхове, и поляне, яже нынѣ зовомаа Русь»³.

Еще более решительно разделался О. Прицак с хазарской данью полян. Действительно, если поляне являлись хазарами, то как-то не-

¹ ПВЛ. Ч. 1., М., 1950. С. 14.

² Там же. С. 23.

³ Там же. С. 21.

логично, чтобы они платили дань хазарам же. А коль так, то дани этой и вовсе не было: все это позднейшее сочинение редактора Повести временных лет. Вот только не объяснил О. Прицак, зачем славянину, потомку древних полян, понадобилось возводить на хазар такую на-праслину, а заодно и выставять не в очень привлекательном свете своих далеких предков.

О хазарской дани полян в летописи говорится трижды: в недатированной части и в статьях 859 и 862 гг. Проанализируем эти сообщения и посмотрим, дают ли они основания для обвинения летописца или редактора ПВЛ в намеренном вымысле.

Текст из недатированной части: «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (Кия, Щека и Хорива. — П. Т.) быша обидимы древлемъ и инѣми околными. И наидоша я хазарѣ, сѣдящая на горахъ сихъ в лѣсѣхъ, и рѣша козари: “Платите намъ дань.” Бѣдѹмавшѣ же поляне и вѣдѣша от дыма мечь, и несеоша козари князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ»¹.

Что же смутило О. Прицака в этой статье? Оказывается, мечи, которые поляне преподнесли в качестве дани хазарам. Согласно ему, это не полянская, но русская традиция. Меч, судя по данным арабских географов, играл важную роль среди русов. Совершенно верно: среди русов и среди славян, но не среди хазар, оружием которых была сабля. Если бы поляне киевские являлись хазарами, они должны были дать в качестве символической дани саблю, а не меч.

Статья 858 г. «Въ лѣто в 337. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнахъ, на мери, и на всѣхъ, кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверницѣ от дыма»².

Здесь О. Прицаку кажется подозрительным упоминание в качестве дани беличьих шкурок. Почему? Да потому, что беличьи шкурки собирались в качестве дани не хазарами на юге Восточной Европы (где это животное не водится), а варягами в Северной Европе³. В действительности, и белки водились повсеместно в лесах Восточной Европы, и беличьи шкурки были традиционным платежным средством у сла-

¹ ПВЛ. Ч. 1. Указ. соч. С. 16.

² Там же. С. 18.

³ Голб Н., Прицак О. С. 68.

вян, что засвидетельствовано арабским путешественником XII в. Абу Хамидом ал-Гарнати. Однако еще убедительнее отводит обвинение редактора Повести временных лет в вымысле тот факт, что аналогичный рассказ о хазарской дани содержится и в Новгородской летописи, что позволяет датировать его временем начального свода.

Статья 862 г. «Они же рѣша: **“Была сѹтъ 3 братья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ, платяче дань козаромъ”**»¹. Так ответили киевляне на вопрос приплывших к Киеву Аскольда и Дира: **«Чий се градокъ?»** Из контекста ответа совершенно ясно, что киевляне 60-х годов IX в. осознавали себя наследниками рода Кия, попавшими в данническую зависимость от хазар.

О. Прицак считает версию, содержащуюся в Ипатьевской летописи, недостоверной и противопоставляет ей статью Лаврентьевской летописи: **«И мы сѣдимъ, родъ ихъ, платяще дань Козаромъ»**². Единственный аргумент в пользу большей достоверности известия Лаврентьевской летописи — ее более ранняя редакция. Если бы речь шла о редакциях древнерусского периода, такое утверждение имело бы смысл. Но и Лаврентьевский, и Ипатьевский летописные своды составлены в позднесредневековое время и нет гарантии, что сводчик XIV в. располагал более древним и достоверным протографом, чем сводчик XV в.

Статья Лаврентьевской летописи внутренне противоречива. Буквальное ее прочтение свидетельствует, что киевляне IX в. по отношению к Кию и его роду — совершенно чуждое население. Это туземцы, платящие дань хазарам. Согласовать показания этой статьи нет возможности, да собственно и большой необходимости. Исследователи летописей уже давно пришли к выводу, что правильное ее чтение находится в Ипатьевской летописи. А. А. Шахматов предложил следующую, уточненную редакцию этой статьи: **«А мы сидим, род их (Кия и братьев. — П. Т.) и платим дань козарам»**³.

Подводя итог сюжету о хазарской дани полян, приходится признать, что сведения Повести временных лет в целом верно отража-

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 18.

² Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. М.; Л., 1962. С. 21.

³ Шахматов А. А. Повесть временных лет. Т. 1. Петроград., 1916. С. 21.

ют исторические реалии. К Киеву и полянам хазары не имели другого отношения, кроме того, что на определенном этапе истории, по-видимому, во второй половине VIII в. они распространили на них данническую зависимость.

Теперь обратимся к аргументам О. Прицака о строительстве города Киева хазарами не ранее первой половины IX в. Теоретически такой вариант вполне возможен. Завоевав славянский населенный пункт, хазары могли превратить его в крепость и даже город. Другое дело, есть ли убедительные данные для этого.

Свое путанное повествование о раннем Киеве, как хазарском гарнизонном центре, О. Прицак строит на двух основных посылах. Во-первых, на археологической. Цитируя В. П. Петрова, он утверждает, что Киев как город был основан на Днепре не ранее первой половины IX в., и этот факт якобы засвидетельствован археологическими раскопками. Во-вторых, на политико-географической. К этому времени, как кажется О. Прицаку, хазарская граница на западе проходила по Днепру и, следовательно, Хазария с неизбежной необходимостью должна была строить здесь порубежные гарнизонные и торговые городки.

Что касается археологического аргумента, то он на проверку оказывается совершенно несостоятельным. Прежде всего своей некорректностью. В. П. Петров в статье, на которую ссылается О. Прицак, проводит мысль о непрерывном существовании Киева с рубежа старой и новой эр. На этапе VI–IX вв. он представлял собой племенной славянский центр, а затем, уже в X в., превратился в стольный город Древнерусского государства¹. Об основании Киева в первой половине IX в., к тому же подтвержденной археологическими раскопками, В. П. Петров просто не писал.

Еще менее убедителен «пограничный» аргумент. Разумеется, у О. Прицака нет данных о том, что западная граница Хазарии проходила по Днепру. Но даже если бы они и были, это ничего не подтверждает. Киев ведь возник не на «хазарском», а на славянском берегу и, таким образом, является скорее порубежной крепостью славян. Собственно, именно такой и была его роль по отношению

¹ Петров В. П. Про першопочатки Києва (До 1100–річчя першої літописної згадки про Київ) // Український історичний журнал. 1962. № 3. С. 14–21.

к кочевникам степей на протяжении всей его средневековой истории¹.

Известия о строительстве крепости Саркел на Дону в 833 г. византийскими инженерами натолкнули О. Прицака на мысль, что на-верное в это же время или немного позднее был укреплен и Киев². Подтверждается это якобы тем, что реальное киевское укрепление (около Берестова) названо «Угорским». Это наименование, очевидно, происходит от оногурского гарнизона³.

Приведенное утверждение вызывает по меньшей мере недоумение. Автор не обнаружил здесь знаний не только киевской археологии, но также и исторической топографии. Урочище Угорское отстоит от центральной части древнего Киева почти на 3 км и было его дальней околицей даже в период расцвета города. И если «Угорское» — это Киев IX в., то как тогда именовалась крепость на Старокиевской горе, которая действительно существовала? Археологические материалы, которые бы давали возможность предположить наличие в IX в. в означенном урочище хазарского гарнизона также не обнаружены.

Обосновывая собственную идею построения Киева хазарами, О. Прицак утверждает, что он имеет типичную центральноазиатскую модель: (1) цитадель, гора; (2) внутренний город, Копырев конец; и (3) пригород, Подол. Археологические данные свидетельствуют, что Киевская цитадель существовала с VIII по XI в., внутренний город появился к началу X в., а пригород Подол начинает существовать по крайней мере в начале X в.⁴

Здесь, что ни утверждение, то откровение, обусловленное незнанием исторической топографии и археологической хронологии. Копырев конец никак не может претендовать на внутренний город, поскольку находился на расстоянии одного километра от киевского детинца, а между ними еще располагался кромный град, вошедший в литературу под названием «Города Ярослава». Не был пригородом и Подол, в действительности игравший роль киевского торгово-ремесленного посада и, по существу, примыкавший к детинцу.

¹ Толочко П. П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. К., 1999.

² Голб Н., Прицак О. С. 70.

³ Там же. С. 71.

⁴ Там же. С. 77–78.

Построение Киева хазарами по центральноазиатской модели предполагало бы практическую одновременность его структурных частей, однако сам же О. Прицак выстраивает последовательное их появление. Правда, при этом не особенно заботясь о точности хронологических справок и даже не сообразуясь с собственными утверждениями. Заявив в начале исследования, что Киев не мог быть построен ранее первой половины IX в., он затем пришел к выводу о существовании киевской цитадели уже с VIII в.

Копырев конец, как городской район, сложился не в начале X в., а скорее в конце его, а может быть и в начале XI в. Что касается Подола, то новые археологические раскопки позволяют предполагать его практическую одновременность с поселением на Старокиевской горе. В IX — начале X в. Подол имел уже регулярную срубную застройку, что подтверждается дендродатами ряда построек: 887 г., 900 г., 901 г., 903 г.¹

Конечно, никакой центральноазиатской модели в Киеве не было. Он возникал и развивался как типичный славянский центр — сперва административно-политический, а затем и торгово-ремесленный.

Еще одним важным аргументом в пользу хазарского Киева, как считает О. Прицак, есть название «Копырев конец». Произошло оно якобы от общеизвестных в хазарском государстве этнонимов Sabar (Савар) и Kavar (Кавар), и является убедительным свидетельством того факта, что внутренний город Киева (шахристан) первоначально был заселен хазарскими каварами (копырами)². Упоминание в летописи в XII в. «жидов» позволило О. Прицаку прийти к еще целому ряду ответственных выводов. Оказывается, киевские кавары (копыры) исповедовали иудаизм, а Киев, таким образом, через них также имел связь с этой религией³.

Трудно судить, сколь убедительны этимологические разыскания О. Прицака, однако, историку они представляются крайне недостаточными для вывода о заселенности Копырева конца хазарскими иудеями — копырами. Нужны археологические материалы, которые бы их подтвердили. Это понимал и О. Прицак, полагавший, что серьез-

¹ Сагайдак М. А. Дендрохронология древнего Киева // Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 449–450

² Голб Н., Прицак О. С. 78–79.

³ Там же. С. 79.

ные археологические исследования могут привести к нахождению здесь остатков еврейских религиозных сооружений.

В последние десятилетия Копырев конец неоднократно подвергался стационарным раскопкам, но они так и не оправдали надежд О. Прицака. Здесь найдены археологические слои VI–VII вв. с типичной славянской керамикой, а также древнерусские — конца X–XIII вв. Аналогичные материалы обнаруживаются и во время охранных работ при прокладке различных подземных коммуникаций. И нигде на всей 40-гектарной площади древнего Копыревого конца не выявлено ни одного объекта или предмета салтовского культурного облика. Стоит ли говорить, что без этого разговоры о хазаро-иудейском Копыревом конце древнего Киева ничего не стоят.

Наиболее убедительным доводом хазарскости Киева, как полагает О. Прицак, является его название. Появилось оно незадолго до конца IX в. и происходит от собственного имени хазарского визиря Куя¹. Источники ничего не говорят и об этом визире, а тем более о строительстве им Киева, но О. Прицак восполняет этот недочет собственными умозаключениями. В 30–40-е годы X в., когда ал-Масуди составлял свой труд, хазарским визиром был Ахмед бен Куя. Поскольку в кочевых империях должности министров были наследственными, то можно предположить, что Куя был предшественником Ахмада. На основании этого предположения строится следующее: «Именно Куя укрепил крепость в Берестове и разместил там оногурский гарнизон».

Далее: «Ничто не мешает нам полагать, что хорезмиец Куя, послуживший прототипом Кия летописей, и был основателем (или строителем) Киевской крепости»². Таким образом, О. Прицак предлагает уже третью дату основания Киева — конец IX в.

Пользуясь стилем О. Прицака, можно заметить, что если ему «ничто не мешает полагать», то такое же «ничто» не позволяет и фантазировать. Источники зафиксировали строительство Саркела в 833 г., отчего же тогда они ни одним словом не обмолвились о строительстве Киева? Крепости на Берестове, где, будто бы, Куя разместил оногурский гарнизон, не существовало в природе. Наверное, будь

¹ Голб Н., Прицак О. С. 75.

² Там же. С. 77.

Киев построен хазарами, а тем более хорезмийцами, в конце IX в., это событие не осталось бы незамеченным восточными авторами. Они же все согласно говорят о Киеве IX–X вв., как о городе славян и Руси, но не хазар.

Можно было бы продолжить обсуждение эпатажных построений О. Прицака о хазаро-иудейском Киеве, если бы не было киевской археологии. Она делает такое обсуждение излишним. Добытые почти 200-летними раскопками материалы убедительно демонстрируют принадлежность киевских древностей VI–X вв. к кругу славяно-русских. Можно дискутировать, когда Киев обретает статус городского средоточия, однако спор об его культурно-исторической принадлежности просто бессмысленен.

РУСЬ ИЗНАЧАЛЬНАЯ

В статье представлен разбор новой концепции начальных этапов происхождения и формирования Руси, предложенной К. Цукерманом¹.

Историография темы происхождения Руси необычайно широка. Интерес к ней постоянен в отечественных и зарубежных исследованиях. И кажется, всё, что можно было сказать, уже сказано, а на долю нынешнего поколения историков осталась лишь трудная проблема выбора. Но как свидетельствует статья К. Цукермана, согласиться с такой участью оно не может и выносит на суд читателей свое особое мнение. В данном случае достаточно амбициозное, претендующее на пересмотр всей начальной истории Древней Руси.

Тезисно концепция К. Цукермана выглядит следующим образом. До образования Руси Киевской русская государственность пережила два этапа своего формирования. Первый приходится на 30–70-е годы IX в., второй — от прихода на Русь Рюрика в 895 г. до начала X в., когда ее политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе государственное образование называлось Русским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей была Ладога. В начале 70-х годов IX в., в результате какой-то неизвестной межплеменной войны, каганат оказался разрушенным, а на смену ему пришло новое образование во главе с Рюриком. Центром его, можно думать, был Новгород (Рюриково городище), названием — все та же Русь. Правда, теперь это уже был, как будто, не каганат. В заключение автор замечает, что «если эта концепция верна, то начальная история Древней Руси должна быть в корне пересмотрена»².

¹ Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. № 1. 2003. С. 76–99.

² Там же. С. 90.

Какими же аргументами К. Цукерман поддерживает свою сенсационную концепцию, и все ли они оригинальны? Оказывается, не все — многие позаимствованы у предшественников, что называется, по методу предпочтения. Русский каганат основали шведы, которые обрели названия «Ros», «Rus», «Русь» от финского слова «Ruotsi». Что касается географической локализации каганата, то автор придерживается гипотезы Д. А. Мачинского, располагавшего его на севере, в бассейне Волхова¹. Все остальные мнения на этот счет во внимание не принимаются, поскольку будто бы не выдерживают критики.

Чьей критики? Разумеется, не К. Цукермана, но тех исследователей, с которыми он солидарен. Идея автохтонного происхождения названия «Русь» от иранского «Rhos» (Rosomoni, Roxolani), которую обосновывали в свое время Г. Вернадский, Б. Рыбаков и другие историки, для К. Цукермана неприемлема по той причине, что ее подвергли резкой критике Е. Мельникова и В. Петрухин. А неприятие Руси на среднем Днепре в IX в. основывается на отсутствии здесь скандинавских древностей этого времени. При этом автор почему-то ссылается не на результаты исследований украинских археологов, а на критический обзор их работ, выполненный И. Каллмером.

Понимая, что рассуждения о Русском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся показать, что Киев в то время и вовсе не существовал; К. Цукерман значительную часть своей статьи посвящает именно этому доказательству. Причем он не пытается разобраться в киевских древностях сам, а ссылается на авторитет своих предшественников. Ему, в частности, импонирует мнение И. Каллмера, что начало самого раннего «урбанистического» этапа в истории Киева приходится на 80-е годы IX в., и что этот век — один из наименее интересных периодов в истории данной издревле заселенной местности.

Давно уже замечено, что менее всего интересно нам то, чего мы не знаем. Если бы И. Каллмер, а вслед за ним и К. Цукерман потрудились изучить труды киевских археологов, то они бы увидели, что культурные слои Киева, датирующиеся VI–IX вв., обнаружены на значительной площади, исчисляющейся десятками гектаров. Дендродата одной

¹ Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области. Санкт-Петербург. 2002.

из построек Подола — 887 г. — вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из сохранившихся его ранних построек. Она стояла на культурном слое, который образовался в течение VIII–IX вв., содержал керамику, изготовленную на круге так называемого курганного типа, и лепную (рис. 5). Если исходить только из дендродат, то придется признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вообще не наступил, ведь там археологическое дерево не сохранилось вовсе. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 70-х годах XX в.

Убедительным свидетельством существования Киева, как крупного поселенческого центра IX–X вв., являются обнаруженные на его территории могильники. Осуществленные в них захоронения выполнены по двум обрядам — трупосожжению и трупоположению. Уже первые исследователи киевских могильных древностей датировали их VIII–X вв. К ранним относились все трупосожжения, среди инвентаря которых были — лепная керамика, поясные пряжки, наременные пластины.

Анализ инвентаря одного из них (по М. Каргеру № 120), превосходно выполненный С. С. Ширинским, позволил определить его время IX в. В пользу такой даты свидетельствует, в частности, пряжка, аналогии которой встречаются в аваро-славянских древностях VIII — начала IX в., а также наременной бляшки с изображением шестиконечной звезды, бытование которой укладывается в рамки VII–IX вв. К этому же времени относятся наременные наконечники и орнаментированные сердцевидные бляшки. По типологии инвентаря киевское погребение принадлежит к группе ранних погребений, которые обнаружены в могильниках Киева, Шестовиц, Седнева, Гнездова. Как полагает С. С. Ширинский, «приклад» для конской сбруи в IX в. мог изготавливаться одной из киевских мастерских¹.

Во время раскопок на Подоле по ул. Верхний Вал в 1975 г. следы такой мастерской, по существу, и были выявлены. Речь идет об обнаружении шести формочек для изготовления наременных декоративных бляшек: поясных наконечников, сердцевидных бляшек,

¹ Ширинский С. С. Материалы к изучению относительной хронологии курганов Поднепровья в эпоху легендарных князей Руси: Дира и Аскольда // Дніслово. Збірка праць на пошану П. П. Толочка. К., 2008. С. 76–88.

круглых бляшек с восьмиконечными лучами. На торцевой стороне одной из формочек находилась куфическая надпись, прочитанная специалистами как «Йазид», «Эзид», «Ибн» или «Турк» и отнесенная ими к IX–X вв.¹ (рис. 6).

Второе важное доказательство «небытия» Киева в IX в. — якобы отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Здесь К. Цукерман ссылается на мнение Т. Нунана, утверждающего отсутствие торговых связей между Киевом и Востоком ранее 900 г.

Следует отметить, что вывод этот не нов: лет за 30 до Т. Нунана он был сделан М. К. Каргером². Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в., не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX вв. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в то время, как полагал М. К. Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком³.

Мне уже приходилось писать об этом необъяснимом заблуждении М. К. Каргера и последовавших за ним нумизматов⁴. Для характеристики торговых связей Киева с Востоком важным является не столько время зарытия кладов, сколько даты самих монет. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, на протяжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе указывает не столько на дату его зарытия, сколько на то, что с этого времени он больше не пополнялся новыми монетами. Считать, что время поступления всех монет в Киев должно определяться датой позднейших, методически неверно. В Киеве найден клад, в котором среди 200 медных куфических монет VIII–X вв. было несколько поздних, датированных XIII в.⁵

¹ Гупало К. М., Ивакин Г. Ю., Сагайдак М. А. Дослідження київського Подолу 1974–1975 // Археологія Києва. Київ. 1976. С. 49.

² Каргер М. К. Древний Киев. М.; Л., 1959. Т. 1. С. 116–126.

³ Там же. С. 123–124.

⁴ Толочко П. П. Древний Киев. Киев, 1983. С. 165–166.

⁵ Тизенгаузен В. О кладе куфических монет, найденном в Киеве в 1803 г. // Археологический вестник. М., 1817. С. 198.

Характерно, что и одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII–X вв. Без признания существования налаженных торговых связей Киева с Востоком в VIII–X вв. (наибольшее число монет относится к IX — началу X в.), о чем свидетельствуют и восточные авторы, подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена. Даты кладов указывают не на установление прочных связей Киева с Востоком, а скорее на их прекращение.

Таким образом, на основании находок восточных монет на территории Киева нет и малейшей возможности утверждать о каком-то экономическом вакууме в Среднем Поднепровье во второй половине IX в. Наличие связей Киева с Востоком в VIII–X вв. подтверждают другие находки, в том числе салтовская керамика, выявленная в жилище VIII–IX вв. и в культурном слое Подола, а также обнаруженный могильник с катакомбными погребениями в пределах «города Ярослав».

Еще менее убедителен аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет полное отсутствие каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори принимается вывод о том, что русы — это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси.

Объективности ради, следует сказать, что не все так безнадежно. Скандинавские следы IX в. в Киеве все же имеются, в том числе и в захоронениях. Это так называемые скорлупообразные, а также кольцевые фибулы с длинными и обычными иглами, которые датируются IX–X вв. Однако причем здесь Русь? В летописи северных пришельцев называют варягами. Чудесное их превращение в русов происходит только после прихода в Киев.

На Киев Олег выступил «**пони́мъ воя многи, варяги, чюдѣ, словѣни, мѣрю, весь, кривичи**». После овладения Киевом Олег провозгласил его «**матерью городам русским**», а северная дружина получила наименование руси. «**И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ ... И бѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася русью**»¹.

¹ ПВЛ. М.; Л., 1950. Ч. I. С. 20.

Летописец и позже будет четко отличать русь от варягов и даже новгородских словен. В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с тысящей варягов и тремя тысячами друтих воинов. Навстречу ему из Киева вышел Святополк «пристрой вѣщисла вой, Р҃си и печенѣгъ»¹. После утверждения в Киеве уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для похода против Святополка и Болеслава он «совок҃упил Р҃чь, и варяги, и словѣнѣ»².

Из этих и других летописных известий видно, что варяги не приносили на юг новое название, но обретали его здесь. Оно для Среднего Поднепровья было органичным со времен древних «росов». Арабские географы в IX в. постоянно упоминают русов как обитателей южных регионов восточнославянского мира. Аль-Хорезми в сочинении «Книга картин земли», написанном между 836–847 гг., упоминает реку Друс (Данапрос — Днепр), которая берет начало из Русской горы (Джабал-Рус). Сочинение неизвестного автора IX в. «Худуд-ал-Алам» сообщает, что «страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и славянами на западе. А царя их называют хакан русов»³.

Видимо, не случайно первые киевские летописцы называли Русским и Черное море: «А Днѣпръ втечетъ в Понетѣское море тремѣ жерелами, еже море словеть Р҃сское»⁴. Ни Ильменское озеро, ни Балтийское море такого названия не имели.

Теперь — об ильменско-волховском местоположении так называемого Русского каганата. Доказательства в пользу его существования более чем сомнительны. Ссылка на переписку византийского императора Василия I и Людовика II Италийского никак не проясняет дело. Василий говорил, что титул кагана носят верховные правители аваров, хазар и норманнов, а Людовик II отметил, что знает лишь об аварском кагане, но не заметил ни хазарского, ни норманнского. Из этого К. Цукерман делает следующий вывод: «Норманнский каган, неизвестный франкскому императору, может быть только каганом народа Rhos, упоминаемого в Бертинских Анналах».

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 96.

² Там же.

³ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 399.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 12.

А почему не каганом хазар, ведь последний тоже неизвестен Людовика II? К тому же, письмо императора Василия I датируется 871 г., когда, согласно К. Цукерману, Русский каганат в бассейне Волхова был уже разгромлен, а новое государственное объединение во главе с Юриком появится только через четверть столетия.

Сведения восточных авторов позволяют говорить скорее о славяно-русском каганате, чем о норманно-славянском. Аль-Якуби упоминает государя славян (al-Sakaliba), а Ибн-Хордадбех и другие арабские географы постоянно смешивали русов и славян.

Из сообщений о походах русов на Константинополь и в Закавказье можно сделать вывод о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшем значительными людскими и материальными резервами. О малозаселенном в IX в. волховско-ильменском крае этого не скажешь. К тому же, он находился на невероятно далеко для раннего средневековья расстоянии от Византии и Закавказья, чтобы можно было осуществить даже простое путешествие в эти страны, а не то, чтобы предпринять военную экспедицию. Странным кажется и то, что предполагаемый Русский каганат в бассейне Волхова, не отличавшийся воинственностью по отношению к своим соседям, наводил ужас на народы и страны, удаленные от него на несколько тысяч километров.

Я не знаю, корректен ли вообще вывод о Русском каганате IX в.¹ Но если он и существовал, то находился, безусловно, не на севере, а на юге восточнославянского мира. Скорее всего, на среднем Днепре, а его политическим центром был Киев. В более поздние времена отсюда предпринимались военные походы в Крым и Византию, и именно здесь мудрые киевские книжники называли князей Владимира и Ярослава каганами, как бы воскрешая тем самым времена начальной Руси. Как свидетельствует летопись, уже с Олега русские правители именовались князьями или великими князьями.

Одним из доказательств в пользу того, что походы на Византию и ее черноморские владения осуществлялись в IX в. из Киева, служат находки в нем византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат императорам Михаилу III (842–867), Василию Македоняну (867–886), а также Василию I и Константину (876–879). Монеты

¹ Подробнее об этом в статье «В поисках загадочного Русского каганата».

названных императоров найдены и в других пунктах Среднего Поднепровья. В Ладоге или Рюриковом городище подобных свидетелей русско-византийских контактов для того времени нет. Конечно, было бы невероятно, если бы именно отсюда в продолжение 30–70-х годов IX в. осуществлялись визиты и походы русов в Константинополь.

В заключение несколько слов о несовершенстве ранней хронологии Повести временных лет. Конечно, она относительна. В сомнениях К. Цукермана нет ничего необычного и нового. Они высказывались даже во времена Николая I, который, согласно С. М. Соловьеву, будто бы запретил подвергать критике дату основания Русского государства, указанную преподобным Нестором. Здесь уместно напомнить, что летописание на Руси велось с конца X в., а, следовательно, ответственность за хронологию должны разделять вместе с Нестором и его предшественники. Это важно подчеркнуть, поскольку во многих исследованиях можно прочесть, что Нестор писал летопись в начале XII в., а поэтому не мог знать, когда произошло то или иное событие в предшествующие века. Ранняя хронология действительно нуждается в уточнении, но попытки ее пересмотра почти всегда оказываются малоубедительными. Не являются исключением и уточнения К. Цукермана. Выверка ранней хронологии на основании дендродат поселений Новгородчины или слоев пожарищ на них не может быть признана корректной, поскольку нет уверенности в том, что они хоть как-то коррелируются с летописными известиями. Обе новые даты (870 г. — гибель Русского каганата в бассейне Волхова и 895 г. — приход на Русь Рюрика) в такой же (если не в большей) мере гадательны, как и свидетельства летописи 859 г. о приходе варягов «из-за моря» и 862 г. об их изгнании.

Из изложенного выше следует, что, вопреки надеждам К. Цукермана, профессиональным историкам придется все же воздержаться от коренного пересмотра начальной истории Руси.

В ПОИСКАХ ЗАГАДОЧНОГО РУССКОГО КАГАНАТА

Известия арабских авторов IX в. о стране Русов, царя которых зовут «хакан руссов», не находят среди исследователей единодушного толкования. Труднее всего им дается проблема локализации этой загадочной страны. О. Прицаку казалось, что Русский каганат, являвшийся политическим предшественником Киевской Руси, располагался в междуречье Волги, Трубежа и Которосли¹. Д. А. Мачинский, А. Н. Кирпичников, К. Цукерман убеждены, что он находился в Волховско-Ильменском бассейне, а его столицей была Ладога². Б. А. Рыбаков, Х. Ловмянский, П. П. Толочко, В. В. Седов и другие обосновывали среднеднепровское местоположение изначальной Руси³.

В последнее время, в связи с празднованием 1250-летнего юбилея Старой Ладоги, идея Ладожской Руси обрела, как бы, второе дыхание. По мнению А. Н. Кирпичникова во второй половине VIII — первой половине IX вв. Ладожская Русь наряду с Хазарией выдвинулась как торговый лидер евразийских экономических связей по Великому Волжскому пути. Ладога стала резиденцией правителя, стольным

¹ Pritsak O. Where was Constantines inner Rus // Harvard Ukrainion Studies. Okeanos. 1983. Vd. VII. P. 555–556; Его же. The Origin of Rus. Vol. 1. Cambridge. 1981. P. 182.

² Мачинский Д. А. О месте Северной Руси в процессе сложения древнерусского государства и европейской культурной общности // Археологические исследования Новгородской земли. Л., 1984. С. 21–22; Кирпичников А. Н. 1250-летие Старой Ладоги // Культура, образование, история Ленинградской области: Сб. СПб., 2002. С. 58–60; Цукерман К. Два этапа формирования древнерусского государства // Археология. 2003. № 1. С. 76–99.

³ Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М., 1982. С. 99; Ловмянский Х. Русь и норманны. М., 1985. С. 194–197; Толочко П. П. Спорные вопросы ранней истории Руси // Сб. Славяне и Русь (в зарубежной историографии). К., 1990. С. 104–108; Седов В. В. Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2003. С. 255–295.

княжеским городом, т. е. столицей складывающейся державы Рюриковичей¹.

Аналогичного мнения придерживается и Д. А. Мачинский. Согласно ему, в пяти из семи известных списков Повести временных лет первым городом, где «сел» приглашенный на княжение Рюрик, т. е. столицей, названа Ладога. Причем, уже в дорюриково время ее властелины будто бы не удовлетворялись титулами конунга или князя, а претендовали на более высокий. На какой? Оказывается на «хакана народа рос», что будто бы подтверждается Бертинскими анналами, повествующими о визите в 839 г. к Людовику Благочестивому послов «хакана» народа «Rhos». Но это известие не содержит даже и намека на Ладогу и ее правителей².

В полном согласии с ленинградскими археологами находятся выводы французского исследователя К. Цукермана. До образования Руси Киевской, как ему кажется, русская государственность пережила два этапа своего формирования. И оба на севере. Первый приходится на 30–70-е годы IX в., второй — от прихода к словенам Рюрика в 895 г. до начала X в., когда ее политический центр перемещается в Среднее Поднепровье. На первом этапе это государственное образование называлось Русским каганатом, находилось в бассейне Волхова, а столицей имело Ладогу. В начале 70-х годов IX в., в результате какой-то неизвестной межплеменной войны, Русский каганат оказался разрушенным, на смену ему пришло новое образование во главе с Рюриком, сохранившее прежнее название «Русь». Вдохновившись идеей северной локализации Русского каганата, К. Цукерман объявил гипотезу о среднеднепровской Руси совершенно бесперспективной³.

Какими же аргументами поддерживают названные исследователи свою концепцию? Прежде всего, априорным убеждением в том, что Русский каганат основали шведы, обретшие название *Ros*, *Rus*, или *Русь* от финского *Ruotsi*. Второй аргумент сводится к тому, что в пределах всего восточнославянского региона для столь раннего времени кроме Ладоги не было никакого другого крупного военно-

¹ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 39–40. Если возможно говорить о Ладоге IX в. как о столице державы, то не «Рюриковичей», а самого Рюрика и то всего на два года.

² Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? // Культура, образование, история Ленинградской области: Сб. СПб., 2002. С. 58–64.

³ Цукерман К. Указ. соч. С. 82–89.

торгового центра, который бы мог претендовать на роль столицы. К. Цукерман, понимая, что рассуждения о Русском каганате в бассейне Волхова будут хоть чего-нибудь стоить, если удастся показать, что Киев в это время и вовсе не существовал, значительную часть своей статьи посвятил именно этому доказательству. Согласно ему, история Киева берет начало лишь с конца IX в. На это утверждение К. Цукермана натолкнула дендроданта одной из построек Подола, относящаяся к 887 г.¹

Это действительно наиболее ранняя киевская дендроданта, но она вовсе не является доказательством начала урбанистического этапа в истории Киева. Просто археологам посчастливилось обнаружить остатки одной из его ранних построек. Она покоилась на культурном слое, образовавшемся в VIII–X вв. и содержавшим керамику, изготовленную на ручном круте (так называемого курганного типа) и лепную. Если исходить только из дендродат, тогда придется признать, что в Верхнем Киеве урбанистический этап вообще не наступил, ведь там археологическое дерево не сохранилось вовсе. Да и подольское ископаемое дерево нам удалось обнаружить только в 70-е годы XX в.

Еще одним доказательством «небытия» Киева в IX в. является, как утверждает К. Цукерман, отсутствие на его территории восточных монет двух последних третей IX в. Вывод этот не новый. Он высказан еще М. К. Каргером. Согласно ему, распространенное до недавнего времени положение о том, что киевские клады восточных монет охватывают период с конца VIII до начала X в. не соответствует действительности. Никаких кладов VIII и даже IX вв. в Киеве не найдено. Все они зарыты в землю в первой половине X в. Именно в это время, как полагал М. К. Каргер, и устанавливаются прочные связи Киева со среднеазиатским Востоком².

Но для характеристики торговых связей Киева с Востоком абсолютно неважно каким временем датируются клады, важно как датируются содержащиеся в них монеты. Редко какой клад состоит из одновременных монет, большей частью эти ценности собирались, изменяя свой состав под воздействием рынка, в продолжении нескольких столетий. Последняя монета в кладе вовсе не указывает на

¹ Цукерман К. Указ. соч. С. 84.

² Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1959. С. 123–126, 216.

дату его зарытия, а лишь свидетельствует о том, что с этого времени сокровища больше не пополнялись новыми монетами. Один из киевских кладов из почти 200 куфических монет VIII–X вв. и нескольких поздних — XIII в., но вряд ли будет серьезным утверждение, что все монеты попали в Киев только в XIII в.

По литературным свидетельствам, общее количество восточных монет, найденных в Киеве, составляет около 11 тыс. Определенно, это только незначительная часть диргемов, поступивших в Киев с Востока. Многие из них еще во времена Киевской Руси, особенно в так называемый безмонетный период, были переплавлены в слитки — монетные гривны киевского типа. Значительное количество диргемов попало в тигли киевских ювелиров XIX — начала XX вв. По годам чеканки они охватывают период с VIII по середину X в. Наибольший их процент приходится на IX — начало X в. Это аббасидские диргемы, чеканенные в Багдаде, Бердаа и других городах (771–890), тагеридские диргемы, происходящие из Шаша, Мерва и Самарканда (862–878), саманидские диргемы из Шаша, Самарканда и Балха (893–906). К сожалению, не все киевские находки восточных монет были достаточно хорошо атрибутированы. Так, о кладе в усадьбе профессора И. Сикорского (Б. Подвальная ул., д. 15) в первой публикации сказано, что состоял он из 2930 монет, чеканенных между 749 и 900-ми гг. В кладе 1863 г. на кладбище Иорданской церкви находились монеты чеканки 895–936 гг., однако в каком соотношении, неизвестно. Крупнейший клад куфических монет, найденный в 1706 г., при постройке Печерской крепости, был депаспортизирован и растворился в собрании монет Азиатского музея Академии наук¹.

Одиночные находки арабских монет (в культурных слоях и погребениях) также датируются VIII–X вв. Без признания существования налаженных торговых связей Киева с Востоком в VIII–X вв., о чем свидетельствуют и восточные авторы, подобная закономерность нумизматических находок не может быть удовлетворительно объяснена.

Уже первые исследователи арабских монет не сомневались в том, что в Киев они попали в результате торговли, которая зародилась еще в VIII в. Р. Р. Фасмер датировал начало поступления

¹ Толочко П. П. Древний Киев. К., 1983. С. 165–166.

восточных монет в славянские земли IX в., а В. Л. Янин — 70–80-ми годами VIII в.¹

Кроме монет наличие связей Киева с Востоком подтверждает керамика салтовского облика, выявленная в жилище VIII–IX вв. на Старокиевской горе, а также в культурном слое Подола. В пределах «города Ярослава» обнаружен могильник с катакомбными погребениями (рис. 8).

Исследуя языческие курганные погребения на Старокиевском плато и в других районах Киева, археологи обратили внимание на несоответствие небольших размеров детинца и огромных некрополей. Возник естественный вопрос, где могли располагаться заселенные районы Киева VIII–X вв., оставившие столь значительный «город мертвых»? Ответ оказался достаточно прост. На соседних горах Детинке, Замковой, а также на Подоле. Культурные слои на Замковой горе датируются VI–X вв. и распространяются по всей ее площади — около 8 га. Новые раскопки Подола, хотя и не везде достигли уровня его первичного заселения, также выявили слои с лепной керамикой и другими материалами IX–X вв. (рис. 7, 9). Получил свое разъяснение и могильник на Кирилловских высотах. Еще в XIX в. исследователь исторической топографии Киева Н. И. Петров связывал с ним городище на Лысой горе, что над Иорданской церковью. Осуществленные здесь в 1965 г. раскопки Е. В. Максимовым и А. М. Шовкопляс обнаружили более десяти погребений IX–X вв., а также культурный слой этого времени со следами жилищ².

Картографирование культурных слоев VIII–X вв., а также единичных находок этого времени показало, что они занимают площадь, исчисляющуюся десятками гектаров. Наличие укрепленных городков на горах Старокиевской, Детинке и Лысой, а также поселения на Подоле позволяет видеть в этой поселенческой агломерации формирующийся раннегородской центр. Ничего равного ему ни в одном регионе восточнославянского мира не обнаружено (рис. 10).

Не более убедительным является и аргумент, согласно которому говорить о Южной Руси IX в. не позволяет якобы полное отсутствие

¹ Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе. // ИАН. 1933. № 6–7; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. М., 1956. С. 84–87.

² Толочко П. П. Древний Киев. Указ. соч. С. 42–50.

каких-либо скандинавских находок ранее X в. в Киеве и на всем Среднем Поднепровье¹. Не правда ли, интересная логика рассуждений? Сначала априори делается вывод о том, что русы это шведы, а затем отсутствием следов этих самых шведов в Киеве и Среднем Поднепровье ранее X в. доказывается невозможность нахождения здесь и Руси. Объективности ради следует сказать, что со скандинавскими следами IX в. в Киеве и Среднем Поднепровье не все так безнадежно. Их хотя и немного, но они есть.

Однако причем тут Русь? В летописи северные пришельцы выступают под названием «варяги»². Чудесное их превращение в «русов» происходит только после прихода в Киев³. На Киев Олег выступил, «**пони́мъ воя многи, варяги, чюдѣ, словѣни, мерю, весь, кривичи**». После овладения Киевом он провозгласил его матерью городам русским, а северная дружина получила наименование «руси». «**И сѣде Олегъ княжа въ Киевѣ, и рече Олегъ: “Се буди мати градомъ рұсьскимъ. И вѣша у него варязи и словѣни и прочи прозвашася рұсьсю”**»⁴.

Летописцы и позже будут четко отличать русичей от варягов и даже от новгородских словен. В 1015 г. Ярослав выступил из Новгорода на Киев с одной тысячей варягов и «**прочими воями**». Навстречу ему из Киева вышел Святополк, «**пристрон бе-щисла вон, Рұси и печенѣгъ**»⁵. После утверждения в Киеве, уже Ярослав становится обладателем русской дружины. Для нового похода против Святопол-

¹ Цукерман К. Указ. соч. С. 84.

² Летописная статья 862 г., являющаяся, по существу, единственным источником для вдохновения сторонников отождествления руси со шведами, настолько внутренне противоречива, что, основываясь на ее свидетельствах, можно прийти к самым различным выводам. Представители северных племен «**Рұсь, чюдѣ, словѣни, и кривичи и веси**» идут за море «**к варягамъ, к рұси**», просить себе князя. Следовательно, «**рұсь**» просит князя у «**рұси**». Далее летописец объясняет, что русью назывались варяги точно так же, как другие «**зовутся свие, дружини же ұрмане, ан҃глыане, дружини гъте**». Назвав все балтийские народы своими именами, летописец, тем самым, не оставил и наименьшего шанса расположить в этом регионе еще и варяго-русов. К тому же, шведы (свеи), оказывается, известны славянам под собственным именем. Нет сомнений, что всю эту противоречивость следует отнести на счет редакции Повести временных лет времени Мономаха—Мстислава.

³ Толочко П. П. Київська Русь. К., 1996. С. 28–29.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 20.

⁵ Там же. С. 96.

ка и Болеслава он «совокупивъ Русь, и варягы и словѣнѣ»¹. Во всех других известиях о варягах (ст. 944, 980, 1024, 1036 гг.), которых киевские князья привлекали для участия в военных кампаниях, нет и намека на то, что они были еще и русами. Из летописных свидетельств явствует, что варяги не приносили на юг восточнославянского мира название «*русь*», но сами иногда обретали его здесь.

Если на севере (в том числе и в Скандинавии) этноним «Русь» практически не обнаруживается², то для Среднего Поднепровья он был органичным уже с сарматского времени. Вероятнее всего это название действительно произошло от иранского *Rhos* (*Rosomani*, *Roxoloni*), о чем писали в свое время Г. Вернадский, Б. А. Рыбаков и другие историки. Позже этот вывод нашел подтверждение в исследованиях ираниста В. И. Аббаева. Согласно ему, этноним «*русь*» соответствует персидскому *ruhs* = сияние или осетинскому *ruhs/rohs* = светлый³.

Б. А. Рыбаков, объясняя летописное выражение «Поляне иже нынѣ зовомая Русь», предположил, что полянский союз Среднего Поднепровья взял имя одного из племен, объединившегося в нем, — народа «*Рос*», известного уже в VI в. далеко за пределами восточнославянского мира⁴. Произошло это, видимо, в начале IX в. и не случайно именно в это время «Русь», как государство и народ часто упоминаются арабскими и византийскими писателями.

В арабской литературе название «Рус» впервые встречается в сочинении ученого IX в. Аль-Хорезми. В «Книге картин земли», написанной между 836 и 847 гг., он упоминает реку Д'рус (Данапрос — Днепр), которая берет начало из горы Джабал-Рус. Ибн-Хардадбег, написавший в 80-е годы IX в. «Книгу путей и стран», говорит о купцах ар-Рус, которые являются одной из разновидностей славян. Сочинение неизвестного автора IX в. «Худуд-ал-Алам» сообщает, что «*страна русов находится между горой печенегов на востоке, рекой Рутой на юге и*

¹ Там же.

² Даже если согласиться, что прибалтийско-финское название шведов было действительно Ruotsi/Rootsi, доказать его дивную трансформацию в термин «Русь» совершенно невозможно. К тому же на Русь приходили не только шведы, но и норвежцы, датчане.

³ Аббаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 2. М., 1973. С. 435–437.

⁴ Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 285.

славянами на западе. А царя их называют хакан руссов»¹. Свидетельства иностранных источников IX в. о военной активности русов на Черном море находят свое подтверждение в отечественных летописях. «А Днѣпръ втечетъ в Понетъское море жереломъ, еже море словеть Рѹсское»². Ни Ильменское озеро, ни Балтийское море, по которым бороздили варяги, такого названия не имели.

Сторонники северного происхождения названия «Русь», убедительным аргументом в его пользу считают свидетельство Бертинской хроники епископа Пруденция. В ней рассказывается о посольстве русов 838–839 гг. к византийскому императору Феофилу и франкскому императору Людовику I Благочестивому. В столице Византии послы отрекомендовались представителями народа «Рос» (*Rhos*), посланниками от хакана (*chacanus*). В резиденции Людовика Ингельхейме, при пристрасном допросе, назвались не русами, а свеонами (шведами). Вот это признание послов будто бы и является неопровержимым доказательством скандинавского происхождения названия «Русь».

В действительности вывод здесь напрашивается совсем другой. Мнимое тождество варягов (свеонов) и русов отвергнуто самими послами. Они действительно не были русами, но являлись их посланниками, находились на службе у народа «Рос». Ничего необычного в этом не было. Шведы будут входить в состав русских посольств в Константинополь и позднее — при Олеге и Игоре, но их этническое происхождение ни в коем случае не может служить отрицанием того факта, что выступали они как представители Руси. «Мы от рода рѹскаго, Карлы, Ингельдъ, Фарлоф, Вермѹд, Рѹлавъ, Гѹды... иже послани от Олга, великого князя рѹскаго»³. Наверное, они также бы признались в своем шведском происхождении, если бы их допросили с таким же пристрастием, как это имело место с их предшественниками в Ингельхейме.

При определении местонахождения ранней Руси небезынтересно обратиться к летописным свидетельствам конца XI — начала XIII вв. В них понятия «Русь» или «Русская земля» выступают в двух значениях — широком, обозначавшем все государственное пространство, и

¹ Новосельцев А. П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 399.

² ПВЛ. Ч. 1. С. 12.

³ Там же. С. 25.

узком, употреблявшимся только по отношению южнорусских земель. Юрий Долгорукий выступил из Ростово-Суздальской земли «в Русь», то есть в Киев. Оскорбленный изгнанием из Киевской земли сына Ростислава и неуважением к нему самому, он воскликнул: «**Тако ли мнѣ части нѣтъ в Рꙋсской земли**». После убийства Андрея Боголюбского владимирские бояре говорили: «**Князь наш ѹбьенъ, а дѣтей ѹ него нѣтъ, сынок его в Новѣгородѣ, а братья его в Рꙋси**». Новгородцы также понимали под «Русью» Киев. В летописной статье 1135 г. говорится: «**Иде в Рꙋсь архіепископ Нифонт**». Князь Изяслав Мстиславич, вынужденный оставить Киев, ушел из «Русской земли» на Волынь, затем снова вернулся в Русь.

Подобных примеров в летописях множество, и все они показывают Русь в ее узком значении в Среднем Поднепровье: между Десной на севере, Росью и Тясмином на юге, Сеймом и Сулой на востоке, Горынью на западе. Характерно, что в этом регионе сохранилось больше всего гидронимов и топонимов, связанных с названием «Русь» — Рось, Росава, Роставица, Ростовец, Рославичи. Согласно крупному российскому ученому-лингвисту О. Н. Трубачеву, исследовавшему Днепро-Донской регион архаических славянских гидронимов, именно здесь начал шириться этноним «Русь», «Русь»¹.

Нет и наименьшего сомнения в том, что летописные свидетельства очертили именно ту начальную Русь, которая стала ядром Киевского государства. Можно думать, что и Константин Порфирородный имел в виду среднеднепровский регион, когда говорил о внутренней Руси. Искать ее на далеком севере или северо-востоке восточнославянского мира нет никаких оснований. В Идриси этот регион совершенно конкретно назван «Внешней Русью».

Из сообщений о походах русов в Крым, Амастриду, на Каспий и Кавказ можно прийти к выводу о сравнительно большом их государственном образовании, располагавшим значительными людскими и материальными ресурсами. О малозаселенном волховско-ильменском крае в IX в. этого не скажешь. Разумеется, была Ладога, однако попытки представить ее столицей Русского каганата совершенно некорректны. В ряде летописных списков она названа местом,

¹ Трубачев О. Н. В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. М., 1997. С. 207.

где сидел Рюрик, но ни в одном не обозначена как центр какого-то раннегосударственного образования. Даже если предположить, что Рюрик первоначальным местом своего «сидения» избрал Ладогу, из этого вовсе не следует, что она обладала каким-то особым столичным статусом. В летописи говорится, что Рюрик «сѣде в Ладозѣ», а не «сѣде на столе в Ладозѣ», как интерпретирует это место Д. А. Мачинский¹.

Как видно, автор взял в кавычки слова «сяде на столе», которых в летописи нет. Там имеется слово «сѣде», которое относится не только к Рюрику, но и к его братьям. Следовательно, если он сел на столе, то и они сели на столах. Таким образом, следуя подобной логике, можно утверждать, что на севере Руси в IX в. было три стольных города, а не один. Через два года («по двою же лѣтѹ») братья Рюрика умирают, а сам он перебирается в Новгород (вероятно в городок, именуемый ныне как «Рюриково городище»), что также предполагает наличие в нем княжеского стола. Кстати, если в Ладоге Рюрик просто «сѣл», то в Новгороде «сѣде тѹ княжа»².

К какому бы выводу не пришли исследователи о первоначальном административном центре ильменских словен, он никогда не сможет обрести доказательной силы относительно существования здесь Русского каганата. В письменных источниках нет никаких сведений, что глава «этносоциума сплавленного из скандинавов и славян, с возможным включением балтов и финнов» настаивал на том, чтобы на международной арене его именовали не конунгом или князем, а тюркским титулом «хакан»³. Не странно ли, не имея в этом хитром «этносоциальном сплаве» ни одного процента тюркского элемента и будучи отдаленным от тюркского мира на тысячу километров, его глава хочет именоваться хаканом?

Практически невозможно представить себе, как в условиях ранне-го средневековья можно было регулярно осуществлять военные экс-

¹ Мачинский Д. А. Была ли Ладога столицей Руси? Указ. соч. С. 59.

² Е. Н. Носов отмечает, что материальная культура Рюрикового городка имеет гораздо более выраженный воинский «дружинный» характер, чем культура Ладоги. Именно этот городок, по мнению исследователя, выполнял военно-административные функции, связанные с его ростом, как центра формирующейся новой территориальной общности, собственно Новгородской земли. (Носов Е. Н. Некоторые итоги изучения Рюрикова городища // Культура, образование, история Ленинградской области: Сб. СПб., 2002. С. 51–52).

³ Мачинский Д. А. С. 64.

педиции из волховско-ильменского далека на Кавказ и в Византию. И уж совсем невероятным кажется то, что предполагаемый Русский каганат в бассейне Волхова, не отличавшийся воинственностью по отношению к своим соседям и, кстати, совсем не замеченный ими, наводил ужас на народы и страны, удаленные от него за несколько тысяч километров.

Трудно сказать, насколько вообще корректен вывод о Русском каганате IX в. Так его называли арабские географы, но так ли он именовался самими славянами? Летописные известия дают серьезные основания сомневаться в этом. Начиная от времен Кия и до утверждения в Киеве Олега, летопись говорит исключительно о княжеском титуле первых восточнославянских правителей. Кий «**княжаше в родѣ своемъ**», Рюрик «**княжашу в Новѣгородѣ**», Аскольд и Дир «**княжита**» в Киеве, Игорь «**княжич**», Олег «**сѣде княжа вѣ Киевѣ**». Ни о каких киевских «**хаканах**» летописцы не знают, скорее всего их и не было в природе. Это восточные авторы называли русских князей знакомым и привычным им титулом «**хакан**». В скандинавских сагах, как известно, они именуются конунгами. В свою очередь русские летописцы называли правителей Хазарии князьями: «**Поляне вдаша отъ дыма мечъ, и несоша Козари ко князю своему**»¹. Иногда русские летописцы понимали титул правителя Хазарии как его имя. «**Иде Святославъ на Козары: слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своим Каганомъ**»². Что касается представления русских послов 838 г. в Константинополе, то его можно отнести на счет дипломатического этикета. Они ведь знали, что титул «**хакан**» в это время равнялся титулу «**императора**», а поэтому и сказали Феофилу, что посланы к нему не каким-то неизвестным князем, а хаканом Руси.

Однако как бы не называлась начальная Русь, княжеством или каганатом, искать ее следует не на далеком севере, а на юге восточнославянского мира, соседствующим с Хазарским каганатом. Такой вывод вытекает из сообщений о славянах и руси всех арабских авторов, а также так называемого «**Боварского географа**». В перечислении им племен и народов Средней и Восточной Европы «**Ruzzi**», в которых

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

² Там же, С. 47.

несомненно следует видеть Русь, названы вслед за «*Coziri*», т. е. Хазарами.

Именно так локализовал этот загадочный каганат В. В. Седов. Выполнив большую источниковедческую работу, он пришел к выводу, что «создателями Русского каганата первой половины IX в. были русы — носители волынцевских древностей и эволюционировавших на их основе роменской, боршевской и окской культур»¹. Что касается административного центра Русского каганата, то, как полагает В. В. Седов, им мог быть только Киев, представлявший собой в IX в. агломерацию крупных поселений торгово-ремесленного характера².

Последовательным сторонником южного местонахождения ранней Руси является А. Н. Сахаров, посвятивший ее связям с Византией, в том числе и событиям 860 г., ряд содержательных исследований³. К сожалению, ни он, ни его ученики так и не решились признать, что этот поход, знаменовавший собой, по существу, начало государства Русь, осуществлен из Киева. Сам А. Н. Сахаров дипломатично обходит этот вопрос. П. В. Кузенков локализует область, откуда появились нападавшие на Константинополь, Восточно-Европейской равниной, не игнорируя при этом русскую летописную традицию, связывающую этот поход именно с Киевом⁴. Е. С. Галкина говорит о «существовании на территории лесостепного и степного вариантов салтовской культуры самостоятельного торгового государства», не уточняя его политического центра⁵. С. В. Цветков, со ссылкой на исследование Е. С. Галкиной, полагает, что поход был осуществлен из этого региона, с последующим сбором русских дружин в Кубанской дельте⁶.

Кроме археологии в пользу Киева, как политического средоточия ранней Руси, свидетельствуют и письменные источники. В не-

¹ Такая локализация начальной Руси несколько расходится с понятием «Русской земли» в узком значении. Последняя на Левобережье Днепра не простиралась дальше Подесенья и Посулья, но зато на Правобережье доходила до Горыни. А это, как известно, земли не только северян, но и полян, а также древлян.

² Седов В. В. Славяне... Указ. соч. С. 278, 293.

³ Сахаров А. Н. Дипломатия древней Руси. IX — первая половина X в. М., 1980.

⁴ Кузенков П. В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000. М., 2003. С. 83.

⁵ Галкина Е. С. Тайны Русского каганата. М., 2002.

⁶ Цветков С. В. Поход русов на Константинополь в 860 году и начало Руси. СПб., 2010. С. 96.

датированной части Повести временных лет, в рассказе об основании Киева, содержится глухое известие о ранних отношениях его с Хазарией. Последняя пыталась подчинить Киев своему влиянию, а киевляне, выплатив дань обоюдоострыми мечами, будто бы показали всю тщетность хазарских намерений. Тем не менее Киев вплоть до утверждения в нем Аскольда и Дира (60-е годы IX в.) пребывал в даннической зависимости от хазар. Отвечая на вопрос пришельцев: «**Чий се градокъ?**», киевляне ответили, что являются наследниками Кия, Щека и Хорива и платят дань хазарам: «**А мы съдимъ родъ нхъ платяче дань козарамъ**»¹.

Ни один другой центр Среднего Поднепровья, кроме Киева, не может претендовать на то, чтобы из него осуществлялись далекие походы на Византию. Если о военных акциях русов в Амастриду и Крым это можно лишь предполагать, то поход 860 г. на Константинополь определенно организован Киевом. В этом нетрудно убедиться, ознакомившись с первыми датированными статьями Повести временных лет. В них события русской (киевской) истории увязаны с византийской. Летописец отмечает, что начало царствования императора Михаила III, по существу, стало и началом дипломатического признания Византией Руси: «**Наченшю Мѣхѣлану царствовати, нача ся прозывать Русса зѣмля**»².

Неоспоримым доказательством этому являются также находки в Киеве византийских монет. Наиболее ранние из них принадлежат Михаилу III (842–867), Василию Македоняну (867–886), а также Василию I и Константину (876–879). Монеты названных императоров встречены и в других пунктах Среднего Поднепровья. По свидетельству Б. В. Антоновича в значительном количестве они найдены в Триполье (древнерусский город Треполь).

В Ладоге или Рюриковом городке таких свидетелей русско-византийских контактов для этого времени практически нет. Конечно, это было бы невероятным, если бы именно отсюда осуществлялись посольские визиты и военные экспедиции в Византию.

Подводя краткий итог сказанному выше, можно сделать следующие выводы:

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

² Там же. С. 17.

Начальная Русь (или Русский каганат восточных авторов) находилась на юге восточнославянского мира, в Среднеднепровском регионе, и была западным соседом Хазарского каганата.

Образовалась на основе полянского и северянского союзов племен, с последующим включением территории древлян, а ее административно-политическим средоточием изначально был Киев.

Название Русь, ставшее впоследствии политонимом и этнонимом для всех восточных славян, имеет южное происхождение. Его бытование засвидетельствовано со времен проживания здесь ираноязычных сарматских племен.

Скандинавы не приносили в Среднее Поднепровье название «Русь», но обретали его здесь, причем лишь тогда, когда поступали на службу к киевским князьям и интегрировались в административно-политические структуры Киевского государства¹.

¹ О южном происхождении этнонима «Русь» и его носителей свидетельствуют также византийские письменные источники. В них название «росы» постоянно заменяется названиями «скифы» и «тавроскифы», что было бы совершенно невозможным, если бы эти росы являлись жителями далекого скандинавского севера. К тому же, греческие авторы всегда четко различали варягов и русов. В частности, во всех императорских хрисовулах, регламентировавших пребывание иностранных наемников в Византии, варяги и русы неизменно названы, как различные этнические группы.

РУСЬ И ХАЗАРИЯ

Положение Ф. Энгельса о том, что государство является продуктом внутреннего развития общества, подтвержденное всем ходом исторического развития, практически невозможно оспорить. В большинстве случаев его и не оспаривают. Однако есть и исключение. Такое делается некоторыми историками для восточных славян. Профессор О. Прицак, обвинив летописца Нестора в необъективности и сравнив его с современным политическим пропагандистом, решительно заявил, что «новейшему историку Украины и Восточной Европы следует наконец освободиться от пристрастий автора Повести временных лет и не идентифицировать Русь с полянами середины X в., а вместе с тем и проститься с концепцией славянского (полянского) происхождения Руси»¹.

В первом томе многотомной работы «Происхождение Руси» он пришел к весьма оригинальному выводу, что «идеи государственности не возникают спонтанно, но переносятся из одного региона в другой, а их носителями и основателями государств являются купцы и воины, наиболее рано выделившиеся в профессиональные группы населения»².

Из последующего изложения видим, что во Францию или Германию, а также Хазарию государственность все же не была принесена, но родилась там спонтанно. А вот в среду восточных славян была, да еще сразу с двух сторон, с запада и востока. Некое торговое объединение «Русь», возникшее где-то в Галлии, как полагает О. Прицак, устремило свои интересы на восток. В это же время (около середи-

¹ Прицак О. Lenzen — in Константина Порфироподного. Universites Libera Ucrainensis. Facultas Philosophica. Studia. 67. München., 1971. S. 359.

² Pritsak O. The Origin of Rus: v. 1. Old Skandinavian Soozces other than the Sages. Cambridge (Mass), 1981. P. 14.

ны VII в.) аналогичное объединение восточных купцов устремило свои интересы на запад. Два потока столкнулись на Волге и общими усилиями создали Древнерусское государство. Изначально оно состояло из двух частей, северной, где хозяевами положения были венедские и готские кланы, и южной, где господствовали авары, болгары, хазары.

А где же славяне? Их как будто и вовсе не было. Когда-то О. Прицак прилагал максимум усилий, чтобы доказать ошибочность концепции славянского происхождения Руси, теперь же аналогичная участь постигла и полян. Они, оказывается, тоже не славяне, но хазары. В работе, посвященной публикации так называемого киевского письма X в., О. Прицак отвел значительное место доказательствам идентичности полян и хазар¹. На эту мысль навело историка содержание киевского письма, которое было написано хазарским евреем и содержало несколько хазарских имен и названий.

Казалось бы, простая вещь. В хазарско-еврейском документе, написанном в Киеве в начале X в., имеются хазарские имена. Следуя нормальной исследовательской логике, можно сделать вывод, что Киев в это время поддерживал отношения с Хазарией и в нем проживали выходцы из нее. Но в таком утверждении нет ничего оригинального. К нему можно прийти и без вновь открытого документа. Хотя бы, скажем, на основании свидетельств Повести временных лет, сообщающей о киевском урочище «Козаре» (местность, где проживали восточные купцы).

Но это, если следовать обычной логике. А если необычной, такой, какую применил здесь О. Прицак? Тогда получается нечто совсем другое. Киев становится хазарским городом, построенным не ранее первой половины IX в. на западной границе Хазарии, проходившей по Днепру². Посредством этимологических манипуляций О. Прицак показал, что название «Киев» происходит от личного имени «Куйя», которое носил хазарский «вацир». Он же построил крепость в районе села Берестово и разместил там оногурский гарнизон. Название урочища «Угорское» О. Прицак произвел от старой формы «огрин»

¹ Golb N., Pritsak O. The Khasarian Hebrew Documents of the Tenth Century. London and Ithaka, 1982.

² Там же. Р. 44; В другом месте своего обширного труда О. Прицак утверждает, что киевская цитадель существовала уже с VIII в.

(оногур), что равно имени хорошо известного кочевого народа Оногур.

Подкрепил ли О. Прицак свои филологические хитросплетения археологическими материалами? Ведь если бы версия хазарского Киева была верной, тогда мы вправе ожидать от его археологических раскопок обнаружения таких же материалов, какие выявлены, скажем, в Саркеле, Иттиле, Салтове и других хазарских центрах. О. Прицак археологии не коснулся вовсе. А жаль. Если бы он обратился к данным археологического изучения Киева, то увидел бы, что его материальная культура ничего общего с салтово-маяцкими древностями не имеет. Вещи этого круга в Киеве встречаются, но в небольшом количестве и едва составляют какую-то долю процента от общего числа находок.

Не выдерживает испытания археологией и утверждение О. Прицака о строительстве Киева не ранее первой половины IX в. Материалы, свидетельствующие о развитии на киевских горах важного административно-политического и культурного центра полянского союза племен, датируются VI–VIII вв. Они неоднократно публиковались и вряд ли есть необходимость возвращаться к уже проделанной работе.

Рассуждения на тему хазарского Киева привели О. Прицака к еще одному «открытию». Имеется в виду его вывод о хазарском происхождении полян. Этимология названия «поляне», как она дается автором Повести временных лет, действительно показывает, что оно понималось в Древней Руси как связанное с аппелетивом «поле». А поскольку в районе Киева, как утверждает О. Прицак, полей нет, только одни горы и леса, то можно предположить, что поляне до прихода на берега Днепра жили в степях к востоку от него. Почему к востоку, а не к западу? Ведь там тоже имеются поля, в том числе и знаменитое Перепетово поле, которое начиналось в каких-нибудь сорока километрах южнее Киева. Да потому, что Хазария-то располагалась к востоку от Днепра.

Других письменных источников для решения вопроса, кто такие поляне и откуда они пришли, кроме Повести временных лет нет. И не случайно, именно ее свидетельства привлечены О. Прицаком для обоснования своего вывода. При этом выборочно, а те, которые не вписывались в его схему, объяснены вымыслом редактора летописи. О. Прицаку импонировало, что в двух случаях поляне названы в

одной группе с северянами и вятичами, из чего он сделал вывод, что они были левобережными южными соседями северян и вятичей, то есть хазарами.

Строить столь ответственный исторический вывод на основании простого летописного соседства племени полян с другими восточнославянскими группами, по меньшей мере, несерьезно. К тому же следует сказать, что поляне значительно чаще выступают соседями древлян и северян, а вовсе не вятичей. Более того, летописец в ряде мест совершенно четко объединяет полян и древлян в одну группу, противопоставляя ее другой, которую составляли радимичи и вятичи. «Поляномъ же живущемъ особѣ, яко же рекохомъ, сущимъ от рода словѣньска, и нарекошася поляне, а древлѣне от словѣнь же, и нарекошася древляне; радимичи бо и вятичи от ляховъ»¹.

Близкие известия находятся и в других местах летописи. «Тако же и ти словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася поляне, а друзии древляне, зане сѣдоша в лѣсѣхъ»². В статье 885 г., рассказывающей о победе Олега над радимичами, содержится следующая сентенция: «И бѣ обладая Олегъ поляны, и древляны, и сѣверяны, и радимичи, а с ѹличи и тѣверци имаше рать»³.

Таким образом, в летописи значительно больше свидетельств, указывающих на непосредственное соседство полян с древлянами и северянами. И все они совершенно определенно указывают на их славянство. «Аще и поляне звахуся, но словенскаа рѣчь бѣ. Полями же прозвани быша, зане в поли сѣдяху, а язык словенски единъ»⁴.

Еще более решительно разобрался О. Прицак с хазарской данью полян. Действительно, если поляне были хазарами, то как-то нелогично, чтобы они платили дань хазарам же. А раз так, то дани этой и вовсе не было; все это позднейшее сочинение редактора Повести временных лет. Вот только не объяснил О. Прицак зачем славянину, потомку древних полян, понадобилось возводить на бедных хазар такую напраслину, а заодно и выставять в не очень привлекательном свете своих далеких предков.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 14.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 20–21.

⁴ Там же. С. 23.

О хазарской дани полян в летописи говорится трижды: в недатированной части Повести временных лет и в статьях 859 и 862 гг. Проанализируем эти сообщения и посмотрим, дают ли они основания для обвинения летописца в вымысле.

Текст из недатированной части. «По снхъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сея (Кия, Щека и Хорива. — П. Т.) быша обидимы древлѣми и инѣми околными. И наидоша я козарѣ, сѣдящая на горахъ снхъ и лѣсѣхъ, и рѣша козарѣ: "Платите намъ дань". Съдумавше же поляне и вдаша от дыма мечь, и несоша козарѣ ко князю своему и къ старѣйшинымъ своимъ»¹. Старейшины нашли эту дань недобрым предзнаменованием, указывающим на то, что придет время и не поляне хазарам, а наоборот, хазары полянам будут платить дань. Так оно и случилось, подытожил статью летописец.

Обычно этот текст, как и все введение в Повесть временных лет, связывается с именем Нестора. Разумеется, он имел к нему отношение, но не как летописец-создатель, а как сводчик и редактор записей своих предшественников. Рассказ о хазарской дани полян появился значительно раньше летописной деятельности Нестора. Об этом со всей очевидностью говорит окончание цитированного выше известия. «Тако и си владѣша, а послѣже самѣми владѣють; яко же и бысть: володѣють бо козарѣ русьскѣи князи и до днешнего дне»². Конечно же, «днешний день» — это не конец XI — начало XII в.

Утратив свои позиции на Волге под ударами дружин Святослава и Владимира, хазары скоро исчезают со страниц не только как политическое образование, но и как народ. На смену им пришли печенеги, а затем и половцы, которые окончательно ассимилировали хазар³. С половцами Русь вела напряженную борьбу, но нельзя сказать, что русские князья владели ими. Даже если речь идет о хазарах тмутараканских, то и в этом случае выражение «володеють» не могло относиться ко времени Нестора, которое следует рассматривать скорее как закат власти Руси над далекой Тмутараканью. Вполне возможно, что запись эта появилась в 60-е годы XI в. и принадлежит монаху Печерского монастыря Никону, который некоторое время проживал в

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 16.

² Там же. С. 17.

³ Артамонов М. И. История хазар. Л., 1962. С. 445.

Тмутаракани. Не исключено и более раннее ее появление (например, время Мстислава Тмутараканского и Ярослава Мудрого).

Но что же смутило О. Прицака в самой статье? Оказывается, мечи, которые поляне преподнесли в качестве дани хазарам. Согласно ему, это не полянская, но русская традиция. Меч, судя по данным арабских географов, играл важную роль среди русов. Совершенно верно: среди русов и среди славян, но не среди хазар, оружием которых была сабля. Если бы поляне киевские были хазарами, то должны были дать в качестве символической дани саблю, а не меч.

Статья 859 г. **«Въ лѣто 6367. Имаху дань варязи изъ заморья на чюди и на словѣнѣхъ, на мери и на всѣхъ, кривичѣхъ. А козари имаху на полянѣхъ, и на сѣверѣхъ, и на вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ от дыма»**¹. Здесь О. Прицаку кажется подозрительным упоминание в качестве дани беличьих шкурок. Почему? Да потому, что эти животные не водились в Южной Европе. Трудно, конечно, поручиться за достоверность данного утверждения по отношению к Южной Европе, но что оно не имеет никакого отношения к рассматриваемому летописному известию, это совершенно точно. Поляне, северяне и вятичи проживали ведь в Восточной Европе, к тому же в ее лесостепной и полеской зонах, где белки водятся, говоря словами летописца, и до **«сего дня»**.

Статья 862 г. **«Они же рѣша: ꙗБыла сѣтъ 3 брѣтья, Кий, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градокъ съ, и изгибоша, и мы сѣдимъ родъ ихъ, платяче дань козаромъ»**². Так ответили киевляне на вопрос приплывших к Киеву Аскольду и Диру **«чий се градокъ?»** Из контекста ответа совершенно ясно, что киевляне 60-х годов IX в. рассматривали себя наследниками рода Кия, попавшими в данническую зависимость от хазар.

О. Прицак считает версию, находящуюся в Ипатьевской летописи, недостоверной и противопоставляет ей статью Лаврентьевской летописи. В ней говорится: **«И мы сѣдимъ, платяче дань родомъ ихъ, Козаромъ»**³. Единственный аргумент в пользу большей достоверности известия Лаврентьевской летописи, это ее более ранняя редак-

¹ ПВЛ. Ч. 1. Указ. соч. С. 18.

² Там же.

³ ПСРЛ. Т. 1. Лаврентьевская летопись. М., 1962. С. 21.

ция. Если бы речь шла о редакциях древнерусского периода, такое утверждение имело бы смысл. Но и Лаврентьевский, и Ипатьевский летописные своды составлены в позднесредневековое время и нет гарантии, что сводчик XIV в. располагал более древним и достоверным протографом, чем сводчик XV в. К тому же статья Ипатьевской летописи находит близкие аналогии в других летописных списках, а статья Лаврентьевской нет. Читая ее, нетрудно убедиться, что она подверглась сильному редактированию, исказившему ее смысл.

Если согласиться с О. Прицаком и поверить в истинность утверждения статьи Лаврентьевского свода, тогда окажется, что киевляне по отношению к Киеву и его роду совершенно чуждое население. Это туземцы, платящие дань хазарам. И непонятно, отчего это так воодушевило О. Прицака. Ведь статья в такой редакции разрушает его собственный вывод об основании Киева хазарами.

Согласовать показания внутренне противоречивой статьи Лаврентьевской летописи нет возможности, да, собственно, и большой необходимости. Исследователи летописей уже давно пришли к выводу, что правильное ее чтение находится в Ипатьевской летописи. А. А. Шахматов предложил следующую уточненную редакцию этой статьи: «**А мы сидим, род их, и платим дань хазарам.**»

Подводя краткий итог сюжету о хазарской дани полян, приходится признать, что несмотря на попытки поставить под сомнение сведения Повести временных лет, они в целом верно отражают исторические реалии. Ни к полянам, ни к Киеву хазары не имели другого отношения, кроме того, что на определенном этапе истории, по-видимому, во второй половине VIII в., распространили на них данническую зависимость.

В работах некоторых западных историков утверждается, что «мирное торговое государство» Хазарский каганат оказало исключительно благотворное влияние на государственное и культурное развитие восточных славян. Конечно, соседство и взаимодействие двух этнополитических образований — ранней Руси и Хазарии — не могло пройти для них бесследно. Но полагать, что влияния были односторонние, обогащавшие только славян, было бы исторически неверно. Раскопки Киева, других ранних древнерусских центров показывают, что в их слоях содержатся лишь отдельные вещи хазарского происхождения, не оказавшие сколько-нибудь заметного влияния на развитие восточнославянской материальной культуры.

Более ощутимым, по-видимому, было влияние Хазарии на сложение экономических и политических структур в восточнославянском мире. Не случайно письменная традиция иногда прилагала к князьям Владимиру и Ярославу хазарский титул кагана. Однако переоценивать это обстоятельство вряд ли следует. Русская земля развивалась и крепла не под патронатом Хазарии, а в постоянной борьбе с ее экспансией. Есть основания полагать, что уже в период правления в Киеве князей Аскольда и Дира (60–80-е годы IX в.) она была преодолена в собственно Русской земле. Олег в 884 и 885 годах освободил от хазарской дани северян (по-видимому, восточных) и радимичей, а окончательно с хазарской данью было покончено при княжении Святослава Игоревича¹.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 20, 47.

ВАРЯГИ В ЮЖНОЙ РУСИ

Под 862 г. в киевской хронике Повесть временных лет помещена поэтическая легенда о призвании на Русь варягов. **«Земля наша велика и обильна, — заявили. Будто бы, старейшины северных славянских племен, — а наряда в ней нѣтъ. Да поидѣте княжить и володѣти нами»**¹. Далее идет рассказ о трех братьях — Рюрик, Синеусе и Труворе, которые переселились из-за моря на Русь и стали княжить в славянских городах Новгороде, Белоозере, Изборске. Со временем младшие братья умерли и вся власть над северными восточнославянскими племенами словен и кривичей перешла к Рюрику.

Таков несколько наивный летописный зачин ранней истории варягов на Руси. Он традиционен для средневековья. Легенды о трех братьях, призванных княжить в чужую страну, были распространены в Северной Европе в средние века. В Ирландию прибыли три брата норманна под предлогом торговли и по предложению ирландского веча остались там. Вдукинд Корвейский в своей «Саксонской хронике» (967) сообщил о посольстве бриттов к саксам с предложением владеть их «обширной и великой страной». Саксы послали три корабля с тремя князьями.

Летописная версия о добровольном «признании варягов» была, скорее всего, сочинена во время редакции Повести временных лет летописцем великого киевского князя Мстислава Владимировича (около 1118). Однако она явилась не столько результатом его идеологической тенденциозности, сколько отражением уровня мышления того времени. Мир в средневековье воспринимался как неизменный и постоянный, а поэтому новые явления в общественной жизни определенного народа осмысливались не как результат вну-

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 18.

треннего исторического развития, а как привнесенные извне. Поиски исторических корней правящих династий в соседних, как казалось средневековым хронистам, более престижных регионах характерны для многих европейских народов — французов, немцев, итальянцев, швейцарцев и др.

Более 100 лет историческая наука без серьезного критического анализа пользуется гипотезой Ф. Крузе, по которой Рюрика Повести... следует идентифицировать с Рюриком Ютландским. Историков, как правило, мало смущало то обстоятельство, что новгородцы направили приглашение не ближайшим своим заморским соседям — шведам, а дальним — датчанам. Как мало обращали внимания на то, что на Русь прибывали отнюдь не только шведы.

В последнее время появились работы, показывающие большое место датчан в русско-скандинавских связях IX — начала XI в.¹ На основании свидетельств письменных и археологических источников оно представляется даже преобладающим. Древнейшими западно-европейскими монетами на Руси были английские. Их интенсивное поступление совпадает по времени с выплатой Англией так называемых «датских денег» в пользу Дании и связано, вероятно, с пребыванием на Руси варяжских дружин. После 1023 г. наблюдается постепенное сокращение поступлений английских, но зато увеличивается удельный вес собственно датских монет на Руси.

В свое время В. Г. Васильевский, изучавший вопросы службы скандинавов в Византии, пришел к выводу, что первые наемные отряды пришли туда из Дании. Вероятно, через Русь и с русскими же дружинниками. Итальянский средневековый историк Лев Остийский, рассказывая о восстании Мело в Южной Италии, отмечает злоупотребления византийцев, захвативших Апулию и Калабрию при помощи «союзных датчан, русских и гуланов».

Чем можно объяснить приоритет датчан в скандинаво-русских отношениях начального периода?

Ответ на этот вопрос следует искать в исторической обстановке Балтийского поморья VIII–X вв. Датчане — ближайшие соседи

¹ Кирпичников А. Н., Лебедев Г. С., Булкин В. А., Дубов И. В., Назаренко В. А. Русско-скандинавские связи эпохи образования Киевского государства на современном этапе археологического изучения // КСИА. М., 1980. Вып. 160. С. 31; Толочко О. П. До питання про етнічний склад скандинавів на Русі // УІЖ. 1984. № 7. С. 134–139.

северо-западной группы славян и находились с ними в постоянных контактах. Анализ этнонии показывает, что в балтийском регионе сложилась своеобразная культура, в создание которой внесли свой вклад норманны, саксы, франки, славяне.

А может, приглашение новгородцев было направлено и не к датчанам, а к проживавшим в юго-западной Балтике славянам? Ставить так вопрос позволяют свидетельства средневековых хронистов о торговом городе венедских ободритов Рерике, которым в 808 г. овладел датский король Гетрик. В хронике Адама Бременского имя Рерик выступает как второе название славян — ободритов. Предположение о славяно-ободритском происхождении Рюрика (из города или страны Рерик) в какой-то мере подтверждается и археологическими материалами. Участие западных славян в заселении Новгородчины подтверждает также анализ этнонии Повести временных лет.

Титмар Мерзебургский и другие средневековые хронисты отмечали смешанный характер населения торговых городов южной Балтики: Хайтабу, Рерика, Старигарда, Волина, Зеебурга, Штеттина и др. Столь тесное и длительное взаимодействие скандинавов (датчан и шведов) и западных славян неизбежно вело к определенному их этноязыковому сближению, а возможно и ассимиляции на преобладающей этнической основе. Поразительный феномен вживания уже первого поколения варягов на Руси не может найти удовлетворительного объяснения, если не предположить, что еще до прихода на берега Волхова и Днепра они были уже наполовину славяне.

Мысль о связи варягов с южнобалтийскими славянами не новая. Ее высказывали еще историки XVII–XIX вв. И. Гизель, М. Ломоносов, М. Максимович, С. Гедеонов. Из историков нашего времени ее сторонниками выступили В. Вилинбахов, А. Кузьмин и др. Однако она так и не получила убедительных обоснований. Ныне благодаря исследованию керамических комплексов так называемого балтийского типа, выявленных в Новгороде, Пскове, Старой Ладоге, городке на Ловати и даже в Киеве, аргументов в ее пользу становится все больше¹. Керамика балтийского типа датируется преимущественно

¹ Горюнова В. М. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., 1982. С. 44; Плоткин К. М. Псков и его округа в конце 1 тысячелетия н. э. // Там же. С. 158.

IX–X вв. и свидетельствует о массовом проникновении в пределы Северо-Западной Руси поморославянского населения.

На юге Руси, согласно Повести временных лет, варяги появились вместе с боярами Рюрика — Аскольдом и Диром. Отпросившись в поход на Константинополь, Аскольд и Дир встретили на своем пути Киев, основанный тремя полянскими братьями Кием, Щеком и Хоривом. Город им понравился, и они решили в нем утвердиться. Препятствий к этому со стороны киевлян они не встретили и начали владеть Полянскою землею. По другим средневековым источникам (Ян Длугош) Аскольд и Дир являлись наследниками по прямой линии славянского князя Кия.

О правлении в Киеве Аскольда и Дира сохранились лишь отрывочные сведения. Повесть временных лет сообщает под 866 г. о предпринятом ими походе на Царьград, который, несмотря на успешное начало, закончился поражением Руси¹. В отличие от информации об аналогичных походах последующих киевских князей, здесь не содержится указания на то, что в составе Аскольдова воинства были варяги. Сведения Никоновской летописи, заимствованные из каких-то древних источников, несохранившихся до наших дней, говорят также о походах Аскольда на печенегов и волжских болгар.

В 882 г. на киевском столе произошла смена династий. Убив Аскольда и Дира, власть захватил родственник Рюрика Олег. Анализ летописных известий позволяет утверждать, что коварное убийство Аскольда и Дира осуществилось не без участия их ближайшего киевского окружения. Произошел по существу политический переворот, в результате которого на киевском столе утвердилась новая династия.

Став князем, Олег назвал Киев «матерью городов Русских». Пришедшие с ним варяги также стали называться «Русью». Одним из важных мероприятий правительства Олега была попытка оградить Киевское государство от нападения соседей, в том числе и варягов. Этой цели, видимо, служила ежегодная дань от Новгорода в 300 гривен, которую Русь обязалась выплачивать варягам за обещание не нападать на ее владения и, по-видимому, оказывать Киеву военную помощь. Такое положение, судя по замечанию летописи, сохранялось до смерти великого киевского князя Ярослава Мудрого (1054).

¹ Согласно византийским источникам поход руссов на Царьград состоялся в июне 860 г.

Варяжские дружины регулярно привлекались на юг Руси для военных походов, что указывает на договорную обусловленность этой помощи. В большей мере она была необходима для внешних военных акций (походы Олега, Игоря и Владимира на Византию, война Ярослава Мудрого с печенегам), но использовались и во внутренних междукняжеских разборках. С помощью варягов Владимир Святославич вернул себе Новгород, а затем и завоевал Киев. Среди пятидесяти тысяч войска, с которым Ярослав Мудрый выступил на Киев, часть составляли варяги.

В историографии, особенно зарубежной, роль варягов на раннем этапе сложения русской государственности, нередко, неоправданно преувеличивается. Она была, если и не абсолютной, на чем настаивали историки конца XIX — первой половины XX в., то уж, во всяком случае, не меньшей, чем роль восточных славян, на что соглашается нынешнее поколение исследователей. Думается, однако, что ближе к истине были русские летописцы. После прихода на Русь Рюрик и его мифические братья расселились в уже существовавших городах Новгороде, Белоозере и Изборске. После смерти братьев Рюрик «прия власть... и раздал мужемъ своимъ грады» — одному Полоцк, другому Ростов, третьему Белоозеро. В 882 г. Олег посадил своих посадников в Смоленске и Любече, а сам сел в Киеве.

Где же здесь равное участие? Рюрик, а позже Аскольд и Дир, Олег не основывают своих городов, но овладевают уже существующими, не утверждают в них политическую власть, а только меняют старую администрацию на новую — «свою», согласно уточнению летописца.

Новая княжеская династия Руси на первых порах содействовала вовлечению варягов в процессы государственной жизни страны. Это естественно. Но вовлечение это никогда не приобретало форм господства, засилия чужеземцев. Процесс их притока на Русь контролировался, а проживание в славянской среде имело свою регламентацию, выражавшуюся в экстерриториальности варяжских дружин по отношению к крупным городам. Специальный подгородный лагерь варягов известен под Черниговым (Шестовицы). Аналогичную роль под Киевом выполняло, по-видимому, поселение на Кирилловских горах, находившееся в 3 км от города. Письменные источники свидетельствуют, что всякий раз, как только задачи, в решении которых нужна была помощь варягов, оказывались выполнены, киевские князья старались избавиться от них.

Характерно, что этническая родственность киевской княжеской династии со скандинавами практически не отражена в сагах. Русских князей они называют их славянскими именами, только незначительно видоизменяя на свой лад. Наиболее известным из них в северной литературе был Ярослав, который всегда фигурирует только под этим именем — Ярицлейв. Е. Рыдзевская считала, что не только у Ярослава, но и у его отца Владимира, не было скандинавского имени¹.

Владимир Святославич, когда варяжская дружина начала слишком переоценивать свою роль в овладении Киевом и потребовала выкуп от киевлян по две гривны с человека, отказал ей в этом. Оскорбленные таким отношением, варяги заявили Владимиру, чтобы он показал им путь «в греки». Он охотно сделал это, спровадив в 980 г. крупный варяжский отряд в Константинополь. Характерно, что платным наемникам противостояли их обрусевшие соплеменники, влившиеся в правящие структуры Киевского государства. Из глухих свидетельств летописи явствует, что ситуация приобрела необычную остроту. Видимо, не обошлось и без столкновения. Направленные впереди варягов послы Владимира к императору предупредили его об опасности, которую представляли вооруженные варяги для города. Аналогичная ситуация возникла и в годы правления Ярослава Мудрого, отказавшего в выплате денег варяжскому отряду Эймунда, участвовавшему в отражении печенежского нападения на Киев. Скупость Ярослава отражена в Эймундовой саге.

Эти и другие аналогичные факты указывают на то, что княжеская династия на Руси очень быстро стала славянской. Ее представители не мыслили себя вне интересов того государственного образования, во главе которого они оказались. Это справедливо и по отношению к тем скандинавам, которые поступали на службу к киевским князьям и оседали на Руси на постоянное жительство.

Некоторые из них занимали видное место в киевской государственной иерархии. Они входили в состав русских посольств, направлявшихся в годы княжения Олега (882–912) и Игоря (912–945) в Константинополь, занимали должности воевод, княжеских наместников и тысяцких.

¹ Рыдзевская Е. А. Ярослав Мудрый в древнесеверной литературе // КСИИМК. М.; Л., 1940. Вып. 7. С. 67.

Известны случаи передачи варяжским «мужам добрым, смысленным и храбрым» в управление (по терминологии того времени «в держание») некоторых русских городов. Так, в частности, было при Владимире Святославиче, который направил пожелавших остаться на Руси варягов наместниками в порубежные города-крепости.

Киев и Южную Русь связывали с балто-скандинавским регионом тесные политические отношения, которые находили свое выражение, в том числе, и в брачных связях. Ярослав женился на дочери шведского короля Олафа Скотконунга Ингигерд. В 1043 г. он выдал дочь Елизавету замуж за норвежского принца Харальда Сурового. Несколько лет он прожил при дворе Ярослава в Киеве и был, как утверждал Снорри Стурлуссон, предводителем дружины, которая охраняла страну. Позже Харальд поступил на службу к византийским императорам. Брак с Елизаветой состоялся после того, как норвежский принц отказался служить Константину IX Мономаху и через Русь возвращался на родину.

Своеобразными были датско-русские связи в годы княжения Ярослава Мудрого. В литературе они, чаще всего, несправедливо оцениваются как недружественные из-за того, что политические соперники датского короля находили на Руси убежище. Среди них — сыновья английского короля Эдмунда Железнобокого — Эдвин и Эдуард, Олаф Святой, потерявший норвежский престол, его сын Магнус и др. В действительности характер отношений Ярослава с северными «изгнанниками» указывает на то, что они были, по существу, политическими ссыльными. Все (кроме Олафа Святого) вернулись на родину только после смерти Кнута Великого, и ни один из них не получил военной поддержки киевского князя. Все это позволяет предположить, что между Ярославом и Кнутом Великим имелась определенная договоренность по поводу статуса политических противников датского короля.

Прочными были отношения Киева и Скандинавии в период великого княжения Мстислава Владимировича (1125–1132). По матери он происходил из знаменитого английского королевского рода. Первой женой Мстислава была дочь шведского короля Инга Стейнкельса Кристина. Дочери его вышли замуж за Сигурда Норвежского, Эрика Датского и Канута Оботритского.

Что лежало в основе длительных и в целом стабильно дружественных военно-политических связей Киева со странами Балти-

ки? С уверенностью можно сказать, что главным здесь был экономический фактор. Варяги были не только отчаянные воины, но и расчетливые купцы. И может быть, купцы прежде всего. Скандинавские торговые корабли бороздили европейские моря, заходили в далекие от родных берегов порты. Неодолимо влекли их богатые рынки Византии. Наиболее краткий, экономически выгодный, хотя и нелегкий путь из Балтики в Константинополь пролегал через Русь.

В древнерусской летописи он получил название пути «из грек» или «из варяг в греки». В летописи он описан с юга на север. Хорошо знали этот торговый путь и западноевропейские хронисты. Адам Бременский около 1070 г. писал про торговый путь, который начинался в Хайтабу, проходил через Ольденбург (Старигард), Юмну (Волин), Острогард (Новгород), Киев и далее до Миклогарда (Константинополь). Начало освоения пути «из варяг в греки» приходится на вторую половину IX в., наиболее активное функционирование — на X — начало XI в.

Необычайно бурное развитие трансъевропейских торговых связей вызвало к жизни специфический тип поселений. Анализ письменных и археологических источников убеждает, что скандинавские — Хайтабу, Висби, Бирка, западославянские — Старигард, Любек, Волин, Штеттин, восточнославянские — Новгород, Смоленск (Гнездово), Чернигов (Шестовицы), Киев были крупными торгово-ремесленными центрами. Все они входили в единую экономическую систему, которая не укладывалась в рамки этнических границ.

В основе этого явления лежал фактор неравномерности экономического развития различных европейских регионов, обусловленный, в том числе, и естественно-географическим разделением труда. Поначалу это содействовало вовлечению в экономические отношения Северо-Западной Европы и Прибалтики, позже — с конца VIII в. — к ним присоединились восточнославянский и арабский регионы. Варяги, как можно судить по монетнымкладам, появились на восточно-европейских торжищах не ранее середины IX в. Наличие большого количества арабского монетного серебра, ставшего главным всеобщим эквивалентом в пределах контактирующих территорий, сыграло решающую роль в подъеме прибрежных морских и речных факторий во второй половине IX–X вв.

Главное занятие жителей этих поселений — дальняя торговля, а также связанные с ней ремесло и военное дело. Последнее в то тревожное время явилось, по существу, необходимым условием успешного развития торговых связей и не случайно одна из распространенных категорий археологических находок при раскопках всех торгово-ремесленных центров — это предметы вооружения.

Археологические исследования южнорусских раннегородских поселений показывают, что все они наряду со славянскими содержат материалы других этнографических регионов, в том числе и скандинавские. На этом основании раньше, а иногда и сейчас делаются выводы о шведском приоритете в основании этих торговых факторий. Здесь, видимо, продолжают срабатывать старые стереотипы, связывавшие инициативу формирования трансевропейских экономических связей исключительно с норманнами. Не умаляя их роли в освоении торгового пути «из варяг в греки», следует отметить, что удельный вес варяжского купеческого элемента в жизни Киева, Чернигова, Переяслава и других южнорусских центров в целом, вероятно, соответствовал удельному весу славян в жизни балтийских торгово-ремесленных поселений Хайтабу, Бирки, на о. Готланд и др. Монополией на балто-черноморскую и арабскую торговлю не обладала ни одна из сторон, хотя историческая перспектива здесь оставалась, безусловно, за славянами. Контроль за международной торговлей в пределах славянских территорий осуществляло Киевское государство, что представляется вполне естественным.

Опознаются ли норманны на юге Руси археологически? На этот вопрос можно ответить утвердительно, хотя он и не такой простой, как может показаться на первый взгляд. Дело в том, что в IX — начале XI в. в Восточной Европе выработался характерный тип дружинной культуры, в котором, наряду с местными элементами, широко использовались достижения соседних регионов — Арабского Востока, Византии, Венгрии, Скандинавии. Такой международный синкретизм культуры господствующей дружинной элиты затрудняет точность этнической диагностики археологических артефактов. Нет никакой гарантии, что погребение с типичным скандинавским набором вещей принадлежало норманну. Известно, что при посредстве викингов на Русь попадали каролингские мечи, скрамасаксы, северные наконечники ножен, круглые щиты, отдельные виды копий, топоров.

Однако утверждать, что только этот набор оружия был характерен для варяжских дружин на Руси, нет оснований. С таким же успехом они могли пользоваться и местными типами оружия. В свою очередь среди древнерусских дружинников популярным было привозное оружие. Следует иметь в виду, что и русские кузнецы изготавливали оружие по европейским или скандинавским образцам. Ярким примером такого русско-скандинавско-европейского симбиоза является меч, найденный у деревни Хвощеватой на Полтавщине (Украина). В нем — рейнская техникаковки, оригинальная композиция северного орнамента на рукояти и клеймо русского оружейника на клинке: «Людота Коваль»¹.

Аналогичные трудности возникают при этнической атрибуции киевских камерных гробниц. В свое время они безоговорочно связывались со шведами. Основанием служили близкие типы погребений в Бирке. Однако при тщательном расследовании (А.-С. Грёслундом) оказалось, что в материковой Скандинавии погребений в деревянных камерах нет. Они есть в Западной Европе, в частности, в Нижней Фризландии и Саксонии — Вестфалии. В Бирке камерные (но не срубные) могилы составляют, примерно, 10 % от всех раскопанных могил и выступают здесь отнюдь не местным элементом. Трупоположения в камерах, согласно А.-С. Грёслунду, демонстрируют тесную связь Бирки с Западной Европой.

Следует отметить также, что камерные срубные могилы имеют традиции в Среднем Поднепровье: в них хоронили умерших здесь в скифское и сарматское время. Отмеченные выше особенности погребального обряда не ставят под сомнение факт участия варягов в южнорусской жизни IX–XI вв. Они указывают лишь на межнациональный характер этого явления. Примечательно, что процент камерных погребений на юге Руси (Киев, Шестовицы) примерно такой же, как и в Бирке (8–10 % от общего количества исследованных погребений).

Ярким показателем присутствия скандинавов на Руси являются так называемые скорлупообразные фибулы IX–X вв. Они происходят из Южной Швеции, но широко встречаются в курганных древностях Северной и Северо-Восточной Руси. В десятках экземпляров они известны в погребениях южного Приладожья, Верхней Волги, Гнездова.

¹ Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М., 1966. Т. 1–3. (САИ: вып. Е 1–36).

В южнорусском регионе скорлупообразные фибулы встречаются реже. В Киеве за годы исследований их обнаружено не более 10 экземпляров, в Шестовицах — шесть. Топографическое распределение скандинавских фибул в Киеве следующее — четыре выявлено в могильнике на Кирилловских высотах, остальные — в районе Старокиевской горы. Ни в одном случае не отмечен камерный характер погребений. Фибулы изготовлены из серебра и бронзы с прорезными литыми накладками в виде плетенки. Датируются IX–X вв.

Северное происхождение несомненно имеют и кольцевые фибулы с длинной иглой (пять экземпляров). Одна из них происходит из срубного погребения дружинника с рабыней и конем, исследованного в 1936 г. неподалеку от Десятинной церкви, другая — из аналогичного дружинного захоронения, раскопанного в 1900 г. к западу от Софийского собора. По типу они близки к фибуле, найденной в 1891 г. близ деревни Демшино Псковской губернии в составе клада с арабскими и англосаксонскими монетами IX–XI вв. Т. Арне считал эту фибулу британским изделием, а русский археолог А. А. Спицын — скандинавской. Третья фибула с длинной иглой обнаружена в погребении дружинника на Кирилловском некрополе. Она бронзовая позолоченная с двумя головками лося и сложным плетеным орнаментом по кольцу. Еще одна фибула из собрания киевского коллекционера И. Хойновского представляла собой медную кольцообразную застежку с отвороченными вверх оконечностями кольца в виде рогов лося¹. Пятая фибула происходит из Шестовиц. Она состоит из небольшого (3,3 см) кольца и длинной (10 см) иглы, несколько сплюсненной в нижней части. Аналогия этой фибуле имеется в Гнездовском могильнике².

К кругу привозных ювелирных изделий балто-скандинавского происхождения относятся, вероятно, круглые серебряные фибулы с обычной иглой (три), витые браслеты (два), близкие к готландским, а также несколько наконечников ножен меча. Что касается самих мечей, то, хотя их попадание в Южную Русь могло быть связано с варягами, по происхождению они были франкскими. То же можно сказать и о скрамосаксах, которые встречены в Киеве, Чернигове и в Шестовицах, а также о боевых топорах с долотовидным обушком,

¹ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. К., 1989. С. 189, 217–220.

² Блифельд Д. І. Давньоруські пам'ятки Шестовиці. К., 1977. С. 45.

выявленных в Киеве, Шестовицах, Чернигове. Аналогии им имеются в материалах Приладожья, а также и в Скандинавии.

К кругу скандинавских древностей исследователи обычно относят и стеклянные игральные шашки в виде усеченного конуса с верхом в форме полушара, бытовавшие в балтийском регионе. Встречаются они и в Киеве. Еще Х. Арбман на основании химического анализа полагал, что стеклянные игральные шашки происходили из прирейнских областей. Из районов нижнего течения Рейна и Эльбы поступали на Русь стеклянные геммы, эллипсоидные и кольцеобразные ребристые бусы.

В целом, балто-скандинавские вещи составляют только небольшую долю из общего числа археологических находок IX–X вв. на юге Руси. Если обратиться к археологическим комплексам торгово-ремесленных центров Балтийского поморья, то окажется, что в них, примерно, в таком же соотношении встречаются вещи, происходящие из Руси. Серебреники Владимира и Ярослава найдены на Готланде, в Несбю (Норвегия), на западнославянских землях; сумки кожаные с лировидными пряжками известны в Бирке; лунницы серебряные с зернью встречены на Готланде и в Норвегии; шиферные пряслица найдены в Бирке, Лунде, Сигтуне, Хайтабу. В Сигтуне и на острове Готланд зафиксированы крестики с выемчатой эмалью, глиняные расписные яички, монетные гривны...

Анализ археологических материалов показывает, что во взаимоотношениях между Русью и южноскандинавским регионом в IX — начале XI в. имела место определенная паритетность. Сколько-нибудь заметного влияния на различные сферы жизни друг друга стороны не оказали. Объясняется это, по-видимому, тем, что южная Скандинавия и Русь находились, примерно, на одном уровне социального и историко-культурного развития. Культура Скандинавии для Руси (как, впрочем, и наоборот) не была социально престижной, а потому не могла получить заметного развития в восточнославянской среде. Вне конкуренции здесь оказалось влияние византийской культуры, которая стояла на порядок выше и русской, и скандинавской.

В заключение следует отметить, что, в целом, уровень русско-балто-скандинавских связей IX–XI вв. был достаточно высок. Отношения двух регионов являлись одним из существенных факторов европейского экономического, политического и культурно-исторического развития.

КИЕВ И ИСКОРОСТЕНЬ В СЕРЕДИНЕ X в.

О том, как рождалось единое восточнославянское государство с центром в Киеве, видно на примере взаимоотношений столицы Руси со столицей Древлянского княжества, достаточно полно освещенных в Повести временных лет. Нынешний исследователь, разумеется, не обязан верить всему написанному в ней, однако и не учитывать эти свидетельства он также не может. Нет и малейшего сомнения в том, что, облаченные в фольклорную сюжетную форму, они отражают конкретные исторические реалии, связанные с непростыми процессами сложения территории Киевского государства. В них, по существу, идет речь об изменении характера отношений Киева и Древлянского княжества.

События 944 г., приведшие к восстанию древлян и казни киевского князя Игоря, показали, что неупорядоченные даннические отношения, по большому счету, не устраивали ни одну из сторон. При этом древляне требовали от Киева установления нормированной дани и сохранения автономии своей земли, а Киев, соглашаясь с необходимостью юридического упорядочения выплаты даней, не намерен был больше признавать эту самую автономию. Логика строительства единого государства требовала от него централизации структуры власти. «Светлые и великие князья», о которых упоминается в русско-византийских договорах, по мнению Киева, должны были уступить свое место представителям киевской администрации.

Конечно, это не могло произойти совершенно мирным порядком. Конфликты сторон были неизбежны, что и отразили полусказочные сюжеты о сватовстве к Ольге древлянского князя Мала, а также об ее мести древлянам за убийство мужа.

Начальный летописный рассказ о древлянско-киевском противостоянии обнаруживает два существенных обстоятельства.

Первое заключается в том, что уже в княжение Игоря в Древлянскую землю был определен киевский наместник. Им стал воевода Свенельд, получивший право сбора даней с древлян. В пользу такого предположения свидетельствует летописная фраза о недовольстве Игоревой дружины тем, что отроки Свенельда «**изоделись**» оружием и портами, и требовании идти с ними «**в дань**». Подтверждают это и события последующих лет. В Древлянской земле, как в своей вотчине, «**дѣял ловы**» сын Свенельда Лют, по-видимому, не очень считаясь с тем, что там уже княжил Олег Святославич. По навету Свенельда произошел конфликт между братьями Ярополком Киевским и Олегом Древлянским, закончившийся гибелью последнего.

Второе обстоятельство связано с тем, что, согласно летописи, древляне середины X в. не рассматривали себя в системе киевской власти. Она для них была чужой. Не считали они себя и русичами, что хорошо видно из следующих слов. «**Рѣша же дѣревянѣ: "Се князя ѹбихом русскаго"**»¹. Такое предположение не совсем согласуется со свидетельствами русско-византийских договоров, где понятие «Русь», как будто, распространялось уже не только на киевского князя, но и на всех «**иже сѹть под рѹкою его, свѣтлых и великих князь**»². Возможно, однако, что мы имеем здесь дело с киевским взглядом, который еще не стал общепринятым.

Из пространной статьи 945 г. явствует, что древляне, вопреки не очень благосклонному представлению их киевским летописцем, в социально-политическом плане немногим отличались от тех же полян. У них был свой князь, лучшие или нарочитые мужи, дружина, вече, то есть все те институты, которые характеризовали раннегосударственную форму общественной жизни. Причем сложилась она задолго до середины X в. Это видно из речи древлянских послов, обращенной к княгине Ольге. В ней говорится не только о нынешнем древлянском князе Мале, но также и о его более ранних предшественниках, которые обустроили Древлянскую землю. «**А наши князи добри сѹть, иже распали сѹть Деревьскѹ землю**»³.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 40.

² Там же. С. 25–26.

³ Там же. С. 40.

Центральным городом или столицей Древлянской земли, как можно заключить на основании летописных известий, был Искоростень. Однако он не единственное городское средоточие древлян, имелись и другие, о чем вполне отчетливо говорит летописная статья 946 г. После неудачного сражения с киевской дружиной древляне отступили в свои грады и закрылись в них. «И побѣдиша деревляне. Деревляне же побѣгоша и затворишася в градѣхъ своихъ»¹. О градах во множественном числе говорит и Ольга в своем послании к осажденным искоростенцам. «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань»².

Археологические исследования последних лет, осуществленные в городе Коростене, существенно проясняют летописные известия о тех затруднениях, с которыми столкнулась Ольга при попытке овладеть столицей Древлянской земли. Город имел совершенные для того времени оборонительные укрепления и, по существу, представлял собой неприступную крепость³.

Располагался на высоком естественно изолированном останце правого берега реки Уж. С северо-западной стороны его омывали воды реки, с западной и южной протекал небольшой ручей с сильно заболоченной поймой. О былой мощности укреплений Искоростеня свидетельствуют два мощных эскарпа и ров у подножия городища. Как полагают исследователи, оборонительную систему венчала каменная крепида, а также деревянная стена в виде заборол⁴. Вот почему киевская дружина не могла овладеть Искоростенем даже и после многомесячной его осады. Летописный рассказ о хитрости Ольги с голубями и воробьями, очень похож на сказку, но, видимо, есть в нем и какое-то рациональное зерно. Взять Искоростень можно было только прибегнув к какому-то нестандартному решению. Возможно, он был зажжен осаждавшими так называемыми огненными стрелами.

Были ли древлянские грады середины X в. городами в социально-экономическом значении этого слова? Что касается Искоростеня, то

¹ Там же. С. 42.

² Там же.

³ Звіздецький Б. А., Петраускас А. В., Польгуй В. І. Нові дослідження стародавнього Іскоростеня // Сб. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради VIII–X ст. К., 2004. С. 51–86.

⁴ Там же. С. 80–82.

результаты его раскопок склоняют скорее к положительному ответу на этот вопрос. Он обладал практически всем набором функций, которые характеризуют раннегородское средоточие. Главнейшей из них являлась административно-политическая. Летописные известия не оставляют сомнения в том, что именно Искоростень был социальным центром Древлянской земли. Здесь находился племенной княжеский стол, на котором сидел князь Мал, здесь же, по-видимому, проживала и значительная часть древлянской знати, так называемые «мужи лучшие».

Искоростень имел мощные оборонительные укрепления, а также двухчасную социально-планировочную структуру: поселение у юго-восточного подножия городища выполняло роль посада. Богатый археологический материал указывает на широкие его торговые связи не только с восточнославянскими землями, но и с более отдаленными регионами. Золотые и серебряные височные кольца имеют ближайшие аналоги в Великой Моравии, Венгрии и Малой Польше, железные фибулы и некоторые серебряные гарнитурные бляхи — в Балтийском регионе, серебряные диргеми — на Арабском Востоке, предметы вооружения, в частности ланцетовидные наконечники копий — в Средней и Северной Европе (рис. 11, 12).

Как справедливо полагают исследователи, часть из найденных ювелирных изделий могла быть изготовлена местными мастерами по привозным образцам. О развитии в Искоростене собственного ювелирного ремесла говорят находки керамических льячек, ювелирного пинцета, а также, возможно, пятилучевых серебряных сережек. Последние напоминают радимические височные подвески, но в отличие от них имеют не семь лучей, а пять, к тому же на внутреннем полуовале кольца украшены изображениями птиц. Ничего подобного этим подвескам древнерусская археология до сих пор не знала.

Характерно, что вещи эти найдены не в составе клада, а в культурном слое, в сожженных постройках, а также в заполнении вала бермы одного из эскарпов городища. Принимая во внимание тот факт, что три четверти городища уничтожены в 30-е годы XX в., а также сравнительно небольшую площадь исследований оставшейся его части, можно предположить, какие богатства ожидали бы археологов, если бы памятник сохранился до наших дней. Раскопки Искоростеня про-

должаются и, наверное, еще увеличат коллекцию ювелирных изделий и предметов вооружения, но и того, что уже найдено, достаточно для вывода о том, что древлянская столица первой половины X в. мало в чем уступала столице полян и Руси — Киеву.

Торговля и ремесло занимали существенное место в экономической жизни столицы Древлянской земли, но все же не главное. И сам Искоростень, и другие древлянские грады являлись центрами значительных земледельческих округов, которые и были их сельскохозяйственной производственной базой. Из слов Ольги о покорившихся ей древлянских градах следует, что они не только платят ей дань, но и «дѣлают нивы своя и землѣ своя»¹.

Взятием и сожжением Искоростеня Ольга, по существу, определила новый статус Древлянской земли в административно-территориальной структуре Киевского государства. С ее автономией было покончено. Местная племенная администрация была пленена и уничтожена, а ее место заняла киевская. Из летописи не видно, какая судьба постигла последнего древлянского князя Мала, но, думается, Ольга вряд ли пощадила его. О пресечении местной княжеской династии свидетельствует и тот факт, что Древлянская земля стала первой из «племенных» территорий, где был посажен киевский князь. В 970 г. Святослав отослал туда сына Олега, при этом новым стольным градом древлян, по-видимому, определил Овруч. В XII в. именно этот город служил резиденцией одного из киевских князей-соправителей.

Судя по летописному сообщению, Ольга существенно реформировала взаимоотношения Киева с Древлянской землей. Система взимания дани была действительно упорядочена, но ее размеры стали еще большими, чем это было при Игоре. Кроме того, в Древлянской земле появились опорные пункты киевской власти. «И иде Вольга по Дервьстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляючи уставы и уроки; и сѣть становища еѣ и ловища»². Вслед за древлянами такие же порядки были распространены на северян, кривичей и словен, чем, по существу, был завершен первый этап сложенных территорий Киевского государства.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

² Там же. С. 43.

Взаимоотношения Киева и Искоростеня середины X в. ставят перед исследователями еще один важный вопрос: в какой мере опыт докиевского периода истории древлян был использован при создании Киевского государства? В свое время А. Е. Пресняков высказал предположение, что древнерусские городские волости возникли постепенно уже на глазах истории и не представляли собой наследия «докняжеских» времен. Они явились на развалинах племенного быта, «не из него выросли, а его разрушили»¹. Близкого мнения придерживался и С. В. Юшков, полагавший, что крупная феодальная сеньория Киевской державы возникла на развалинах племенных княжений².

Сторонники таких взглядов есть и в наше время, однако они вряд ли продуктивны. Если отрицать органическую преемственность социально-экономического развития восточнославянского общества эпохи племенных княжений и раннегосударственного их быта, тогда придется признать, что государственность в восточнославянском обществе привнесена извне.

В книге «Древнерусский феодальный город» мной подробно рассмотрен этот вопрос. Тогда отрицание преемственности в социально-экономическом развитии восточных славян догосударственного и раннегосударственного периодов мне представлялось совершенно неверным. Изучение процессов формирования древнейших городов убеждало, что все они своими корнями уходят в эпоху племенных княжений, выросли из межплеменных или общинных центров, обладавших значительной структурообразующей традицией³.

Последующие исследования, в том числе и археологические раскопки древлянских градов еще более укрепили в этом выводе. Изменившиеся политические и социально-экономические условия жизни древлянского общества, естественно, внесли существенные коррективы в процессы градообразования, но в целом не разрушили старые традиции. Изучение древнерусских городищ в Коростене на реке Уж, у Малина на р. Ирше, в селе Городок, у Радомышля и Иванкова на Тетере и некоторых других показывает, что в их основании покоятся культурные слои VIII–X вв. Характерно, что даже Искоростень, по-

¹ Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. М., 1938. Т. 1. С. 62, 93.

² Юшков С. В. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.; Л., 1939. С. 172.

³ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989. С. 59–70.

несший наибольший урон от киевских властей, не прекратил своего существования.

В свое время я назвал преемственный путь образования восточнославянских городов примером, чему служили и древлянские грады как «общинно-феодальный». При всей условности такого определения, оно все же достаточно реалистично. На общинные структуры, в том числе и раннегородские в середине X в. наложилась киевская государственная власть. Мы не знаем, что представляли собой «становища» княгини Ольги, но можно предположить, что они были учреждены в уже существовавших населенных пунктах Древлянской земли. Скорее всего и здесь речь идет об административном переподчинении старых градских волостей киевской власти. Новых средоточий, которые бы были основаны Киевом для контроля за племенными и общинными центрами, мы, по существу, и не знаем.

Таким образом, можем констатировать, что к середине X в. Древлянская земля была полностью подчинена центральной власти Киева. Никаких коренных социально-экономических изменений в ее развитии не произошло, что стало возможным в условиях относительно быстрого, хотя и не бесконфликтного вхождения ее в административно-территориальную структуру Киевского государства.

ЛАДОГА И ЕЕ ОКРУГА В ПЕРВЫЕ ВЕКА РУССКОЙ ИСТОРИИ

Предложенное исследование — результат постоянного интереса к проблеме становления русской государственности и происхождения городов. Помещая его в сборнике, посвященном крупнейшему знатоку и многолетнему исследователю ладожских древностей А. Н. Кирпичникову, автор отдавал себе отчет в том, что «южный» взгляд не во всем может сойтись с «северным». И тем не менее хотелось бы надеяться, что он не окажется лишним в обсуждении «ладожской» проблемы. Тем более что Ладога это не только специфически северное явление ранней истории Руси, но и органическая часть общедревнерусской.

Топологически ранняя Ладога вписывается в торгово-ремесленную модель происхождения древнерусских городов. Однако в отличие от ряда синхронных и близких ей социальных поселений на Волхове, Днепре, Десне и Верхней Волге, прекративших свое существование в начале XI в., она продолжала жить полнокровной жизнью феодального города и в последующие столетия. По существу, Ладога является уникальным примером «выживаемости» так называемого открытого торгово-ремесленного поселения.

Чем его можно объяснить? Безусловно, ранним «окняжением» Ладоги, причем двукратным. Первое, как убедительно показал А. Н. Кирпичников, произошло между 60-ми и 90-ми годами IX в. Конечно же «столицей империи Рюриковичей», как кажется А. Н. Кирпичникову, в этот период Ладога не была¹. Не могла быть, поскольку не было еще и империи. Но княжеским городом, по-видимому, стала. Именно в

¹ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога: (Итоги археологических исследований) // Средневековая Ладога. 1985. С. 25.

этот период в Ладоге строятся первые укрепления и город приобретает двучленную социальную структуру. Второе «окняжение» Ладоги приходится на конец X — начало XI в., когда она становится столицей так называемого «русско-норманнского» ярлства.

Счастлиное объединение хозяйственных и политических функций в одном центре послужило залогом его будущего непрерывного развития. По существу, на старой поселенческой основе возник новый социальный организм, унаследовавший от старого свое название.

Исследование культурных слоев Ладоги VIII–IX вв. привело в свое время В. И. Равдоникаса к выводу, что ладожанам было присуще индивидуальное крестьянское сельское хозяйство с домашней промышленностью и наличием выделившегося ремесла. Они обитали в жилых гнездах — дворах, приспособленных к сельскому индивидуальному хозяйству. Основные элементы таких дворов: небольшой дом, хлев или крытый двор для скота, постройки для хранения запасов¹.

Вывод В. И. Равдоникаса вызвал определенное удивление современников. В своем фундаментальном труде Б. Д. Греков, говоря о ранней Ладоге, заметил, что «перед нами не городского типа поселение, а деревня»².

Еще большее удивление вызывает этот вывод в наше время. Привыкшие к определению ранней Ладоги, как торгово-ремесленной фактории, современные исследователи, разумеется, не могут согласиться с тем, что она могла быть и крестьянской. Ныне, как полагает А. Н. Кирпичников, такой вывод кажется ничем иным, как не оправдавшей себя попыткой архаизации ладожского общества и его экономики. Находки единичных земледельческих орудий VIII–IX вв. не дают основания говорить о крестьянской Ладоге. В структуре существовавших здесь производств занятия сельским хозяйством не преобладали, а служили, очевидно, самообеспечению отдельных семей³.

Если иметь в виду Ладогу VIII–IX вв., то такой вывод, безусловно, правильный. Она развивалась на преобладающей торгово-ремесленной основе. Однако распространять его и на X–XI вв.,

¹ Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА. 1949. Т. 11. С. 48, 54.

² Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 102.

³ Кирпичников А. Н. Указ. соч. С. 5.

кажется, неправомерно. По мере изменения социального облика поселения происходили существенные изменения и в его экономике. Окняжение Ладоги обусловило концентрацию в нем знати, а следовательно, и более тесную связь с земледельческой округой. Очевидно, уже в X в. значительно увеличился удельный вес сельскохозяйственного производства. Об этом свидетельствуют находки сошников, предназначенных для обработки тяжелых лесных почв.

Крупный специалист по истории древнерусского земледелия А. В. Кирьянов отмечал, что в ранний период жизни Ладоги земледельческая техника, занесенная или же заимствованная у земледельцев из более южных областей, очевидно областей Поднепровья, не отвечала задачам освоения пахотных земель лесной полосы¹. Не исключено, что так оно и было на самом деле. Однако неудачное приложение аграрных навыков и орудий труда южного региона на ладожской земле может свидетельствовать лишь о временном неуспехе предприятия, но не об его отсутствии. К тому же утверждение об особой «тяжелости» подзолисто-торфяных почв Приладжья, якобы неподвластных распашке южными сошниками, мягко говоря, преувеличено. Причина относительно слабого развития сельского хозяйства в Ладоге была не в несовершенстве южных орудий труда, а в отсутствии сколько-нибудь крупных массивов плодородных земель в ее окрестностях.

И тем не менее вывод исследователей о незначительной роли сельского хозяйства в экономике ранней Ладоги, кажется неоправданно абсолютизированным. Материалы о Ладоге позднесредневековой, мастерски систематизированные и проанализированные А. Н. Кирпичниковым, также позволяют усомниться в его корректности. Согласно писцовой книге 1568 г., ладожский посад состоял из дворов и дополняющих их огородов, причем дворы занимали 3 га, а огороды — 7 га. Кроме того, ладожане имели свыше 45 га покосов и пашен в окрестностях города². Интересна в этом отношении и перепись 1500 г. В ней запрещалось горожанам заводить в городской черте пашни и хмельники. Трудно сказать, с чем связан этот запрет, но само

¹ Кирьянов А. В. История земледелия Новгородской земли X—XV вв. // МИА. 1959. № 65. С. 361.

² Кирпичников А. Н. Посад средневековой Ладоги. Указ. соч. С. 175–177.

его появление свидетельствует о большом интересе ладожан к сельскохозяйственным занятиям.

Разумеется, делать выводы о хозяйственных занятиях жителей ранней Ладogi на основании источников XV–XVI вв. рискованно, но все же возможно. Здесь следует согласиться с А. Н. Кирпичниковым, что эти поздние источники «таят в себе плодотворные возможности исторической ретроспекции»¹. Можно спорить о том, каков был удельный вес сельскохозяйственного производства ранней Ладogi в ее общем экономическом балансе, но отрицать его наличие нет никаких оснований.

Большой исследовательский интерес вызвал вопрос о княжеском владении с центром в Ладогe в начале XI в. Выводы, к которым пришли историки, разноречивы, а иногда и просто неверны. Единодушие наблюдается лишь в том, что несмотря на то, что передача Ладogi и ее окрyги фиксируется лишь в Саге об Олаве Святом Снорри Стурлусона и Пряди об Эймунде и не имеет подтверждения в отечественных летописях. Практически никто из историков не высказал сомнения о достоверности этих сведений. Е. А. Рыздзевской казалось, что сведения саг о ладожском владении сходятся с нашей летописью в том, что в этом городе с примыкающей к нему территорией нет своего князя, в противоположность Новгороду, Полоцку и другим². Аргумент не очень убедительный. Отсутствие «своего» князя не обязательно должно предполагать присутствие «чужого».

Разумеется, понятие «чужой» здесь весьма условное. Ладoga с ее окрyгой даже в скандинавских сагах считалась землей Владимира Святославовича (Вальдемара Старого), и нет основания полагать, что во времена его сына Ярослава было по-другому. Исходя из этого, А. Н. Насонов считал, что киевские князья держали в Ладогe наемного варяга-воина, который должен был охранять вход с Ладожского озера в Волхов и путь по Волхову. За свою службу Рёгнвальд, а затем и его сын Эйлив, получали жалование по договору³. Замечание А. В. Кузы о том, что связь Ладogi с Киевом не могла быть непосред-

¹ Там же. С. 170.

² Рыздзевская Е. А. Сведения о Старой Ладогe в древнесеверной литературе // КСИИМК. 1945. Вып. 11. С. 51–65.

³ Насонов А. Н. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1951. С. 70.

ственной, обходящей Новгород, по существу, ничего не меняет в выводе А. Н. Насонова, если учесть, что сам Новгород пребывал в тесной связи со столицей¹.

Г. С. Лебедев рассматривал Рёгнвальда и его сына Эйлива как великокняжеских наместников в Ладоге, при этом отмечал, что в середине XI в. Ладожское ярлство становится предметом шведско-новгородских раздоров, а в последней четверти XI в. Ладога подчиняется уже не великокняжеской киевской, а новгородской администрации². По-видимому, и здесь подразумевается так называемая «непосредственная» связь. Ведь нельзя же всерьез утверждать о потере суверенитета Киева над частью своей государственной территории только на том основании, что она (эта часть) управлялась непосредственно из (в данном случае) Новгорода. Тем более что новгородская администрация формировалась в этот период исключительно киевскими князьями.

По мнению А. Н. Кирпичникова, в низовьях Волхова образовалось русско-норманнское ярлство, задачей которого было оборонять северные рубежи страны от подымавшихся к самостоятельности финских племен. В приведенном утверждении несколько озадачивает определение Ладожского ярлства как «русско-норманнского». В переводе на юридический язык оно должно означать совместный русско-шведский суверенитет над Ладожской землей. Ярлство, в таком случае, оказывается сродни современному совместному предприятию с ограниченной ответственностью, в котором акции сторон поделены 50 на 50.

Еще более четко по поводу юридического статуса Ладожской волости высказались Г. В. Глазырина и Т. Н. Джаксон, полагающие, что в начале XI в. она становится «условным держанием скандинавов»³. Позднее, правда, Т. Н. Джаксон несколько смягчила приведенный вывод, опустив в нем слово «скандинавов», что, разумеется, существенно меняет его смысл.

К сожалению, на основании столь ненадежного источника невозможно ответить на вопрос — как было в действительности. В лучшем случае, мы можем говорить, как могло бы быть. Сомнительным вы-

¹ Куза А. В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М. С. 144–201.

² Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 215–216.

³ Глазырина Г. В., Джаксон Т. Н. Из истории старой Ладоги (по материалам скандинавских саг) // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1985. С. 109, 114.

глядит утверждение саги о необычном свадебном даре Ингигерд. За согласие выйти замуж за Ярослава она якобы потребовала себе Ладогу и Ладожское княжество. «Если я выйду замуж за конунга Ярицлейва, то хочу я в свадебный дар себе Альдейгьюборг и то ярлство, которое к нему относится». Вторым ее условием было обязательное сопровождение ее в Русь ярлом Рёгнвальдом, который бы имел на востоке титул не ниже чем у себя в стране, и ничуть не меньше прав и почета. Русские послы от имени своего князя согласились с этими условиями. Прибыв в Русь, Ингигерд передала, принадлежавшую ей волость, Рёгнвальду, который был там ярлом долго и был он известным человеком¹.

Конечно, в этом рассказе много от легенд. Прежде всего, русская имущественно-правовая практика этого времени не знала прецедента владения и распоряжения женщиной земельным наделом. Так что, скорее всего, «условия» Ингигерд являются не более чем красивым вымыслом позднейшего времени. Сага ведь записана не ранее конца XII — начала XIII в.

Что касается Рёгнвальда, то, как явствует из саги, ко времени выезда в Русь он уже не пользовался почетом и уважением на родине. За содействие женитьбе Олава Норвежского на дочери шведского конунга Астрид, Рёгнвальд пал в немилость и должен был быть повешенным. Только заступничество Ингигерд спасло ему жизнь, однако условием прощения была высылка из страны. «Ингигерд просила своего отца не нарушать клятвы, которую он дал ей, и к тому привели ее просьбы, что конунг говорит, что Рёгнвальд может свободно покинуть Свиавельды, но больше не попадаться конунгу на глаза и не возвращаться в Свитьод, пока Олав будет там конунгом»².

Разумеется, Ингигерд могла просить Ярослава взять на службу ее протеже, но ставить какие-то особые условия о размерах его чести и достоинства на Руси, вряд ли осмелилась бы. Тот факт, что Рёгнвальд не последовал за Ингигерд в Киев, как другие знатные норманны, а довольствовался небольшой Ладожской волостью, как раз и свидетельствует, что особой чести на Руси он не удостоился. Видимо, не случайно русские летописцы не сохранили о нем и памяти.

¹ Джаксон Т. Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994. С. 74–75.

² Там же. С. 74.

Возвращаясь к юридическому статусу владения Рёгнвальда на Руси, следует сказать, что ни о какой передаче Ладоги и ее округи в условное владение скандинавам не могло быть и речи. Выходцы из Скандинавии занимали на Руси и более высокие государственные должности. Например, Свенельд некоторое время имел право фискального распоряжения огромной Древлянской землей, но ведь нельзя же на этом основании утверждать, что она находилась в руках скандинавов или являлась русско-норманнским владением. Так ведь недалеко и до утверждения о том, что вся Русь имела аналогичный статус, поскольку ее княжеская династия была норманнской по происхождению.

На Руси скандинавы, будь то Рюрик, Олег, Свенельд или Рёгнвальд, превращались в политических русских, служили русскому государству и не помышляли блюсти интересы своей исторической родины. Ладога и Ладожская волость в первой половине XI в. являлась составной частью Киевской Руси, но управлялась наемным варягом, получавшим за это от киевского князя жалование по договору. Сказанное не следует понимать слишком буквально. Конечно, Рёгнвальд не ездил в Киев за жалованием для себя и своей дружины. Можно предположить, что он, как и Свенельд, был облечен правом сбора дани в Ладожской волости и какую-то часть использовал на содержание свое и дружины. Об этом прямо говорится в Пряди об Еймунде: «Рёгнвальд Ульвссон был ярлом над Альдейгьюборгом... Он был великий вождь и обязан данью Ярицлейву конунгу»¹. На службе Ярославу Рёгнвальд находился до глубокой старости, а после его смерти Ладожская волость перешла в управление сына Эйлива, на тех же условиях.

В заключение необходимо отметить, что, в силу своего географического положения, Ладога не имела шансов надолго закрепиться на положении столицы Северной Руси. Несмотря на значительную роль в истории Руси ее начальной поры, она так и не обрела статуса княжеского центра. В административной табели о рангах Ладожская волость представляла собой в X–XI вв. небольшое наместничество, управлявшееся великокняжескими посадниками. Видимо, таким был статус Рёгнвальда и его сына Эйлива, справедливо названных А. Н. Насоновым «варягами-воинами».

¹ Там же. С. 119.

О ПРОБЛЕМЕ СТАНОВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ ГОРОДОВ

В 1989 г. теме древнерусского феодального города я посвятил специальное монографическое исследование, в котором значительное место отвел проблеме происхождения городских форм жизни¹. В течение двадцати лет к этой теме я не возвращался, хотя за это время произошло много изменений как в области методологического осмысления этой социальной категории, так и в историографической традиции ее освещения. Крушение мировой социалистической системы послужило основанием для многих исследователей поставить под сомнение выводы советской исторической науки о причинно-следственных связях появления феномена города.

Главным их недостатком объявлялось то, что они были строго вписаны в рамки марксистской формационности и детерминированы феодальными производительными силами, тогда как содержательно феодализация, будто бы «заключалась, прежде всего, в смене одной системы социальных связей другой»². Эта свежая мысль, принадлежащая А. Я. Гуревичу, подвигла многих исследователей на еще более радикальные выводы.

Нет сомнения, что отказ от догматического восприятия марксистской формационной периодизации значительно оживил и разнообразил подходы в исследовании темы древнерусского города. Однако попытки отказа от первичности базисных явлений в жизни того или иного социального организма и признание таковыми надстроечных, не оказались продуктивными. Исследуя специально эту проблему, я убедился, что даже наиболее радикальные критики марксистского

¹ Толочко П. П. Древнерусский феодальный город. К., 1989.

² Гуревич А. Я. Проблема генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970. С. 5.

экономического детерминизма, во-первых, не смогли предложить ему равноценную альтернативу, а во-вторых, несмотря на различные оговорки, так и не вышли за его пределы¹. Даже знаменитая формула А. Дж. Тойнби «вызов и ответ» и та предполагает приоритетность производительного начала, поскольку первый ответ на вызов всегда связан с обеспечением физического выживания общества².

Не отказался А. Дж. Тойнби и от феодализма. В отличие от современных последователей и толкователей, он признал его объективной реальностью. «Что касается феодальной системы, — подчеркивал он, — то П. Виноградов блестяще доказал, что ростки ее возли на английской почве еще до норманнского завоевания... Установление феодальной системы в том виде, в каком она появилась в Англии, является результатом специфически западноевропейского развития». Продолжая свою мысль, А. Дж. Тойнби признал наличие феодализма также в Византии, мусульманском мире, других регионах, хотя и не был убежден, что там он возник «по тем же причинам, что и в Западной Европе»³.

Конечно, в каждом регионе и каждой стране были свои особенности феодальной системы, как и причины их породившие, однако во всех случаях, будь то Западная Европа, Византия или Киевская Русь речь идет о сходной социально-экономической формации. Определенно она характеризовалась не только особым способом производства, но и особой системой социальных отношений, но это не значит, что последняя была определяющей. По никем не опровергнутому определению Ф. Энгельса «люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.»⁴.

Сравнительно недавно вышла в свет обстоятельная работа Е. Н. Носова, посвященная городищу под Новгородом и становлению городских центров Поволховья, но содержательно далеко выходящая за региональные пределы. По существу, Е. Н. Носов предложил свой взгляд на становление древнерусских городов вообще, при этом со-

¹ Толочко П. П. Археология и древняя история. В защиту исторического марксизма. К., 2007.

² Там же. С. 18.

³ Тойнби А. Дж. Постигание истории. М., 2006. С. 18.

⁴ Энгельс Ф. Похороны Карла Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 350.

проводив работу добротным историографическим анализом, местами достаточно критическим¹. Досталось и автору этих строк, что совершенно естественно обязывало его ответить на предъявленные замечания. К сожалению, все не доходило руки. Но тут «неожиданно» нагрянули юбилеи. Сперва мой, послуживший поводом к продолжению обсуждения Е. Н. Носовым данной темы², а затем и юбилей Евгения Николаевича, не оставивший мне другого выбора, как только поблагодарить его за внимание к моему научному творчеству и, если не возразить на сделанные замечания, то, хотя бы, объяснить свою позицию.

Несколько слов о новом подходе к рассмотрению проблемы становления древнерусских городов, который заявил Е. Н. Носов. Он в отказе от традиционных марксистских оценок социально-экономического строя Древней Руси. Для его объяснения, как полагает исследователь, нет необходимости обязательно придерживаться формационных определений. Строй на Руси не был ни первобытнообщинным, как настаивают сторонники И. Я. Фроянова, ни тем упрощенным феодализмом, который видят последователи Б. Д. Грекова или Л. В. Черепнина³.

А если не «упрощенный феодализм», если назовем его строем «выраженной социальной стратификации», как у Е. А. Мельниковой⁴, или «феодализации, заключающейся в смене системы социальных связей», как у А. Я. Гуревича, это разве не тот же формационный оценочный подход? По существу, тот же, только определения другие, менее содержательные и конкретные. Социальная стратификация и смена системы социальных связей имели место со времен распада первобытного общества всегда. Весь вопрос в том и состоит, чтобы определить социально-экономическое их содержание для той или иной эпохи. Для киево-русской оно, несомненно, имело феодальный характер. Ничего принципиально нового, а тем более

¹ Носов Е. Н. Новгородское городище в свете проблемы становления городских центров Поволховья // Носов Е. Н., Горюнова В. М., Плохов А. В. Городище под Новгородом и поселения Северного Приильмения. СПб., 2005. С. 8–32.

² Его же. На путях становления городов Древней Руси // Дньнслово. Збірка праць на пошану П. П. Толочка. К., 2008. С. 133–146.

³ Его же. Новгородское городище... Указ. соч. С. 16–27.

⁴ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных и раннегосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. М., 1995. С. 16–31.

альтернативного русская теоретическая медиевистика до сих пор не предложила.

Второе замечание относится к методологическому подходу в исследовании социально-экономических явлений. Е. Н. Носов, со ссылкой на Е. А. Мельникову, отстаивает мысль о необязательности установления прямой и жесткой зависимости между такими явлениями, как формация, классовое общество и государство. Но ведь эта взаимозависимость существовала в реальной жизни и нам ее надо не «устанавливать», а выявлять. Без этого содержание всех названных явлений останется вне нашего исследовательского постижения. Сказанное в полной мере относится и к городу, феномен которого в древнерусском обществе, несомненно, отражает государственно-политический этап его развития.

А теперь несколько конкретных разъяснений. Начать, видимо, следует с утверждения, показавшегося Е. Н. Носову неубедительным, о том, что древнейший русский город был в основе своей аграрным, рождением и развитием целиком обязанным сельскохозяйственной округе. Конечно, это не откровение от Толочко. По существу имеем один из основополагающих выводов отечественной и европейской медиевистики.¹ Аграрный характер формирующихся городов имел место практически во всех европейских странах средневековья и древнерусские не представляли в этом плане исключения.

Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к письменным и археологическим источникам. Важное свидетельство об аграрности ранних городских средоточий содержится в известном обращении княгини Ольги в 945 г. к осажденным жителям Искоростеня. «**Вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлають нивы своя и землѣ своя**»².

Мы не располагаем аналогичными письменными свидетельствами более позднего времени, однако археологические раскопки многих южнорусских городских центров XI–XIII вв. не оставляют сомнения в их непосредственной связи с сельскохозяйственным производством.

¹ Историографические справки на этот счет содержатся в моей монографии «Древнерусский феодальный город» (К. Наукова думка. 1989), а поэтому нет необходимости повторять их и в этой статье.

² ПВЛ. Ч. 1. С. 42.

Обнаруживаемые в большом количестве косы, серпы, наральники, чересла, лопаты, ножницы для стрижки овец, топоры, струги и другие орудия труда определенно указывают на то, что производственная база этих городов находилась за пределами их стен.

В качестве особенно показательного примера можно привести город Изяславль, что на Волыни, где раскопками М. К. Каргера обнаружено огромное число (около 1 тыс.) орудий сельскохозяйственного производства, характеризующих весь цикл земледельческих работ: лемеха, чересла, косы-горбуши, серпы, лопаты, каменные жернова и др.¹

В свое время один из первых исследователей Ладogi В. И. Равдоникас на основании результатов раскопок пришел к выводу, что древние ладожане — это, прежде всего, земледельцы, сельские хозяева, обитавшие в жилых гнездах — дворах, приспособленных к сельскому индивидуальному хозяйству. Основные элементы таких дворов: небольшой дом, хлев или крытый двор для скота, постройки для хранения запасов². По мнению А. Н. Кирпичникова, находки единичных земледельческих орудий VIII в. не дают основания говорить о крестьянской Ладогe VIII–IX вв. В структуре существовавших в ней производств занятия сельским хозяйством не преобладали, а служили самообеспечению отдельных семей³. Наверное, в Ладогe VIII–IX вв. сельскохозяйственное производство не преобладало. Однако в последующие столетия, в связи с окняжением этого городского центра, его связь с земледельческой округой была более тесной. Примечательно, что ладожане еще и в XVI в. имели в окрестностях города 45 га покосов и пашен. Вряд ли следует сомневаться в том, что так было и в древнерусское время.

И, конечно, не только в Ладогe. Чрезвычайный интерес в этом плане представляет статья 1152 г. Ипатьевской летописи, рассказывающая о несдержании Юрием Долгоруким союзных обязательств по отношению к Святославу Ольговичу. «**Бяко еси волость мою погубилъ, а жита еси около города потравилъ**»⁴. Уточнение «около го-

¹ Миролюбов М. А. Древнерусский город Изяславль: Каталог. Л., 1983. С. 8–10.

² Равдоникас В. И. Старая Ладога // СА. 1949. Т. 11. С. 48.

³ Кирпичников А. Н. Раннесредневековая Ладога. Л., 1985. С. 5.

⁴ ПСРЛ. Ипатьевская летопись. М., 1962. Т. 2. Стб. 458.

рода» указывает, вероятно, на то, что пострадали именно те посевы, которые входили в подгородный земледельческий пояс.

По существу, с аналогичным явлением мы встречаемся и в летописных известиях о военных событиях у Киева. В статье 1146 г. сказано, что союзные Изяславу Мстиславичу берендеи овладели Игоревыми «товарами» перед Золотыми воротами вблизи огородов: **«И взяша товары передъ Золотыми вороты и подъ огороды»**¹. Из статьи 1151 г. также следует, что в непосредственной близости от крепостных стен (между Лядскими воротами и Копыревым концом) находились огороды². Еще раз они упомянуты в летописной статье 1172 г.³ О подобных, но уже переяславских, огородах речь идет в статье 1179 г. Отражая нападение Юрия Долгорукого, Изяслав Мстиславич **«выправися весь из города, и ста на болони, и товары за огороды»**⁴.

На непосредственную связь горожан с сельскохозяйственным производством указывают находки в крупнейших городах Руси — Киеве, Новгороде, Галиче, Чернигове, Полоцке, Смоленске и др. — наральных, лемехов, сошников, кос, серпов, оковок лопат. По свидетельству Б. А. Колчина и В. Л. Янина, за 50 лет раскопок Новгорода в нем было обнаружено: 62 лопаты, 110 деревянных граблей, 126 железных кос-горбуш, 8 вил, 23 сошника, 19 серпов⁵. Раскопки городских усадеб Новгорода, Киева и других городов неизменно обнаруживают хозяйственные сооружения типа хлевов, конюшен, что указывает на занятие их владельцев животноводством.

Проанализировав новгородские берестяные грамоты на наличие в них свидетельств о ремесле и, практически, не обнаружив таковых, Е. А. Рыбина пришла к выводу о неслучайности такого положения. Согласно ей, оно отражает систему хозяйствования Новгорода и приоритетные заботы его жителей — землевладение и торговля. Ремесло развивалось преимущественно на боярских усадьбах. За прошедшие

¹ Там же. Стб. 326.

² Там же. Стб. 428.

³ Там же.

⁴ Там же. Стб. 380.

⁵ Колчин Б. А., Янин В. Л. Археологии Новгорода 50 лет // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 74.

75 лет археологического изучения Новгорода не было зафиксировано ни одной самостоятельной усадьбы ремесленника¹.

Все сказанное выше определенно подтверждает вывод Ф. Энгельса о том, что «средневековый городской ремесленник был в известной степени крестьянином, имел не только огород и сад, но и очень часто участок поля, одну-две коровы, свиней, домашнюю птицу и др.»².

Но, пожалуй, более существенным для выяснения взаимодействия города с сельскохозяйственной округой, является определение характера его экономической эксплуатации деревни. Изначальная и характерная особенность древнерусских городов заключалась в концентрации в них феодальной знати (князь, бояре, администрация, богатые дружинники), тесно связанной с сельскохозяйственной округой. На ранних этапах связь эта осуществлялась посредством ее участия в централизованном отчуждении прибавочного сельскохозяйственного продукта, позже — через эксплуатацию крестьянского труда на правах земельных вотчинников.

В отличие от Западной и Северной Европы древнерусские феодалы (если этот термин шокирует современных антимарксистов можно заменить его на «землевладельцы») не оставили города и не переселились в свои сельские поместья — замки. В Северной Руси, как показывает пример Новгорода, вся землевладельческая знать сосредоточивалась исключительно в городах, в Южной — преимущественно в городах. Благодаря этому в них концентрировалась огромная земельная рента, где она овеществлялась в городских укреплениях, княжеских дворцах, храмах, предметах роскоши. И, конечно же, не ремесло и торговля являлись главными источниками существования древнерусских городов, но сельскохозяйственное производство, тянувшей к ним округи.

Теоретически можно согласиться с утверждением Е. Н. Носова, что «древнейшие города на территории Руси не обязательно вырастают исключительно как средоточия сельскохозяйственных округ и феодального властвования, но и как центры внешней торговли³. Вот только подтвердить его конкретными примерами очень трудно. Так

¹ Рыбина Е. А. Свидетельства о ремесле в новгородских берестяных грамотах // Дыньслово. Збірка праць на пошану П. П. Толочка. К., 2008. С. 167–171.

² Маркс К., Энгельс Ф. Указ. соч. Т. 25, Ч. 2. С. 473.

³ Носов Е. Н. Новгородское городище... С. 17.

называемые «открытые торгово-ремесленные поселения», которые будто бы демонстрируют «пути становления города через торговые средоточия», в действительности не столько подтверждают этот вывод, сколько опровергают. Мы знаем все эти немногочисленные средоточия, находившиеся на важнейших торговых магистралях — Волхове, Днепре, Десне, Волге. Это Ладога, Городище под Новгородом, Гнездово, Тимерево, Сарское и Михайловское городища, Шестовицы, и ни одно из них (исключая Ладогу, подвергшуюся окняжению и ставшую центром феодального властвования) так и не перешло из стадии предгородского поселения в городское. К концу X — началу XI в. все они приходят в упадок и сходят с исторической арены.

Е. Н. Носов полагает, что вывод о тупиковости торгово-ремесленного пути образования древнерусских городов неожиданен и противоречив. «Получается, что путь образования города через торгово-ремесленные поселения на Руси все же был, — замечает он, — однако такой путь П. П. Толочко называет “тупиковым”¹. Но что же делать, если в реальной жизни было именно так. И неожиданного здесь ничего нет. История знает множество примеров, когда то или иное явление угасало, не обретя полного своего развития. Нередко на таких тупиковых путях оказывались целые общества, что уже говорить о каких-то там торговых поселениях.

Чем была обусловлена эта тупиковость? Прежде всего и главным образом тем, что торгово-ремесленные поселения, как я уже об этом писал, были вызваны к жизни не внутренним социально-экономическим развитием восточнославянского общества, но внешними факторами, необычайно бурным развитием трансъевропейских торговых связей. Дальняя торговля была необходима, не столько тем регионам, в которых возникали ее опорные центры, сколько им самим. Чтобы убедиться в этом, достаточно проанализировать местонахождения импортов на восточнославянских землях в конце IX — начале XI в. Если не абсолютное, то подавляющее их большинство обнаруживается именно на этих поселениях. Широкого распространения они не имели, даже в близлежащих поселениях.

Мое более раннее утверждение о том, что в формировании трансъевропейских экономических связей кроме скандинавов (шве-

¹ Там же. С. 21.

дов, норвежцев, датчан) активную роль играли славяне (западные и восточные) кажется противоречивым только на первый взгляд. Оно вовсе не означает, что функционирование торгово-ремесленных поселений вообще не отвечало интересам восточнославянского общества. Какой-то его части несомненно. Мой вывод сводился к тому, что эти торговые фактории не были порождены внутренним развитием и не стали естественными социальными средоточиями округ. С существенными оговорками за ними можно признать, как это утверждает Е. Н. Носов, лишь какую-то роль в формировании «значимости» районов, в которых возникали «новые» города¹.

В свое время, пытаясь найти причину, по которой протогородские торгово-ремесленные поселения не переросли в города, Г. С. Лебедев указывал на то, что ремесло в течение эпохи викингов, еще не обрело законченной цеховой организации². Наверное, не обрело. Но вряд ли именно в этом причина их незавершенной эволюции. Древнерусские города, в том числе и крупнейшие, не имели «законченной» цеховой организации не только в X–XI вв., но и позже, в XII–XIII вв., что не мешало им быть настоящими городскими средоточиями. Судьба торгово-ремесленных центров была predeterminedена конечно же не этим, но главным образом тем, что они не обрели в своем развитии политической функции. Не были ни «авангардными» средоточиями в освоении славянами огромной территории, как думали одни исследователи, ни «опорными пунктами великокняжеской власти», как полагали другие³.

Поразительно, но, пожурив автора этих строк за «тупиковый путь», Е. Н. Носов в процессе развития своих мыслей пришел к очень близкому выводу. Согласно ему, торгово-ремесленные поселения на международных путях сыграли значительную роль в становлении городов на Руси, хотя и не являлись обязательной стадией в их развитии, да и существовали не повсеместно⁴. Но если стадия «не обязательная», не закономерная, к тому же не приведшая к образованию хотя бы одного города, то как ее можно еще квалифицировать как не тупиковую?

¹ Там же. С. 22.

² Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе. Л., 1985. С. 102–103.

³ Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. К предыстории древнерусского города // История СССР. 1979. № 4. С. 109.

⁴ Носов Е. Н. Новгородское городище ..., С. 23.

Существенным в выводе Е. Н. Носова является указание на локальность или не повсеместность торгово-ремесленных поселений, на что раньше мы как-то не обращали особого внимания. Но только это обстоятельство не позволяет слишком расширительно толковать их значение для становления древнерусских городов.

Что касается Южной Руси, утверждение Е. Н. Носова, что города здесь «вырастали в плотно освоенных земледельческим населением районах, в местах концентрации сельских поселений как центры обширных округ, приобретая шаг за шагом административное, ремесленное и торговое значение»¹, то оно в точности повторяет мою «настойчивую» мысль о том, что «русский город был в основе своей аграрным, рождением и развитием целиком обязанным сельскохозяйственной округе».

Несомненно, как справедливо замечает Е. Н. Носов, «на севере Руси наблюдается отчасти иная картина, чем на юге». Я бы в этом высказывании обратил внимание на слово «отчасти», которое справедливо ко времени IX–X вв., когда Северная Русь в значительно большей мере, чем Южная была интегрирована в каспийско-балтийские торговые отношения. Правда, и в этом случае нет оснований абстрагироваться от участия в их жизни сельскохозяйственной округи. Безусловно, она не могла сравниться с южнорусской плодородием почв, но зато превосходила ее в возможностях занятий различными промыслами, продукция которых составляла основную номенклатуру товаров международной русской торговли.

Но ведь что характерно. И на севере Руси процессы градообразования не были обусловлены исключительно торговым фактором. Действительно, в Приильменье и Поволховье мне трудно назвать хотя бы один «славянский град», на базе которого там развился город². Но также трудно назвать и хотя бы одну торговую факторию, которая бы естественным образом переросла в город.

В развитое древнерусское время города Северной и Северо-Восточной Руси вообще практически не отличались от южнорусских.

¹ Там же.

² Это вовсе не значит, что на севере Руси не было таких же племенных средоточий «градов», как на юге. Определенно были. И. Я. Фроянов относит к ним Новгород, Ладогу, городище Новые Дубки и Холопий городок. См.: *Фроянов И. Я. Мятёжный Новгород: Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX начала XIII ст.* СПб., 1992. С. 38–45.

Представляли собой центры больших или меньших сельскохозяйственных округ, являлись средоточиями их административно-политического управления, а также своеобразными коллективными замками для землевладельческой знати. Конечно, в них развивались торговля и ремесло, но не они определяли их социально-экономическую сущность.

Е. Н. Носов, утверждая путь становления города через торговые средоточия, попытался опереться на авторитет В. О. Ключевского, автора известной теории о торговом начале городов на Руси. Вряд ли это корректно. Во времена «маститого русского историка» торговые поселения практически не были известны. И не на них, а на древнейших русских городах он основывал свой вывод. Но даже если предположить, как это делает Е. Н. Носов, что «вооруженный торговый город» В. О. Ключевского — это ничто иное, как поселение типа вика, то и тогда торговая теория историка не может претендовать на всеобщность. Слишком уж незначительное количество их было на огромных восточнославянских пространствах.

В заключение хотелось бы заметить, что в изучении древнерусского города как социально-экономического явления, достижения советских историков достаточно велики и вряд ли продуктивно, в угоду новомодной конъюнктуре, подвергать их тотальной ревизии.

РУСЬ И ХЕРСОНЕС

Здесь мне хотелось поговорить о месте Херсонеса в ранней истории Руси. Точнее, в истории русского православия. Тема эта не новая, она обсуждается уже не менее тысячи лет, но так до конца и не раскрыта. А между тем, целый ряд ее аспектов имеют определяющее значение для постижения сущности раннего русского христианства.

Прежде всего потому, что для русской общественной мысли Херсонес был не просто далекой византийской колонией, но и самой Византией. Более того, этот город представлялся русским и одним из важных центров вселенского христианства. В нем проповедовал слово Христово Апостол Андрей, он же стал местом паломничества святых просветителей славян Кирилла и Мефодия на их мессийном пути в Хазарию. Конечно, Владимиру Святославичу было важно, чтобы акт восприятия новой веры состоялся, во-первых, на канонической территории византийского православия, а во-вторых, в одном из его древних сакральных центров.

И вовсе не случаен был его знаменитый вопрос: «Гдѣ крещенье приемѣмъ?»¹ Владимир обратился с ним к «**болярам и старцам градъскимъ**» после того, как выслушал речь русских послов, вернувшихся из Константинополя. Время его сомнений — принимать или не принимать христианство — прошло. Теперь на порядок дня встал вопрос, где должна состояться эта акция.

Бояре и старцы градские ответили: «**Гдѣ ти любо**». Судя по последующим действиям Владимира, ему было «любо» принять крещение в самой Византии. Этим объясняется его решение выступить в поход «**на Корсунъ градъ**». Для средневековья достижение цели посредством приращения или демонстрации военной силы было обычным явлением.

¹ ПВЛ. Ч. I. С. 75.

После овладения Херсонесом Владимир шлет к византийским императорам Василию и Константину послов, с требованием выполнить данное ими обещание выдать за него свою сестру. В переговорах между сторонами чрезвычайно важными представляются два обстоятельства. Первое: Владимир подчеркивает, что он овладел византийским городом: **«Се град ваю славный взя»**¹. И второе: Владимир хорошо осознавал, что брак с царевной невозможен без предварительного восприятия им христианства.

Когда это условие поставили ему византийские соправители, оно не застало его врасплох. Царским посланникам он заявил: **«Глаголите царема тако: Яко азъ крещаюся»**². При этом разъясняет, что решение это у него возникло раньше, чем он получил царские условия. **«Яко испытахъ преже сихъ дний законъ вашъ, и есть ми любя вѣра ваша и служенье, еже бо ми сповѣдоша посланни нами мѹжи»**³.

Для императоров было важным, чтобы крещение и женитьба были последовательными событиями. **«Крестися, тогда послевѣ сестру свою к тобѣ»**⁴. Владимир настоял, чтобы крещение состоялось уже после присылки Анны в Херсонес, да к тому же и теми иерархами, которые прибудут вместе с ней: **«Да пришедъше съ сестрою вашею крестятъ мя»**⁵.

Древнерусские письменные источники по-разному свидетельствуют о том, в каком из херсонесских храмов крестился Владимир. В Лаврентьевской летописи — это церковь Святого Василия, в Ипатьевской — Святой Софьи, а в «Житии Владимира» — Святого Иоакова. Эти разночтения, которые постоянно вызывают недоумение исследователей, не имеют удовлетворительного объяснения. Не исключено, что они вызваны наложением нескольких событий, связанных с разными храмами. Крещение Владимира могло состояться в церкви Святого Иоакова, венчание его с царевной Анной — в Святой Софии, а храм, построенный Владимиром, мог быть назван в честь Святого Василия.

¹ Там же. С. 76.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

Этому предположению мешает свидетельство Ипатьевской летописи. В ней церковь, построенная «в Корсунѣ на горѣ», названа именем Святого Иоанна Предтечи. Правда, вряд ли мы имеем здесь оригинальное свидетельство. Учитывая, что в Повести временных лет эта церковь вообще не имеет названия, можно думать, что в Ипатьевской летописи оно появилось в результате позднейших редакторских реконструкций.

Со временем, вопрос о месте крещения Владимира вызвал на Руси разнотолки. Одни говорили, что это произошло в Киеве, другие называли киевский пригород Васильев, третьи — еще какое-то место. Для летописца (Никона или Нестора), как и для Русской Православной Церкви, ответ на этот вопрос имел принципиальное значение. Конечно, крещение имело место в Херсонесе. Всех, кто говорил иначе, летописец назвал «несведущими». «Се же не свѣдуще право, глаголють, яко крестилъся естъ в Киевѣ, ннии же рѣша: в Василеве; друзии же инако скажутъ»¹.

Видимо, именно этими сомнениями было вызвано то, что летописец описывает обстоятельства крещения почти с протокольными подробностями. Здесь рассказ о внезапной потере зрения и чудесном исцелении Владимира в Корсуне, описание местонахождения палат, в которых остановились царевна Анна и Владимир, уточнение, что храм, где состоялось крещение, находился «посреди града», а построенная Владимиром церковь «стоитъ и до сего днѣ». Владимира крестил «епископъ же корсунский с попы царицыны».

Второй акт священнодействий, начавшихся в Корсуне, происходил уже в Киеве. Летописец считает необходимым подчеркнуть непосредственную их связь. В Киев перемещаются не только Владимир с Анной, но и константинопольские и корсунские священники, среди которых был и Настас, тот, что помог Владимиру в овладении Корсунем². С собой они привозят из Корсуни мощи св. Климента и его ученика Фива, кроме того иконы, которыми были благословлены Владимир и Анна, а также церковные сосуды. Константинопольские

¹ Там же. С. 77.

² Дополнение к Житию св. Стефана Сурожского, как думали некоторые исследователи, дает основание предполагать, что Владимир возвращался на Русь через территории готской митрополии в Доросе и далее, через Тмутаракань. В русских источниках об этом сведений нет.

и корсунские священники произвели обряд крещения киевлян в Днепре. «**Наѣтрѣя же изиде Володимѣръ съ попы царицины и съ корсунскими на Днѣпрѣ**»¹.

Когда Владимир построил в Киеве грандиозный православный храм Святой Богородицы, больше известный как Десятинная церковь, он украсил его иконами, сосудами и крестами, привезенными из Корсуни, и приставил к нему Настаса Корсунянина и попов корсунских. «**И яко сконча зѣжа, украси ю иконами, и порѣчи ю Настасу Корсунянину, и попы корсунския пристави слѣжити в ней, вдавѣ ту все, еже бѣ възлѣ в Корсунѣ: иконы, и сосѣды, и кресты**»².

Как видим, византийский Херсонес сыграл решающую роль в восприятии Киевом и Русью христианства. В нем состоялось крещение Владимира Святославича и его венчание с византийской принцессой Анной. Из Херсонеса были вывезены в Киев мощи св. Климента³, а также иконы, сосуды и кресты, позволившие уже в самом начале русского христианства полноценно отправлять церковную службу. Летописец, в завершение рассказа о крещении Владимира в Корсуне, заметил: «**Передаша єму вѣрѣ крестьянскую**»⁴.

¹ ПВЛ. Ч. 1 С. 81.

² Там же. С. 83.

³ Как полагал украинский диаспорный историк церкви М. Чубатый, Владимир получил часть мощей святого Климента от папы Римского. Предположение это не имеет документального подтверждения. Согласно «Житию Константина», мощи святого Стефана были обреты Кириллом на острове и перенесены в город. «И затем объявились святые мощи, которые взяли с великою честью и славой, и все горожане внесли их в город» (См.: *Флоре Б. Н. Сказание о начале славянской письменности*. СПб., 2004. С. 150). Позже, главным образом, в итальянской церковной традиции, появилось утверждение, что мощи св. Климента были перенесены в Италию. Об этом говорится в одной из редакций Итальянской легенды начала XII в.

Думается, здесь мы имеем дело с римским церковным мифом. Трудно предположить, чтобы Константинополь, находившийся уже с 60-х годов IX в. в острой церковной полемике с Римом, мог осуществить такой широкий жест. Еще меньше оснований полагать, что мощи св. Климента были преподнесены Владимиру папой Римским, учитывая, что киевский князь не поддерживал с Римом никаких контактов. Все сомнения по поводу того, как оказались святые мощи в Киеве, снимает их объем. Ни Византия, ни Рим никогда бы не дали Киеву голову св. Стефана. В лучшем случае это могла быть какая-то маленькая частица мощей. Такие мощи можно было обрести только на правах победителя, что и имело место в реальной жизни.

Как полагает В. Г. Пуцко, мощи св. Климента и его ученика Фива были вывезены из Херсонеса в Киев князем Владимиром в мраморном саркофаге. См.: *Пуцко В. Мраморный саркофаг Ярослава Мудрого // Byzantino-bulgarica. Sofia., 1986. Т. 8. С. 301 и сл.*

⁴ Там же С. 77.

В последующие периоды древнерусской истории Киев и Херсонес не поддерживали прямых церковно-политических отношений, но возникшая между ними в конце X в. духовно-религиозная связь еще несколько раз напомнит о себе.

Как полагал А. А. Шахматов, древний рассказ о Корсунском походе Владимира был дополнен в последующем целым рядом подробностей. К их числу он относил свидетельство о сооружении Владимиром под городской стеной земельной присыпки, а также о постройке им церкви в Корсуне¹. Последнее сообщение снабжено уточнением «**Яже цѣркъи стоить и до сего днье**». Это дает основание утверждать, что оно принадлежит лицу, побывавшему в Корсуне в более позднее время и видевшему эту церковь. А. А. Шахматов этим лицом считал Никона Печерского, который, проживая некоторое время в Тмутаракани (с 1061 по 1067), несомненно, бывал и в Корсуне.

Не исключено, что посещение им Корсуня действительно состоялось во время первой его поездки в Тмутаракань. В «Житии Феодосия» сказано, что он и монах монастыря Святой Мины (некий болгарин) вместе пришли к морю, после чего их пути разошлись: **«Боляринъ же идьши къ Константину граду великий же Никонъ отъиде въ островъ Тьмутороканьскыи»**². Существенным в этом сообщении является свидетельство того, что Корсунь и во второй половине XI в. служил связующим звеном между Киевом и Константинополем.

Видимо, к этому времени следует отнести и знакомство Никона с историей отравления тмутараканского князя Ростислава правителем Корсуня, названного в летописи катопаном. Разумеется, об этом Никон мог узнать и в Тмутаракани, но некоторые подробности летописного рассказа больше склоняют к предположению о корсунском их происхождении. Катопан будто бы похвалился содеянным перед корсунянами, а те, узнав о смерти русского князя, побили его камнями. **«Сего же катопана повниша каменьемъ корсуньстии людье»**³.

Трудно сказать, что было побудительным мотивом благородного поступка корсунян. Просто неприятие такого злодейства, содеянного их правителем, или же симпатии к русским, питавшиеся историче-

¹ Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 428–430.

² Патерик Печерский. Изд. Киево-Печерской лавры. К., 2002. С. 145.

³ ПВЛ. Ч. 1. С. 111.

скими преданиями об их крещении в Корсуне. Думается, что последнее нельзя исключать.

Еще одно известие о киево-корсунских церковных связях содержится в слове о блаженном Евстратии-постнике. В 1096 г. он, в числе пятидесяти киевлян, был пленен половецким ханом Боняком и продан в рабство в город Корсунь некоему жидовину¹. Последний пытался отвратить Евстрагия от православной веры, но тот оставался непреклонен. И даже, будучи распят на кресте, он продолжал проповедовать слово Христово. Тогда жидовин взял копье и пронзил им киевского монаха. После этого произошло чудо. Корсунский епарх, за попустительство неверным в области Греческого царства, получил смертное возмездие, а окаянный жидовин, убивший Евстрагия, принял крещение.

Сложно сказать, сколь безупречной является документальная основа данного рассказа. Но для нашей темы это и не столь существенно. Важно, что предание духовно объединило Киев и Корсунь. Глубинный его смысл, возможно, заключается в том, что просвещенный оказался более крепок в православной вере, чем просветитель. И не случайно местом мученического подвига за веру Христову киевского монаха Евстрагия был избран Корсунь.

В заключение несколько слов о событии русской истории середины XII в., которое также воскрешает память о ранних церковных связях Киева и Херсонеса. Речь идет о русском церковном Соборе 1147 г., состоявшемся в Софии Киевской. Собор был необычным, собранным во время длительного отсутствия в Киеве митрополита-грека. На нем стоял вопрос об избрании на вакантное место русского священника из небольшого днепровского городка Заруба Клим Смолятича. Каноничность такого поставления вызвала сомнение у епископов Новгородского Нифонта и Смоленского Мануила, поскольку на него не было патриаршего благословения. В свою очередь епископ Черниговский Онуфрий, который, по-видимому, был викарием Киевского митрополита, заявил, что законность поставления Клим обеспечивает им «глава святого Климента». Как греки ставят патриархов рукою святого Иоанна, так и русские вправе поставить Киевского митрополита

¹ Патерик Киевского Печерского монастыря. СПб., 1911. С. 78–79.

главою св. Климента¹. «Азъ свѣде, достонть ны поставити, а глава у насъ есть святаго Климента, яко же ставять Грѣци рѹкою святаго Ивана»². «И тако сгадавше епископи — подытоживает свой рассказ летописец, — главою святаго Климента поставиша (его) митрополитомъ»³.

Так, мощи св. Климента, обретенные в Херсонесе Владимиром Святославичем в конце X в., оказали услугу Русской Православной Церкви и в середине XII в.

¹ Мощи третьего папы Римского Климения, были одной из святынь Русской Православной Церкви. Они хранились в Десятинной церкви, в одном из ее пределов, который получил название Святого Климента.

² ПСРЛ. Т. 2. Ипатьевская летопись. Стб. 341.

³ Там же.

ДОГОВОРЫ РУСИ И ВИЗАНТИИ

Известно, чем сложнее объяснение какого-либо исторического явления, тем меньше оно соответствует действительности. Не-что похожее произошло в отечественной историографии с русско-византийскими договорами, точнее с определением времени появления их славянских текстов и включения в летопись.

Несмотря на то, что летописные сообщения как будто не оставляют сомнений в изначальном составлении договоров на двух языках, такие сомнения были высказаны. Над исследователями, судя по всему, довлело то обстоятельство, что договоры 911, 944 и 971 гг. относятся к предполагаемому дописьменному периоду нашей истории, а поэтому составление их славянских текстов в столь раннее время казалось маловероятным. Лишь немногие считали возможным утверждать, что греческие и славянские тексты практически одновременны.

Одним из первых к такому выводу пришел уже в середине XIX в. выдающийся филолог И. И. Срезневский. Согласно ему, славянские тексты договоров были сделаны с греческих подлинников тогда же, в X в.¹ В начале XX в. мысль о русских оригиналах договоров Руси с Византией высказал А. В. Лонгинов². Позже этот вывод разделил С. П. Обнорский. Обратив внимание на языковые особенности договоров, он предположил, что появление переводных славянских текстов должно было приблизительно совпадать со временем фактического ведения переговоров и заключения соответствующих дипло-

¹ Срезневский И. И., Беляев И. Д. О договорах Олега с греками. 1. Записка И. И. Срезневского. 2. Извлечения из записки И. Д. Беляева // Известия Императорской Академии наук по отделению русского языка в словесности. Т. 1. СПб., 1852.

² Лонгинов А. В. Мирные договоры русских с греками, заключенные в X в.: Историко-юридическое исследование. Одесса., 1904. С. 1, 25–36, 77–78.

матических актов¹. Поддержал этот вывод также Д. С. Лихачев, согласившийся с наблюдениями С. П. Обнорского относительно разного присутствия болгаризмов в языке договоров 911 и 944 гг.² По мнению Б. А. Ларина, также разделявшего предположение о практической одновременности оригинальных греческих и переводных славянских текстов, язык переводов был особым деловым русским языком X в., хотя и с заметным влиянием старославянского³.

В. М. Истрин считал, что обе хартии, о которых говорит летопись, могли быть греческими, а русский князь, русская дружина и русские послы пользовались одной из них посредством устного перевода⁴. В наше время такого мнения придерживается Т. В. Рождественская, согласно которой, синхронный перевод документа мог быть осуществлен в устной форме⁵. Отвечая на вопрос о времени письменных переводов, В. М. Истрин не считал возможным разделить мнение об их позднем происхождении. «Я отнес бы их появление, — писал он, — к концу первой половины XI в. и приписал бы их тому же переводческому кружку русских книжников, который образовался вокруг Ярослава»⁶. С этим выводом полностью солидаризовался М. Б. Свердлов⁷. А. Н. Сахаров последовательно отстаивал вывод, согласно которому договоры изначально составлялись в двух аутентичных экземплярах на греческом и русском языках⁸.

Я. Малингуди относит письменные переводы ко времени после 971 г., но до 1116 г., хотя и полагает, что их греческие списки были сделаны в 988–989 гг. в связи с заключением русско-византийского династического

¹ Обнорский С. П. Язык договоров русских с греками // Язык и мышление. Вып. 6–7. М.; Л., 1936. С. 97–103.

² Лихачев Д. С. Повесть временных лет. Изд. 2-е, исправ. и дополн. СПб., 1996. С. 339–340, 425.

³ Ларин Б. А. Лекции по истории русского литературного языка (X — середина XIII в.). М., 1975. С. 31–32.

⁴ Истрин В. М. Договоры русских с греками X века // ИОРЯС. 1924. Л., 1925. Т. 29. С. 387–393.

⁵ Рождественская Т. В. К вопросу о лингвистическом изучении договоров Руси с греками X в. // Сб. «А се его серебро». К., 2002. С. 36.

⁶ Истрин В. М. Указ. соч. С. 391.

⁷ Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 147.

⁸ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси (IX — первая половина X в.). М., 1980.

союза¹. По мнению С. М. Каштанова, переводы русско-византийских договоров были сделаны в Киеве только после того, как на Русь был принесен константинопольский копийный сборник, составленный митрополитом Никифором I, т. е. не ранее 1104 г.² Из сказанного следует, что до этого времени на Руси текстов договоров и вовсе не было.

Как видим, что ни исследователь, то новая точка зрения. Причем большинство их уходит от простых и естественных решений. Ведь если видеть в договорах действительно юридические межгосударственные акты, а не императорские грамоты, тогда их составление непременно должно было быть сотворчеством русских и греческих дипломатов. В договоры вносились те статьи, которые предлагались обеими сторонами, причем не в виде экспромтных предложений, а продуманных заранее и несомненно письменных формулировок. Это со всей очевидностью следует из текста договора 971 г. По существу, перед нами обязательства Руси перед Византией. Они представлены в виде речи Святослава. **«Царь же радъ бысть и повелѣ писцю писати вся рѣчи Святославля на харатыю. Нача глаголати солъ вся рѣчи, и нача писецъ писати»**³.

Здесь скорее может возникнуть вопрос, как появился греческий текст, а не славянский. Посол знал греческий язык и диктовал на нем клятву Святослава или писец Цимисхия знал славянский язык и синхронно записывал ее на греческий? В любом случае, наличие славянского текста не должно вызывать сомнения. Возможно, поэтому в конце клятвы и говорится лишь об одной хартии: **«И написахомъ на хартъи сѣи и своими печатьми запечатахомъ»**⁴. В данном случае византийскую сторону интересовал только греческий текст, скрепленный печатями. Как полагает А. Н. Сахаров, в летопись был включен русский оригинал договора или его рабочая копия⁵.

¹ Малингуди Я. Русско-византийские договоры в X веке с точки зрения дипломатики // Византийский временник. 56 (81). М., 1995. С. 68; 57 (82). М., 1997. С. 85–87.

² Каштанов С. М. К вопросу о происхождении текста русско-византийских договоров X в. в составе Повести временных лет // Восточная Европа в древности и средневековье: Сб. М., 1996. С. 42.

³ ПВЛ. СПб., 1996. С. 34.

⁴ Там же. С. 35.

⁵ Сахаров А. Н. Дипломатия Древней Руси: IX — первая половина X в. М., 1980. С. 84–180; Дипломатия Святослава. М. 1982. С. 183–203.

Договоры 907 (911) и 944 гг. более объемны и сложны по содержанию. Первый, разнесенный летописцем под 907 и 911 гг., действительно производит впечатление единого цельного документа. Думается, только исследователи несправедливо обвинили летописца в намеренной фальсификации: договор был один и только 911 г., а он сделал из него два, переместив часть текста в статью 907 г. Если признавать поход Олега на Константинополь в 907 г. реальностью, тогда невозможно представить, чтобы его победное завершение для Руси не увенчалось соответствующим мирным договором. Он мог быть предварительным, а большей стороны, видимо, обязались заключить позже¹.

В пользу такого предположения свидетельствуют начальные фразы в обеих статьях о посылке русских послов к византийским императорам. 907 г.: **«Оле҃гъ же, мало отступивъ от града, нача миръ творити со царьма грецкими, со Леономъ и Александромъ»**². 911 г.: **«Посла мѹжи свои Оле҃гъ построи ти мира и положи ти ряд межи Рѹсью и Греки»**. А дальше в зачине самого договора записано: **«Равно дру҃гаго свещания»**³, вышедшего при тѣх же царьхъ Льва и Александра»⁴. Слова — «при тѣх же царѣхъ» — указывают на вторую встречу с ними русских послов.

А. А. Шахматов и Д. С. Лихачев полагали, что эту фразу сочинил Нестор. Его творчество выдает здесь будто бы отсутствие имени третьего императора — Константина Багрянородного, венчанного на царство 9 июня 911 г. Летописец, как думал А. А. Шахматов, согласовывал имена императоров с придуманным им же «первым совещанием» 907 г., где фигурируют имена двух императоров. Думается, это слишком сложное объяснение. Если бы летописец действительно был столь изощренным мистификатором, он несомненно назвал бы в первой фразе договора 911 г. троих императоров. Знал же он, что в 907 г. в Византии правили только два императора.

Видимо, у нас нет достаточных оснований отрицать наличие «первого свещания». Было ли оно в 907 г., как утверждает летописец, или позже, не суть важно. Оно должно было иметь место тогда, когда

¹ М. Б. Свердлов придерживается высказанной в литературе мысли, что соглашение было в устной форме. См.: Свердлов М. Б. Домонгольская Русь. СПб., 2003. С. 135.

² ПВЛ. С. 17.

³ «Свещание» здесь соответствует соглашению или договору.

⁴ ПВЛ. С. 18.

дружина Олега стояла у стен Константинополя. Естественно предположить, что Олег не ушел в Русь без того, чтобы не удовлетворить своих требований к грекам на правах победителя. **«И заповѣда Олег дати во ем на 2000 корабль по 12 гривен на ключь, и потом даяти уклады на русскыя грады: первое на Киевъ, та же на Чернигов, на Переяславль, на Полотѣскъ, на Ростов, на Любеч и на прочаа города»**¹. Греки приняли эти условия. Не исключено, что они были зафиксированы в письменном документе.

Близкая ситуация сложилась и во времена Игоря. Потерпев поражение в походе на греков в 941 г., он предпринял в 943 г. новый. Корсунцы и болгары предупредили Романа I о надвигающейся опасности и тот выслал навстречу Игорю послов с просьбой не продолжать поход. За исполнение этой просьбы он пообещал выплатить Руси дань, которую греки давали Олегу, и еще немного больше: **«Придамъ и еще к тои дани»**. Игорь, посоветовавшись с дружиной, принял предложение Романа. Получив от греков **«злато и паволоки на все воя»**, русские вернулись в Киев. Можно думать, что и в этом случае стороны условились заключить полный мирный договор позже, что и было осуществлено в 944 г.

Содержание договоров 911 и 944 гг. не оставляет сомнения в том, что их заключению предшествовала длительная работа по согласованию взаимных обязательств сторон. Вероятно, еще до начала переговоров каждая имела свои текстовые предложения, которые затем обсуждались во время посольских встреч. В пользу такого предположения говорят, в частности, ссылки в тексте договора на «закон русский». Сложный состав летописных договоров отмечал в свое время и Б. А. Ларин, полагавший, что они состояли как из переводов статей с греческого языка, так и записей речей русских послов².

В целом, создается впечатление, что основным автором договора 911 г. была русская сторона, на правах победителя, а договор 944 г. был продиктован Византией. «Ветхий мир» был подтвержден, но в значительно похудевшем виде, к тому же с существенными дополнительными обязательствами Руси.

Трудно сказать, насколько при таком характере составления подобных дипломатических документов корректно говорить о получении

¹ ПВЛ. С. 17.

² Ларин Б. А. Лекции... Указ. соч. С. 35–52.

славянского текста исключительно в результате перевода с греческого оригинала. Скорее всего, предполагалось изначальное составление договора на двух языках. В этом был интерес обеих сторон. Договоры ведь заключались не для того, чтобы затем лечь в архив княжеской канцелярии или в казну, по выражению М. Д. Приселкова и Д. С. Лихачева. Для этого действительно сгодился бы и греческий текст. Эти документы нужны были для руководства ими в постоянном общении русских с греками. Отправляясь по дипломатическим или торговым делам в Константинополь, русские послы и купцы не только получали княжеские печати и грамоты, но знакомились также и с действующим в данный момент договором между Русью и Византией.

Совершенно не реалистично предполагать, чтобы все знакомство русских с тем или иным договором ограничивалось лишь синхронным устным переводом. Усвоить на слух его многочисленные статьи совершенно невозможно. А каково было тем русичам, которые не слышали этого самого синхронного перевода и прибывали в столицу империи через 10 или 20 лет после заключения договора? Но если даже и предположить такой способ первичного знакомства русских с договорами, тогда необходимо озаботиться ответом на резонный вопрос. Почему устный перевод сделать было возможно, а записать его нет?

При ответе на вопрос о времени появления славянских текстов русско-византийских договоров исследователи не обратили должного внимания на то обстоятельство, что по условиям договора 944 г. личности русских купцов или послов должны были удостоверяться княжескими грамотами. **«Ныне же увѣдѣль есть князь Вашъ посылати грамоты ко царствѹ нашему»**¹. Грамоты-удостоверения составлялись от имени киевского князя и являлись официальным документом для имперских властей. Прибывающие без княжеских грамот русичи подвергались предварительному заключению, о чем извещался русский князь. **«Аще ли безъ грамоты придѹтъ, и преданы бѹдѹтъ намъ, да держимъ и хранимъ, донде же възвѣстимъ князю вашему»**².

В летописи не сказано на каком языке составлялись эти княжеские грамоты. Если учесть, что византийские императоры свои послания

¹ ПВЛ. С. 24.

² Там же.

русским князьям составляли на греческом языке, можно предположить, что русские князья в свою очередь оформляли грамоты на славянском. Оснований для этого значительно больше, чем для утверждения о том, что в княжеской канцелярии первой половины X в. уже работали чиновники, владевшие греческим языком.

Думается, нет необходимости строить различные догадки о том, когда тексты договоров оказались в Киеве. Конечно, тогда же, когда в столицу Руси возвращалось русское посольство, участвовавшее в переговорах о заключении мира. Об этом достаточно ясно свидетельствует уже текст договора 911 г. «**Миръ створихомъ Ивановымъ¹ написаниемъ на двою харатью, царя вашего и своею рүкою**». А ниже говорится, что документ был передан «**нашимъ посламъ**»².

Еще более конкретно об этом говорится в договоре 944 г. «**Мы же свещание се написахомъ на двою харатью, и єдина харатья єсть у царства нашего. На ней єсть крестъ и имена наша написана, а на дрүгой послы ваша и гостье ваша**»³. Уточнение, что «**єдина харатья єсть у царства нашего**» совершенно определенно указывает на то, что вторая хартия предназначалась для царства вашего, т. е. для Руси. Обозначена здесь и процедура направления этой хартии к киевскому князю, а также последующий ритуал клятвы верности на ней договору в Киеве. «**А отходяче посломъ царства нашего да проваждать къ великомү князю русскому Игореви и к людемъ его; и ти принимающе харатью, на ротү идүть хранили истину**»⁴.

В летописи определенно сказано, что русские послы вернулись в Киев вместе с послами греческими, которые должны были присутствовать на клятве верности договору — «**харатьи**» Игорем и его окружением. «**Твои си водили сүть царѣ наши ротѣ, и насъ послаша ротѣ водитѣ тебе и мѹжь твоихъ**»⁵.

Более трудным представляется вопрос о времени включения текстов договоров в летопись. В источниках на этот счет нет никаких

¹ Как думал Д. С. Лихачев, здесь, по-видимому, имеется в виду писец Иван, может быть переводчик. См.: ПВЛ. С. 425.

² Слово «нашим» здесь равнозначно слову «русским». Летопись не говорит, что после заключения договора 911 г. в Киев посылались императорские послы.

³ ПВЛ. С. 26.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

свидетельств. Исследователям приходится отвечать на него, что называется, по методу предпочтения. Практически все они солидарны с выводом А. А. Шахматова, полагавшего, что русско-византийские договоры были внесены в летопись только во время составления Нестором Повести временных лет или ее последующих редакций. Аргумент простой и, на первый взгляд, совершенно убедительный. Повести временных лет, как считал А. А. Шахматов, предшествовал Новгородский летописный свод 1050 г., а поскольку в нем тексты договоров отсутствуют, следовательно, более позднее их введение в киевскую летопись не вызывает сомнения.

Конечно, если бы этот предполагаемый свод был сугубо новгородским явлением, таким наблюдением можно было бы и пренебречь. Мало ли каких источников не оказалось в руках первых новгородских летописцев. Но в том-то и дело, что, как думали А. А. Шахматов, Б. А. Рыбаков и другие, Новгородский свод 1050 г. базируется на ранней киевской летописи и логично предположить, что если бы в ней уже были договоры, они непременно были бы и в нем. В дальнейшем многие исследователи определяли объем раннего киевского летописного фонда, полагаясь на своды А. А. Шахматова «Древнейший» (1039) и «Начальный» (1093), будто они являлись не авторской реконструкцией, к тому же не бесспорной, но археографической реальностью.

М. Н. Тихомиров, выразивший сомнение в существовании Новгородского свода 1050 г., мотивировал его тем, что Повесть временных лет содержит не все новгородские известия XI в., но лишь ничтожное их количество¹. Не был согласен с существованием раннего новгородского летописного свода и Д. С. Лихачев. Согласно ему, источниками новгородских известий в Повести временных лет были не письменные, но устные рассказы Вышаты и его сына Яна².

Б. А. Рыбаков решительно поддержал и развил вывод А. А. Шахматова о существовании раннего новгородского свода, назвав его «Остромировой летописью». Окончательная компановка этой летописи, согласно ему, производилась в 1054–1060 гг., а ее изложение доведено до смерти Ярослава. Что касается утверждения М. Н. Тихо-

¹ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в. Т. 1. М., 1940. С. 55.

² Лихачев Д. С. «Устные летописи» в составе Повести временных лет // Исторические записки. 1945. № 17.

мирова о неполном использовании автором Повести временных лет данного свода, то оно, по мнению Б. А. Рыбакова, никак не может быть аргументом против существования свода 1050 г. в Новгороде. Киевский летописец, как считал Б. А. Рыбаков, мог вполне обдуманно «забыть» некоторые новгородские события¹.

Конечно мог. Странно только, что Б. А. Рыбакову, как и другим исследователям, не приходила аналогичная мысль по отношению к новгородскому летописцу. Ведь он тоже мог «обдуманно забыть» некоторые киевские события. И причина для этого у него была серьезная. Как известно, в XI в. на Руси соперничали между собой две концепции ее начальной истории. Согласно первой — центром Руси и собирателем всех восточнославянских земель в единое государство был Киев, по другой — первенство в этом процессе отводилось Новгороду. Именно такой тенденцией отличается Новгородская первая летопись.

Но ведь весь объем киевских письменных свидетельств IX–X вв., в том числе и договоры Руси с Византией, неоспоримо указывали на старшинство Киева. Новгородские книжники, разумеется, знали это, однако местный патриотизм подвигал их на отстаивание идеи новгородоцентризма. В киевскую летопись, как считал А. А. Шахматов, они вставили легенду о призвании варяжских князей, а имя Киев в ряде мест заменили именем Новгорода². Им принадлежит также утверждение, что основатель Киева Кий был не князем, но простым лодочником-перевозчиком через Днепр, и жил не в отдаленные времена, а в IX в. В Киев первые князья пришли из Новгорода.

Учитывая подобную тенденцию новгородских летописцев, вряд ли следует удивляться, если бы оказалось, что они воспользовались киевскими летописными источниками по своему усмотрению. В данном случае для нас особый интерес представляют русско-византийские договоры. Знали ли о них новгородцы и в какой мере отсутствие их текстов в Новгородской первой летописи, на каком бы киевском своде она не базировалась, может быть основанием для утверждения, что они были включены в летопись только на этапе составления и редакции Повести временных лет.

¹ Рыбаков Б. А. Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 194–198.

² Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 297–298.

А. Г. Кузьмин полагал, что договоры Руси с Византией были внесены в Киевскую летопись еще позже, в 20-е годы XII в., так как Новгородская первая летопись, использовавшая киевскую до 1115 г., их не знает¹.

Знакомство с известиями Новгородской первой летописи о походах князей Олега и Игоря на Византию приводит к мысли, что для новгородского летописца эти сведения не представляли большого интереса. И вряд ли они буквально списаны с киевской летописи. В Киеве могли не знать точной хронологии походов, но то, что Олег княжил раньше Игоря и что именно он расправился над Аскольдом и Диром, здесь конечно знали. В равной мере это относится и к последовательности походов на греков. Не случайно, А. А. Шахматов в своей реконструкции Новгородского летописного свода 1050 г. исправляет Новгородскую первую летопись: сначала помещает рассказ о княжении в Киеве Олега и его походе на Царьград, а уже затем о княжении Игоря. Правда, неизвестно на каком основании он полагает, что в Древнейшем киевском своде (1039), которым пользовался новгородский летописец, известий о походе Игоря на греков вообще не было².

Видимо, при анализе ситуации с первыми походами русских князей на Царьград необходимо основываться не на реконструктивных авторских сводах, а на исторических летописях, в данном случае на НПЛ. За непоследовательностью и сбивчивостью ее рассказов о походах Игоря и Олега можно обнаружить характерную деталь: новгородский летописец не списывал киевский оригинал, а создавал свой рассказ.

Особенно это относится к походу Олега. Он изложен достаточно подробно, почти так же, как в Повести временных лет, но без учета текста договора. В нем содержится фраза, которая явно извлечена из текста договора. **«И заповѣда Олегъ дань дати на 100 корабль, по 12 гривнѣ на человѣкъ, а въ кораблѣ по сороку мѹжь»**³. Разумеется, это извлечение мог сделать уже киевский летописец конца X в., но если это так, тогда приходится сомневаться в истинности

¹ Кузьмин А. Г. Облик современного норманнизма // Сб. Русского исторического общества № 8 (156). М., 2003. С. 241.

² Шахматов А. А. Разыскания... Указ. соч. С. 543–544, 612–613.

³ НПЛ. М.; Л., 1950. С. 108.

утверждения А. А. Шахматова и других исследователей, что русско-византийские договоры стали известны летописцам только во времена Нестора.

Д. С. Лихачев, не согласившийся с выводами А. А. Шахматова о существовании Древнейшего киевского свода, также аргументировал позднее включение русско-византийских договоров в летопись тем, что их нет в Новгородской первой летописи, где отразился Начальный киевский свод¹. Комментируя летописную статью 971 г., рассказывающую о походе на греков Святослава, Д. С. Лихачев высказал мысль, что первоначально в летописи содержалось лишь повествование о его военной кампании, а сообщение о заключении мира и текст договора были внесены в нее составителем Повести временных лет².

Безоговорочно принять этот вывод невозможно. Мешают этому два обстоятельства. Во-первых, вся статья 971 г. до слов — «**Равно и другого свѣщания**» — производит впечатление тематически и стилистически единого повествования, а во-вторых, трудно предположить, чтобы летописец не знал (или утаил) факт заключения мира с греками. Вряд ли продуктивно также считать, что договор Святослава с Цимисхием хранился в княжеском архиве вместе с рассказом о ходе переговоров. Отчего тогда не вместе с повествованием о военном походе?

Совершенно очевидно, что Новгородская первая летопись не может быть источником для определения времени включения русско-византийских договоров в киевскую летопись. Она не является копией ранних киевских сводов, в лучшем случае заимствованием из них некоторых сведений. Скорее всего, это оригинальное историческое произведение новгородских летописцев. Фактически, это признавал и сам А. А. Шахматов. Согласно ему, новгородский составитель свода XI в. сокращал свой киевский оригинал, начиная с княжения Ярослава. В другом месте он распространил этот вывод и на более ранние тексты. Летописец не воспользовался в своем рассказе киевским сообщением о походе Владимира на греков, а также сократил известия о походе Олега на греков³. Вывод Шахматова о том, что составитель

¹ ПВЛ. С. 425.

² ПВЛ. Ч. 2 / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева. С. 318.

³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 229–230, 336, 494.

Новгородского свода 1050 г. «действовал не как компилятор, а как исследователь исторических данных и собиратель народных преданий», вообще лишает оснований вывод об адекватном отражении раннего киевского летописания в новгородском своде.

Видимо, действительно причина «забычивости» новгородских летописцев по отношению к некоторым важнейшим событиям ранней киевской истории кроется в их «творческом» восприятии фактов. В XII–XIII вв. они безусловно знали Повесть временных лет, но тексты русско-византийских договоров в Новгородской первой летописи так и не появились. Для них они не были интересны, поскольку ничего не добавляли к новгородской истории. К тому же, Новгород ни в одном из договоров не назван в числе городов, на которые греки обязывались давать «*ѹклады*» или «*мѣсячное*».

После всего сказанного, мысль о том, что эти договоры были отражены уже в Киевском своде 996 г. не должна казаться слишком еретической. Более подходящего времени для этого во всей древнерусской истории не найти. Русь только недавно стала христианской страной и вошла в византийское содружество народов. В связи с этим несомненно появилась необходимость осмыслить и как бы обобщить исторические события, приведшие молодое восточнославянское государство к такому впечатляющему финалу. Страной, от которой Русь получила новую веру, была Византия, и наверное в конце X в. русское общественное мнение не имело более важной темы для обсуждения, чем русско-византийские отношения.

Летописный свод составлялся по заказу и под присмотром Владимира Святославича и, видимо, он предоставил в распоряжение летописца княжеский архив. Предположить, что это случилось именно теперь, когда летопись пишется чуть ли не на великокняжеском дворе, значительно больше оснований, чем утверждать, что тексты русско-византийских договоров были выданы в конце XI — начале XII в. скромному монаху Печерского монастыря Нестору из княжеской казны¹. Во-первых, трудно предположить, что после бурных событий междоусобной войны сыновей Владимира, когда Киев переходил из рук в руки, к тому же еще и пострадавший от пожара, а также разграбления этой самой казны в 1068 г., в ней мог сохраниться

¹ ПВЛ. С. 339.

княжеский архив. А во-вторых, даже если он и сохранился, откуда Нестору было знать, что в нем находятся русско-византийские договора. Если о них не вспомнили его более ранние коллеги, какие у нас основания утверждать, что это пришло в голову Нестору.

Против этого может свидетельствовать и то обстоятельство, что среди приобретений Нестора не оказалось договора, заключенного между Русью и Византией после военного похода на Константинополь Владимира Ярославича. Поход закончился поражением русских, многие из них попали в плен к византийцам. Но как и после предыдущих походов, за ним последовал мир: «По трѣхъ же лѣтѣхъ мирѹ бывшю»¹. Одним из его условий, видимо, было возвращение в Русь пленников во главе с воеводой Вышатою, но это и все, что летописец сообщил нам об этом мире.

Какой из этого следует вывод? Нестора, как и его современников, далекие события русско-византийских отношений волновали меньше, чем его коллег конца X в. или же княжеская казна не сохранила до его времени тексты этого договора? Если верно второе предположение, тогда придется согласиться с тем, что договоры X в. были внесены в летопись задолго до Нестора.

Дополнительным аргументом в пользу того, что это могло произойти уже в конце X в., является то, что в Киеве после принятия христианства оказалась значительная греческая община. Это прежде всего византийская принцесса Анна, ее многочисленное окружение, митрополит и его клир, корсунские попы, среди которых и Анастас Корсунянин, будущий настоятель Десятинной церкви и, возможно, один из составителей летописного свода 996 г. Столь мощный приток на Русь греческих интеллектуалов безусловно не мог не оказать влияния на создание исторического труда, в котором тема русско-византийских отношений должна быть представлена во всей возможной полноте.

¹ ПВЛ. С. 67.

ДУНАЙСКИЕ ПОХОДЫ СВЯТОСЛАВА

Наиболее полный источниковедческий анализ летописных известий о походах Святослава на Дунай выполнен А. А. Шахматовым. Главный его вывод сводится к тому, что в киевскую летопись эти сведения попали на этапе создания Древнейшего свода 1037–1039 гг., а в их основе был «книжный источник, рассказывающий о Святославе с точки зрения болгарина или грека». По мере изложения своих мыслей, А. А. Шахматов все больше утверждался в убеждении, что о походах Святослава на Дунай «составитель Древнейшего свода знал из болгарской хроники»¹. К концу исследования о «точке зрения грека» он уже не упоминал.

В последующем, учитывая большой летописеведческий авторитет А. А. Шахматова в области исследования русских летописей, высказанные им выводы, обрели хрестоматийную непреложность и до наших дней остаются, по существу, определяющими по этой теме.

Замечание Д. С. Лихачева о том, что для такого предложения слишком недостаточно оснований, высказанное им в комментариях к изданному в 1950 г. тексту и переводу Повести временных лет, не получило в летописеведческих исследованиях своего развития².

Между тем, А. А. Шахматов действительно предложил не строгое научное исследование этого вопроса, базирующееся на источниках, а достаточно вольные авторские размышления. К тому же определенно тенденциозные, основывающиеся на том, что о подвигах Святослава на Дунае на Руси не было никаких более ранних записей и преданий.

¹ А. А. Шахматов А. А. Указ. соч. С. 122–132.

² ПВЛ. Ч. 2 / Ст. и коммент. Д. С. Лихачева. С. 312.

«Не колеблясь, — писал А. А. Шахматов, — отнес бы я эти сообщения о подвигах Святослава, о разбитии им впятеро сильнейшего греческого войска, о богатой дани, взятой с греков, насчет русской исторической песни, русского предания, если бы мне удалось убедиться в существовании такой песни, такого предания»¹.

Цитированная фраза с точки зрения строгого источниковедения не может вызвать возражения. Конечно, в существовании источника надо бы убедиться. Странно однако, что такую щепетильность А. А. Шахматов проявил только к возможному русскому источнику. К предполагаемому болгарскому он отнесся совсем по-другому. Утверждение о «болгарской» хронике никак не сопряжено у него с личным убеждением в ее наличии². И это при том, что болгарская историческая письменность вообще не знала такого жанра, как хроники, в то время как русские исторические песни или предания несомненно были.

Удивительно, что, отрицая наличие на Руси какой бы то ни было памяти о византийских походах Святослава, А. А. Шахматов полагал: события более ранние были зафиксированы и письменно, и устно. Речь идет о повести об Ольге, в которой сообщалось о ее кончине в 6477 г., а также устном предании об осаде Киева печенегами во время отсутствия на Руси Святослава³.

Уместно здесь отметить и еще одно противоречие в построениях А. А. Шахматова. Сводится оно к тому, что в рассказе о походах Святослава на Дунай все-таки содержатся и свидетельства, основанные на русских источниках. К таким исследователь относил фразу византийского императора о дани, которую он предлагал в обмен на мир. «И посла царь, глаголя сице: “не ходи къ граду, возми дань, еже хощеши”; замало мѣ бо бѣ не дошелъ Царяграда»⁴.

Как полагал А. А. Шахматов, она была внесена в летопись на этапе составления Начального свода, который «охотно дополнял свой рас-

¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 131.

² Примечательно, что в своем исследовании А. А. Шахматов озабочился не тем, как обосновать предположение о наличии «болгарской» хроники, а тем, кто «воспользовался ею: составитель Начального свода или еще составитель Древнейшего летописного свода?» (Шахматов А. А. Разыскания... С. 124.)

³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 125.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. М.; Л., 1950. С. 1.

сказ из народных преданий и песен». Правда, памятуя о сказанном ранее, он предположил, что предание это, быть может, вспоминало не Святослава, а старшего князя (Олега)¹. Но это сомнение не столько подкрепляет аргументы А. А. Шахматова, сколько ослабляет их. Ведь если в конце XI в. на Руси сохранялась память о событиях начала X в., то на каком основании мы можем утверждать, что в 30-е годы XI в. такая память напрочь отсутствовала о событиях конца X в.?

Прежде чем перейти к анализу конкретных летописных известий о походах Святослава на Дунай, остановимся коротко на вопросе о времени включения их в летопись. А. А. Шахматов полагал, что основной объем информации об этих событиях был записан составителем Древнейшего летописного свода, отдельные вставки сделал сводчик, работавший над Начальным сводом (1093)². Автор этих строк, исследуя договор Святослава с Иоанном Цимисхием, предположил, что он, как и более ранние договоры Руси с греками, скорее всего, был внесен в летопись уже в конце X в., когда создавался летописный свод 996 г. при Десятинной церкви. Тогда же появились в летописи и рассказы о дунайских походах Святослава³.

Этому предположению как будто противоречит вывод Д. С. Лихачева о вставном характере повествования о заключении Святославом мира с греками и самого текста договора⁴. Они помещены между сообщением о решении Святослава идти в Русь за пополнением своего войска: «**Пондѹ в Рѹсь, приведеѹ боле дружины**» и исполнением этого решения: «**Понде в лодьяхъ къ порогомъ**». Но, во-первых, текстовая вставка, даже если признать ее таковой, не указывает на время ее появления, а во-вторых, летописная статья 971 г. не дает для такого вывода сколько-нибудь убедительных оснований.

Потерпев поражение и опасаясь потерять остатки своей дружины — «**како прельстивше изъвьють дружинѹ мою и мене**», — Святослав принимает решение вернуться в Русь. Но исполнить его, находясь во вражеском окружении, он не мог без заключения мира с греками. Следовательно, вторым его логическим шагом была посыл-

¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 31.

² Там же.

³ Толочко П. П. Русские летописи и летописцы X–XIII вв. СПб., 2003. С. 20.

⁴ ПВЛ. Ч. 2. С. 318.

ка к Цимисхию послов с предложением мира. Если бы повествования об этом не было в летописи, равно как и текста заключенного договора, было бы непонятно, как стало возможным возвращение в Русь Святослава и его дружины. В этом отношении рассказ Новгородской первой летописи, в котором отсутствуют эти тексты, следует рассматривать не как первичный, дополненный впоследствии составителем Повести временных лет, а как сокращенный вариант полного киевского повествования¹.

По существу, никакого разрыва фразы в Повести временных лет нет. Повествование о решении Святослава заключить мир логично продолжает предыдущий текст. На совете с дружиною он обосновывает необходимость примирения с греками тем, что «мало насъ есть», а «Рүсска земля далече». При этом, как и до фразы — «Пондү в Рүсь», — сообщается о присылке от царя богатых даров — «больша первых». Присутствует здесь и мысль о возможном новом приходе на Дунай. «Аще ли почнетъ (царь. — П. Т.) не управлять дани, да изнова из Рүси, совокупивше вон множайша пондемъ Царюгороду»². Логичным продолжением предполагаемой вставки является и начало сообщения о возвращении Святослава в Русь. «Створив же миръ Святославъ съ греки, понде в лодьяхъ к порогомъ»³. Без «мира» сделать этого он не мог.

Сказанное выше дает больше оснований видеть в летописной статье 971 г. цельный рассказ о втором дунайском походе Святослава, к тому же составленный вскоре после происшедших событий. Если это предположение верно, то необходимость поиска иностранных первоисточников летописных известий вообще отпадает. В это время еще были живы многие из участников походов, не исключено, что и те «лѣпшиѣ мѹжи», которые поведали Иоанну Цимисхию «вся рѣчи Святославаля». Сведения о его деяниях на Балканах можно было получить, что называется, из первых уст.

Но даже если летописная фиксация этих событий произошла и на этапе составления Древнейшего свода, это все равно не так далеко от времен Святослава, чтобы на Руси совершенно изгладилась память о

¹ Поздние летописцы нередко прибегали к сокращениям более древних свидетельств, как заметил псковский книжник, писали «от многа мало».

² ПВЛ. СПб., 1996. С. 34.

³ Там же. С. 35.

его дунайских походах и сведения о них необходимо было бы разыскивать в иноземных источниках. Составитель Древнейшего свода вполне мог еще застать в живых участников или свидетелей этих походов и общаться с ними. Ведь известно, что автор Повести временных лет пользовался информацией девяностолетнего Яна Вышатича, которую и занес на страницы летописи¹.

Итак, что же конкретно в летописном тексте показалось А. А. Шахматову сомнительным с точки зрения русского происхождения его источников? Прежде всего имеющиеся в нем подробности, которых будто бы не могла удержать русская историческая песня или предание. Среди них упоминание о двух походах Святослава на Болгарию, а также о покорении им 80 городов по Дунаю. Эти сведения, согласно А. А. Шахматову, необходимо признать свидетельством лица, знакомого с Болгарией и Дунаем и знавшего, что по Дунаю насчитывается 80 городов². Не исключено, что здесь мы действительно имеем дело с каким-то письменным источником, повлиявшим на русскую летопись, но почему обязательно болгарским? О 80 городах, воздвигнутых на Дунае Юстинианом, писал Прокопий Кесарийский, несомненно знали о них и на Руси.

В болгарских песнях фигурирует хотя и близкая, но другая цифра — 77 городов. Следовательно, в гипотетической «болгарской» хронике естественнее было бы ожидать именно это число, что позволяет скорее усомниться в зависимости от нее русской летописи, чем видеть в этом аргумент в ее пользу. Что касается упоминания о двух походах, о чем свидетельствуют греческие источники, то считать это специфической подробностью, которая не могла сохраниться в русском народном предании, совершенно нет никаких оснований. Походы ведь совершались из Киева, участие в них принимали десятки тысяч русичей. И, конечно же, на Руси знали о них и спустя многие десятилетия.

Не убедительным кажется и объяснение А. А. Шахматова летописной фразы: **«И поиде Святославъ ко граду, воюя и грады разбивая, яже стоять и до днешняго дне пусты»**³. Она, как казалось

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 186.

² Шахматов А. А. Разыскания... С. 122.

³ ПВЛ. Ч. 1. С. 50.

исследователю, также зависима от письменного источника, составленного не русским, а лицом, знакомым с топографией той местности, где действовал Святослав¹. Но, во-первых, никакого особого знакомства с топографией местности эта фраза не обнаруживает. А во-вторых, не может быть и малейшего сомнения в том, что и сам Святослав, и его окружение достаточно хорошо ориентировались в этой самой топографии, поскольку не только осуществили сюда два похода, но и продолжительное время владели Переяславцем на Дунае.

Но, пожалуй, самым существенным возражением против утверждения А. А. Шахматова о том, что приведенная фраза свидетельствует о зависимости составителя Древнейшего свода от какого-то нерусского письменного источника, является то, что она вообще не принадлежит этому летописцу. Это, несомненно, позднейшая вставка, внесенная в летопись, скорее всего, автором Повести временных лет. Это его стилистика.

К числу заимствований из «болгарской» хроники А. А. Шахматов отнес и речь Святослава, обращенную к матери и боярам. «**Не любу ми естъ в Кневѣ быти, хочю жити в Переяславци на Дүнан, яко то естъ среда земли моеи, яко тѹ вся благая сходятся: отъ Грекъъ злато, поволоки, вина и оwoщеве разноличныя, изъ Чехъ же, изъ Угорь сребро и комонн, изъ Русн же скоро и воскъ, медъ и челядъ**»².

Об этих выгодах местоположения Переяславца, как считал А. А. Шахматов, мог знать Святослав и хвастаться перед матерью и боярами, но знал ли об этом скромный монах, сочинявший летопись в XI в., знало ли об этом русское предание? Ответ его однозначен: конечно, не знали³. Однако более уместен был бы здесь другой вопрос: откуда болгарскому (или греческому) хронисту стало известно, что говорил Святослав в далеком Киеве своей матери? Наверное такая мысль приходила на ум и А. А. Шахматову, а поэтому он высказал предположение, что речи этой и вовсе не было. Ее сочинил болгарский (или греческий) хронист и вложил в уста Святослава. Да и «про-

¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 122.

² ПВЛ. Ч. 1. С. 48.

³ Шахматов А. А. Разыскания... С. 123.

изнесена» она им не в Киеве, а в Переяславце, после вторичного овладения русскими этим городом¹.

Думается, это слишком сложное объяснение. Ничего такого в содержании этой речи, что указывало бы на сочинение ее нерусским автором нет. О том, что Болгария прельстила Святослава своим богатством и благоденствием, русскому летописцу не нужно было вычитывать в какой-то «болгарской» или «греческой» хронике. На Руси это хорошо знали со времен византийских походов первых русских князей Аскольда, Олега и Игоря. Несомненно понимали это Святослав и его окружение, уже вкусившие преимущества владения Переяславцем. Сюда, к русским присылали дань греки, и здесь же они видели купцов соседних стран. По своему строю речь Святослава сугубо киевская. Начинается она с объяснения матери и боярам причин предпочтения Киеву далекого Переяславца: **«Не любо ми єсть в Києвъ быти»**. Фраза, произнесенная в Переяславце конечно же должна звучать по-другому. Там у Святослава были другие эмоции и другие слушатели. Собственно, эта речь и присутствует в летописи. Начинается она с объявления Святославом Переяславца своим городом².

Совершенно непонятно, как мог А. А. Шахматов отнести к речи, произнесенной в Переяславце и фразу: **«Яко то єсть среда земли моеї»**. Ведь она недвусмысленно указывает на то, что говоривший эти слова находился не в этой самой «среде земли». Из киевского далека Святослав смотрел на Переяславец и говорил: **«То єсть среда земли моеї»**. Если бы он эту же мысль выражал в самом Переяславце, несомненно сказал бы: **«Се єсть среда земли моеї»**. Как он сказал: **«Се город мой»**.

Подозрение А. А. Шахматова относительно заимствования русским летописцем киевской речи Святослава из иноземного письменного источника, как это видно из его исследования, основывается, в значительной мере, на том, что другая его речь, произнесенная перед сражением при Доростоле, действительно имеется в греческих источниках. Она записана Львом Диаконом, а также Иоанном Скилицей³.

¹ Там же. С. 123, 128.

² ПСРЛ. Т. 2. (Ипатьевская летопись). **«И взя городъ копѣемъ, рѣка: се городъ мой...»**. Статья 971 г.

³ **Диакон Лев**. История. М., 1988. С. 79, 130; **Васильевский В. Г.** Хронологические разыскания о годе смерти Святослава Игоревича. Записки Императорской Академии наук. Т. 38. СПб., 1876. С. 167.

Поскольку у Скилицы, как казалось А. А. Шахматову, эта речь передана даже ближе к русской летописи, он высказал предположение, что этот автор использовал еще какой-то источник, принадлежавший современному событиям автору¹.

Разумеется, это достаточно серьезный аргумент в пользу возможной зависимости киевского летописца от более раннего письменного источника. Поскольку ни Льва Диякона, ни Иоанна Скилицы автор Древнейшего свода читать не мог, А. А. Шахматов предположил, что в его руках, вероятно, оказался тот аноним, которым пользовался Скилица. Речь идет о все той же неизвестной «болгарской» хронике².

В действительности, ни у кого из названных греческих авторов нет и намек на то, что они, при описании дунайских походов Святослава, пользовались каким-то письменным источником. Иоанн Скилица был зависим от Льва Диякона, а последний вполне определенно говорит о том, что пользовался устной информацией.

Вот только несколько примеров. Описывая битву русских за Переяславец, Лев Диякон заметил: «Рассказывают, будто во время этого наступления погибло восемь тысяч пятьсот скифов»³. После изложения прямой речи Святослава, он продолжил эту тему следующими словами: «О тавроскифах рассказывают еще и то, что они вплоть до нынешних времен никогда не сдаются врагам даже побежденные»⁴. Сражение под Доростолом подытожено фразой: «Говорят, что в этой битве полегло пятнадцать тысяч пятьсот скифов»⁵. Свидетельство о том, что хлеб на дорогу получили только двадцать две тысячи росов, также начинается со слова «говорят»⁶.

Поскольку завершение «Истории» Льва Диякона относится к 989–990 гг. есть основания предполагать, что «рассказывали» ему о битвах Святослава с греками участники или свидетели этих событий.

Теперь о похожести речи Святослава во всех трех источниках. Разумеется, ничего необычного в этом нет. Было событие и вполне естественно, что оно более-менее сходно отразилось в позднейших

¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 124.

² Там же.

³ Диякон Лев. История. С. 71.

⁴ Там же. С. 79.

⁵ Там же. С. 87.

⁶ Там же.

его припоминаниях и письменной традиции. Что касается текстуального родства, то здесь не все так однозначно. Ближе оно в текстах Льва Диакона и Иоанна Скилицы, что вполне естественно, учитывая использование последним труда своего предшественника. Древнерусская летопись текстуального сходства речи Святослава с отраженными в греческих произведениях, по существу, не обнаруживает, что было бы маловероятным, если все три автора имели в своих руках общий письменный протограф.

Наиболее полно речь Святослава передана Львом Диакonom и нет сомнения, что многое в ней от литературного искусства автора. Так длинно и стилистически безупречно Святослав, скорее всего, не говорил, хотя основное содержание его призыва к сражению, по видимому, верно отражено греческим автором. Вот что записал Лев Диакон: «Погибла слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабо-щавшие целые страны, если мы теперь позорно отступим перед ромеями. И так проникнемся мужеством, которое завещали нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой, и будем ожесточенно сражаться за свою жизнь. Не пристало нам возвращаться на родину, спасаясь бегством; мы должны либо победить и остаться в живых, либо умереть со славой, совершив подвиги, достойные доблестных мужей»¹.

У Иоанна Скилицы, по существу, прямой речи Святослава нет. Вместо нее имеется достаточно свободный пересказ того, что записано у Льва Диакона. «Свендослав же убедил их (свое окружение. — П. Т.) решиться на еще одну битву с ромеями и либо, отлично сражаясь, победить врагов, либо, будучи побежденными, предпочесть постыдной и позорной жизни славную и блаженную смерть. Ибо как возможно было бы им существовать, найдя спасение в бегстве, если их легко станут презирать соседние народы, которым они прежде внушали страх?»²

И наконец речь Святослава в передаче русского автора: «И рече Святославъ: “Үже нам нѣкамо ся дѣти, волею и неволею стати противу: да не посрамятъ землѣ Рүскиѣ, но ляжемъ костьми,

¹ Диакон Лев. История. С. 79.

² Там же. С. 130.

мертвиин бо срама не имамъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ. Не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же передъ вами поиду: аще моя глава ляжеть, то промыслите собою»¹.

При сравнении этих трех «речей» легко убедиться, что наиболее естественной для боевого клича несомненно является летописная. Она краткая, эмоционально-непосредственная и образная. Ощущение такое, что записана одним из тех, к кому обращался Святослав со своим пламенным призывом. Благодаря своей афористичности, она вполне могла сохраниться и в русской народной памяти. И конечно же в ней нет ничего, чтобы указывало на зависимость от иноземного письменного источника.

О том, что и вся летописная история дунайских походов не восходит к иноземному источнику, свидетельствует ее пафос. А. А. Шахматов утверждал, что «болгарская хроника окружила Святослава известным ореолом, он стал для нее сказочным героем». Он также не исключал наличия в этой таинственной хронике и характеристики Святослава, повлиявшей на ту, что была внесена в Древнейший свод². Но в этом утверждении нет не только источниковой основы, но и рациональной логики. К чему бы это болгарскому автору героизировать завоевателя своей страны. Разве мог он симпатизировать тому, что царь Борис, после овладения Святославом Переяславцем и Доростолом, оказался фактически пленником в своей собственной стране? И разве не знал он, что русичи, на начальном этапе военной кампании, оказались в сговоре с византийцами, склонившими их к нападению на болгар³, что, разорив многие болгарские города и села и захватив обильную добычу, они и вообще захотели остаться в их стране навсегда? Не могли расположить его к Святославу и кровавые жертвоприношения болгар под Доростолом⁴.

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 50.

² Шахматов А. А. Разыскания... С. 130.

³ По свидетельству Иоанна Скилицы первый поход Святослава на Дунай был инспирирован византийской дипломатией, пытавшейся чужими руками примерно наказать непослушных болгар, уклонявшихся от охраны имперских границ от печенежских набегов. Глухое указание на это содержится и в русской летописи, уточнившей, что в 967 г. Святослав пошел не просто на Дунай, но «на Болгары».

⁴ Диакон Лев. История. С. 78, 120.

А. А. Шахматову казалось, что, прославляя русских, национальное чувство болгар, униженное порабощением их Святославом, искало тем самым себе утешение в мысли, что Святослав бил и греков¹. Но это совершенно невероятно, тем более что в конце концов болгары оказались в союзе с византийцами, а царь Борис был провозглашен Иоанном Цимисхием владыкой болгар².

Конечно, особого расположения к Святославу можно было ожидать только от русского летописца. Ему, а не какому-то болгарскому анониму, принадлежит фраза: **«И легко ходя, аки пардусъ, войны многи творяще»**³.

Не свидетельствуют в пользу зависимости составителя Древнейшего свода в описании дунайских походов Святослава от «болгарской» хроники и то, что, кроме смыслового созвучия княжеской речи перед Доростольской битвой, в нем нет больше ничего, с чем мы встречаемся в трудах Льва Диакона и Иоанна Скилицы. В русской летописи содержится информация, несовпадающая с той, которую сообщают греческие авторы, которые, в свою очередь, в ряде случаев не согласны один с другим. Вот только несколько примеров.

Русский летописец определяет численность греческого войска, участвовавшего в отражении вторжения Святослава, цифрой в 100 тыс. **«И пристронша грѣци 100 тысящ на Святослава»**⁴. Лев Диакон свидетельствует, что Иоанн Цимиский привел к Переяславцу фалангу воинов, сплошь закрытых панцирями и называвшихся **«бессмертными»**, около пятнадцати тысяч гоплитов, тринадцать тысяч всадников, а также **«остальное войско»** под водительством проедра Василия⁵. Иоанн Скилица дает такие цифры — 5 тыс. пеших и 4 тыс. всадников⁶.

Из не совсем выразительного летописного рассказа можно сделать заключение, что, овладев Переяславцем, Святослав с основными си-

¹ Шахматов А. А. Разыскания... С. 131.

² Диакон Лев. История. С. 72.

³ ПВЛ. Ч. 1. С. 46. Учитывая стилистическую близость этой фразы с той, что в Амартола относится к Александру Македонскому, можно предположить, что она появилась в летописи скорее всего на этапе создания Повести временных лет.

⁴ ПВЛ. Ч. 1. С. 50.

⁵ Диакон Лев. История. С. 70.

⁶ Там же. С. 205.

лами продолжил свой поход к Доростолу. Аналогичную информацию находим и у Льва Диакона, сообщившего, что во время штурма греками Переяславца в нем не было Святослава¹. Иоанн Скилица в одном месте говорит, что Святослав находился в Переяславце и ободрял русских воинов, а в другом — утверждает, что Святослав, узнав о падении Переяславца, пришел в замешательство².

Во время переговоров о возможном откупе греков в обмен на прекращение военных действий, Святослав схитрил и удвоил численность своего войска. «И рече имъ Святославъ: „Есть нас 20 тысящъ, и прирече 10 тысящъ, вѣ бо Руси 10 тысящъ толко”»³. Лев Диакон свидетельствует, что войско тавроскифов насчитывало «около шестидесяти тысяч», а после понесенных потерь под Переяславцем и Доростолом сократилось до 22 тысяч⁴. У Иоанна Скилицы приводится вообще фантастическая цифра — более трехсот тысяч воинов Святослава, участвовавших в Доростольской битве⁵.

Не согласны между собой свидетельства трех авторов и относительно воеводы Святослава Свенельда. Греческие утверждают, что он был убит во время Доростольской битвы, хотя и расходятся с определением его ранга. Согласно Льву Диакону он занимал третье, после Святослава, место в руководстве русским войском, а Иоанн Скилица отводил ему второе. По сообщению русской летописи, Свенельд избежал смерти во время балканской военной кампании, пережил трагедию на днепровских порогах и благополучно вернулся в Киев: «Свѣнальдъ же приде Кіеву»⁶.

Сказанное выше не дает оснований утверждать, что составитель Древнейшего свода в своем рассказе о походах Святослава на Дунай и Болгарию пользовался какой-то неизвестной «болгарской» хроникой. У него или более раннего его коллеги, составлявшего летописный свод 996 г., наверное были, кроме устных преданий, какие-то письменные свидетельства об этих событиях, но только не иноземные, а русские.

¹ Там же. С. 71.

² Там же. С. 126.

³ ПВЛ. Ч. 1. С. 50.

⁴ Диакон Лев. История. С. 73.

⁵ Там же. С. 127.

⁶ ПВЛ. Ч. 1. С. 53.

В пользу такого предположения свидетельствует достаточно подробное описание балканской кампании Святослава. Автор этой героической дружинной повести не пересказывает события давно минувших дней, а как бы сам присутствует в них. Битва за Переяславец началась не очень удачно для русских. Чаша весов начала было склоняться в сторону болгар, но после обращения Святослава к своим воинам с боевым призывом — «**ПОТЯГНЕМЪ М҃ЖЬСКИ БРАТЯ И ДРУЖИНО**» — преимущество перешло к русским. Окончательно их победа определилась только к вечеру.

Эффект авторского присутствия обнаруживается и в рассказе о многораундовых переговорах Святослава с греками после его поражения под Доростолом. Он детализирован, передан чуть ли не с протокольной подробностью. В нем сообщается о хитрости византийцев, пытавшихся посредством обещания уплатить дань на каждого воина, выведать численность русских сил, о смекалке русских, удвоивших количество оставшихся в живых русских воинов. Свидетельства о дарах византийцев, пытавшихся склонить Святослава к мирным переговорам, носят несколько сказочный характер, хотя вряд ли придется сомневаться в их реальности. Ведь это была обычная практика византийской дипломатии и вовсе не исключено, что Иоанн Цимисхий действительно «**ИСК҃ШАЛ**» Святослава дорогими дарами.

Особой реалистичностью отличается сюжет о посылке к Цимисхию русского посольства с согласием Святослава заключить мир. Летописец передал прямую речь князя, из которой явствовало, что русские находились практически в безвыходном положении. «**АЩЕ НЕ СТВОРИМЪ МИРА СО ЦАРЕМЪ, А УВЕСТЬ** (узнает. — П. Т.) **ЦАРЬ, ЯКО МАЛО НАСЪ ЕСТЬ, ПРИШЕДШЕ ОСТ҃ПЯТЬ НЫ ВЪ ГРАДѢ**»¹. Лучшие мужи, которым, как замечает автор рассказа, «**ЛЮБА ВЫСТЬ РѢЧЬ СИ**», передали ее византийскому императору. Он обрадовался этому и «**ПОВЕЛѢ ПИСЦЮ ПИСАТИ ВСЯ Р҃ЧИ СВАТОСЛАВЛЯ НА ХАРАТ҃ЬЮ**»². Из продолжения рассказа следует, что писец записывал эту речь со слов русского посла. «**НАЧА ГЛАГОЛАТИ СОЛЪ ВСЯ Р҃ЧИ, И НАЧА ПИСЕЦЬ ПИСАТИ**»³. Читая эту фразу, трудно отрешиться от мысли, что, во-первых, ее автор

¹ Там же. С. 51.

² Там же.

³ Там же. С. 51–52.

и есть тот самый посол Святослава, который «**глаголахъ вся рѣчи**», а во-вторых, что говорил он их не по памяти, а зачитывал по русскому тексту. Это ведь были договорные обязательства Святослава, не исключено, предварительно уже согласованные с греками.

Таким образом, информативная полнота летописных известий о балканских походах Святослава, наличие в них прямых речей участников тех драматических событий, а также подробностей, которые невозможно отнести на счет позднейших припоминаний, не оставляют сомнений в том, что письменная их фиксация произошла во времена близкие к самим событиям.

БЫЛ ЛИ КРЕЩЕН ЯРОПОЛК СВЯТОСЛАВИЧ?

В исторической литературе вопрос о крещении Ярополка подымался неоднократно, но всякий раз для его положительного решения не доставало источников. Русские летописи об этом ничего не говорят, сведения иностранных хроник слишком тенденциозны, чтобы на их основании можно было прийти к выводу о реальности этого события. Лишь немногие исследователи решались ответить на этот вопрос утвердительно. В начале XX в. это сделал В. А. Пархоменко, полагавший, что коль скоро у Иакова Мниха названа точная дата смерти Ярополка (11 июня 978), а позаимствована она могла быть только из церковных документов, то отсюда автоматически вытекает его принадлежность к христианству¹. В наше время убежденными сторонниками крещения Ярополка выступили М. Ю. Брайчевским и А. В. Назаренко, правда разошлись в том, от кого им было воспринято христианство. М. Ю. Брайчевский был убежден, что от Византии, А. В. Назаренко считает источником христианского просвещения Ярополка Рим и Германию².

Аргументация первой версии оказывается до предела простой. Для этого, по существу, не потребовались даже источники. Ярополк, согласно М. Ю. Брайчевскому, с младых лет воспитывался Ольгой в христианской вере. Любящая бабушка будто бы не могла обречь детскую душу на вечный огонь, а поэтому тайно от отца и его окружения крестила своих внуков Ярополка и Олега. Ее союзницей в этом деле

¹ Пархоменко В. А. Христианство в Киевской Руси при Ярополке, брате Владимира Святого. Харьков, 1913.

² Брайчевский М. Ю. Утверждение христианства на Руси. К., 1989. С. 122–125; Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. М., 2001. С. 339–390.

была мать княжичей, которая происходила из венгерского королевского рода и, разумеется, сама была крещеной¹. В этом утверждении М. Ю. Брайчевский сослался на авторитет В. Н. Татищева, хотя названное им имя — Предслава — решительно отверг, как чистый вымысел историка. В качестве свидетельства, подтверждающего факт крещенности Ярополка, М. Ю. Брайчевский привел слова В. Н. Татищева о склонности князя к христианству, а также о его «кротости, благонравии и любви к христианам». Однако если бы он процитировал другое высказывание, то оказалось бы, что В. Н. Татищев вовсе и не считал Ярополка христианином: «И аще сам не крестися народу ради, но никому не претяше»².

В отличие от М. Ю. Брайчевского, А. В. Назаренко свое исследование о крещении Ярополка базирует на письменных источниках, правда соответствующим образом интерпретированных, поскольку ни в одном из них прямых свидетельств на этот счет не содержится. Это «Житие блаженного Ромуальда» Петра Дамиани, в котором рассказывается о проповедях на Руси, и у печенегов миссионера начала XI в. Бруно Кверфуртского, «Хроника» ангулемского монаха Адемара Шабанского, а также известия поздних летописных сводов (XVI в.) о римских послах к Ярополку.

В свое время Е. Е. Голубинский, переведший на русский язык отрывок из «Жития блаженного Ромуальда» и обнаруживший в нем явную анахроничность, пришел к выводу, что мы имеем дело здесь, скорее всего, с тенденциозным баснословием³. Как известно, Бруно посетил Русь в 1008 г., через двадцать лет после принятия христианства, тем не менее, Петр Дамиани (как и Адемар) свидетельствует о том, что именно ему удалось склонить короля русов и всех его подданных к крещению. Брат короля, проживавший совместно с ним и отказавшийся от крещения, был убит королем, а другой брат, который жил отдельно от короля, как только к нему явился блаженный муж, приказал обезглавить святого. Узнав об этом, король намеревался убить брата и всех свидетелей этого преступления, но затем решил помолиться за них, а те, в свою очередь, просили прощения и

¹ Брайчевский М. Ю. Указ. соч. С. 123

² Татищев В. Н. История Российская. Т. 1. М.; Л., 1962. С. 118; Т. 2. М.; Л., 1963. С. 225.

³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 221–222.

с великим ликованием приняли таинство крещения. Над телом блаженнейшего мученика была воздвигнута церковь.

У Адемара Бруно погибает мученической смертью в печенежском стане, но тело его было выкуплено за большую цену народом Руси, где построили монастырь в его честь, который просиял многими чудесами.

В. А. Пархоменко высказал мнение, что в приведенном свидетельстве переплелись реальные данные о проповеди Бруно Кверфуртского с припоминаниями о безвестных латинских миссионерах на Руси времен Ярополка¹. Аналогичным образом объясняет содержание известий Петра Дамиани и А. В. Назаренко. Ему кажется, что свидетельство «Жития» о короле руссов и его братьях живо напоминает известия Повести временных лет о трех Святославичах: киевском князе Ярополке, его брате Олеге, погибшем в схватке с Ярополком, и другом брате Владимире, княжившем в Новгороде².

Определенное сходство свидетельств «Жития блаженного Ромуальда» и Повести временных лет действительно имеется, хотя они и не вполне идентичны. Петр Дамиани сообщает, что один из братьев жил вместе с королем, тогда как оба брата Ярополка — Олег и Владимир сидели на своих княжениях и жили отдельно от киевского князя. Но ведь кроме этого сходства картина, изображенная в «Житии» и «Хронике», совсем не отражает реалий времен Ярополка, как впрочем и реалий времен Владимира Святославича тоже. Из Руси Бруно ушел живым и невредимым, а мученическую смерть принял в Пруссии. Естественно, и церкви, воздвигнутой над телом блаженного мученика Бонифация (Бруно) на Руси никогда не было.

Если бы речь шла о поздних источниках, можно было бы отнести эту путаницу на счет времени. Конечно, в каком-нибудь XII или XIII вв. воспроизвести в точности события конца X — начала XI в. совершенно невозможно. Но в том-то и дело, что Петр Дамиани и Адемар были практически современниками Бруно Кверфуртского. «Житие блаженного Ромуальда», по свидетельству самого автора, было написано через три года после смерти святого, то есть не позднее

¹ Пархоменко В. А. Начало христианства на Руси: Очерки из истории Руси IX–X вв. Полтава, 1913. С. 162.

² Назаренко А. В. Указ. соч. С. 342.

1030 г. Этим же временем датируется и «Хроника» Адемара¹. В римской церкви первой трети XI в. миссионерские деяния Бруно конечно же были хорошо известны. И если они представлены современными ему авторами с искажениями, значит, это было кому-нибудь нужно. И вряд ли так уж неправ Е. Е. Голубинский, полагавший, что причиной этих преднамеренных измышлений явилось желание римской церкви представить дело так, будто Русь была обращена в христианство ее миссионерами². Не случайно и позже латинские хронисты будут называть блаженного Бонифиция (Бруно) «мучеником Христовым на Руси».

Названные и другие, зависимые от них, источники не содержат имен ни короля Руси, обращенного будто бы немецкими миссионерами в христианство, ни его братьев (убитого королем и примирившегося с ним). Не будь на этот счет известий в поздних летописях (Никоновской и Воскресенской), проблема идентификации свидетельств Петра Дамиана и Адемара была бы вообще неразрешимой. Правда, и с отечественными источниками не все так просто. Одни исследователи (В. А. Пархоменко, Б. А. Рыбаков) считали сведения о контактах Ярополка с Римом реалистичными, тогда как другие склонны видеть в них измышления летописцев XVI в. М. Н. Тихомиров полагал, что все они появились в конце XV — начале XVI в., когда московский двор придавал большое значение своим связям с папами³. Аналогичное мнение высказывали также Б. М. Клосс и В. А. Водов⁴.

А. В. Назаренко пришел к выводу, что среди «римских» известий есть и такие, достоверность которых не так легко подвергнуть сомнению. К их числу исследователь относит, в частности, сообщение Никоновской летописи 977 г. о послах от папы к Ярополку Святославичу. **«Того же лѣта приидоша послы къ Ярополку изъ Рима от папы»**⁵. В этом

¹ Там же. С. 346. Е. Е. Голубинский полагал, что хроника французского монаха Адемара известна в редакции конца XI в.

² Голубинский Е. Е. Указ. соч. С. 221.

³ Тихомиров М. Н. Источниковедение истории СССР. Вып. 1. М., 1962. С. 255.

⁴ Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980. С. 188.; Vodoff V. Naissance de la chretiente russe: La conversion du prince Vladimir de Kiev (988) et ses consequences (XI–XIII siecles). Paris, 1988. С. 57 и сл.

⁵ ПСРЛ. Т. 9. (Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью). СПб., 1862. Стб. 39.

А. В. Назаренко видит логическое продолжение немецкой политики на востоке, начало которой было положено еще при Оттоне I и княгине Ольге. Неудача миссийного епископа Адальберта не могла остановить попытки немецкой имперской церкви вовлечь Русь в круг стран, принявших христианство из Рима. Более того, немецкая церковь будто бы вообще могла рассматривать Русь как свою миссийную епархию¹.

Для темы данного исследования более важным является не то, как воспринимала оттоновская Германия Русь, а то, как последняя в правление Ярополка относилась к этим устремлениям империи. Приведенное выше свидетельство Никоновской летописи, а также известие Ламперта Херсфельдского об участии послов Руси в работе Кведлинбургского съезда 973 г., как будто указывают на заинтересованность Руси в тесных сношениях с Германской империей и Римом. В принципе ничего невероятного в этом и не было. Весь вопрос только в том, как далеко была намерена Русь идти по пути этих союзнических обязательств. Тем более что они, судя по всему, не сулили ей каких-либо ощутимых выгод. Индифферентное сообщение о прибытии к Ярополку послов из Рима от папы, без каких либо свидетельств о достигнутых ими результатах в Киеве, скорее всего, указывает на то, что таковых и вовсе не было. Говоря двумя строчками выше о посольстве «от Греческого царя» к тому же князю, летопись отмечает: **«И взяша миръ и любовь съ нимъ (императором. — П. Т.), и яшася еѹ по дань, якоже отцѹ его и дѣдѹ его»**².

Новый взгляд на эту проблему предложил А. В. Назаренко. Основываясь на данных генеалогического предания известного швабского рода Вельфов (зафиксированное письменно в 1125–1126) о выдаче замуж дочери графа Куно за «короля Руси («rex Ruqorum»)), он пришел к выводу, что в этом анонимном короле следует видеть не Владимира Святославича, как полагали многие историки³, а Ярополка. В пользу этого свидетельствует обнаруженная в 60-е годы XX в. запись в помяннике швабского монастыря Райхенау, датирующаяся 970-и гг. о Куно и его семействе, а также отождествление этого загадочного графа со швабским герцогом Конрадом (983–997). Последнее обстоя-

¹ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 371–372.

² ПСРЛ. Т. 9. С. 39.

³ Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь X–XI вв. М., 1964. С. 227; Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 122–123.

тельство, как убежден А. В. Назаренко, дает твердые основания для датировки «русского брака» дочери Куно — Конрада 70-ми гг. X в.¹

Каким образом новая идентификация Куно помогает датировке «русского брака» его дочери А. В. Назаренко не объяснил. Судя по тому, что автор этой находки А. Вольф остался верен прежнему предположению, что в неизвестном «короле Руси» следует видеть Владимира, твердых оснований для датировки этого брака 70-ми годами X в. во вновь открытом источнике нет.

Дальнейшие выводы А. В. Назаренко держатся на вероятных, но не находящих подтверждения в источниках, предположениях. Среди них: утверждения о том, что военный союз киевского князя и германского императора планировалось скрепить женитьбой Ярополка на дочери графа Куно, что такой шаг предполагал крещение Ярополка, а это, в свою очередь, влекло за собой прибытие в Киев в 975–978 гг. немецких миссионеров².

Для подтверждения вывода о крещении Ярополка А. В. Назаренко привлекает уже приводившийся в исторической литературе аргумент, согласно которому полная дата смерти князя (11 июня 978) является бесспорным этому доказательством. Не станем подвергать здесь сомнению источниковую безупречность свидетельства Иакова Мниха, однако обратим внимание на то обстоятельство, что полная дата 11 июня 978 г. лишь опосредованно может относиться к Ярополку. В действительности она фиксирует время вокняжения Володимира Святославича в Киеве. **«И сѣде въ Киевѣ князь Володимѣрь восьмое лѣто по смерти отца своего Святослава, мѣсяца юня в 11-й день, въ лѣто 6486»**³. Оно могло совпадать с датой смерти Ярополка, как думает А. В. Назаренко, а могло и не совпадать. Ведь неизвестно от какой даты велся отсчет княжения Владимира — от овладения им Киевом или от коварного убийства Ярополка после его возвращения из Родня. В любом случае эта полная дата не может быть бесспорным доказательством крещенности Ярополка⁴.

¹ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 361–362.

² Там же. С. 371–372.

³ Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. М., 1901. С. 245.

⁴ А. А. Шахматов не связывал эту точную дату с днем смерти Ярополка, да, к тому же, и не считал, что она содержалась в готовом виде в одном из летописных источников. Ему казалось, что автор «Памяти и похвалы» ее просто вычислил. См.: Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 26–27.

Тем не менее, именно она послужила основанием для утверждения А. В. Назаренко о том, что Ярополк крестился от немецких миссионеров. В 975 г. будто бы состоялось помазание, а в 977–978 гг. — свершен обряд конфирмации. Для этого из Германии прибыло новое полномочное немецкое посольство.

Разумеется, ничего подобного древние источники не сообщают. Все это авторские предположения: как могло бы быть.

Характерно, что в своих посылочных тезисах А. В. Назаренко почти постоянно прибегает к оговоркам со словами «возможно», «если», «предположительно» и др. Если полагать, что предполагаемое нами немецкое посольство с невестой для Ярополка... еще застало Ярополка в живых, то оно прибыло на Русь зимой 977–978 гг.¹ Казалось бы на таких зыбких предположениях и вывод должен быть такой же условный. А нет, дальше идет утвердительный рассказ о том, чем занималось посольство в Киеве, кто его возглавлял, когда и с кем оно ушло из него. Оказывается, случилось это уже после захвата Киева Владимиром и убийства Ярополка. Задержка была обусловлена якобы необходимостью «провести переговоры с новым киевским князем на тему, на которую должны были говорить с Ярополком»². Из этой фразы явствует, что исследователь не убежден, что его предполагаемое посольство застало Ярополка в живых.

По мере углубления в тему, А. В. Назаренко, как кажется, все больше основывался не на источниках, а на собственной их интерпретации. Это особенно наглядно видно из сюжета о главе немецкого посольства в Киев. «Было бы естественно, — пишет историк, — если бы это посольство возглавил кто-либо из родни невесты киевского князя, мать которой, согласно “Генеалогии Вельфов”, была, как мы помним, дочерью (в действительности, вероятно, более отдаленной родственницей) императора Оттона Великого, т. е. Оттона I»³.

Заметим, что речь идет о предполагаемом посольстве, а не засвидетельствованном в письменных источниках. В дальнейшем высказанное предположение превратилось, по существу, в доказанный факт, и

¹ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 388.

² Там же.

³ Там же. С. 381.

А. В. Назаренко озаботился лишь тем, чтобы определить имя главы немецкого посольства. Оказалось и это возможным.

В сообщении так называемого «Стратегикона Кекавмена» содержится известие о том, что в четвертый год правления императора Василия II в Константинополь прибыл некий Петр, «племянник императора Франгии». Согласившись с исследователями, в частности Г. Г. Литавриным, что перед нами, скорее всего, племянник Оттона II¹, А. В. Назаренко неожиданно именно его возвел в ранг главы немецкого посольства в Киев, хотя даже косвенных свидетельств на этот счет нет.

Историки уже давно обратили внимание на то, что известие «Стратегикона Кекавмена» хронологически сопоставимо с отсылкой Владимиром в Константинополь варяжского отряда. Можно думать, это обстоятельство и натолкнуло А. В. Назаренко на мысль «привести» племянника Оттона II в Константинополь через Киев. «Предполагать, что родственник Оттона II оказался в составе варяжских наемников новгородского князя, конечно, трудно, — заявляет историк, — но исследовать возможность его прибытия именно из Киева (вернее, через Киев) стоит»².

Обещанного исследования, однако, не последовало. Поскольку никаких материалов для него нет. Вместо этого, пришлось вновь ограничиться предположением, что так могло быть. Немецкое посольство якобы предпочло вернуться на родину через Константинополь под охраной отправившегося туда варяжского отряда. Петр, соблазнившись выгодами византийской службы, остался в Константинополе, а юная вдова Ярополка отправилась морем далее³. Неизвестно, правда, куда.

Если одной из целей этого второго немецкого посольства была конфирмация Ярополка, то, согласно А. В. Назаренко, следовало бы ожидать, что именно Петр и будет его крестным отцом, а крещальным именем князя «Петр». Так ли было в действительности историк не уверен, но вся его последующая система рассуждений призвана подтвердить именно это предположение. Уверенности в нем ему при-

¹ *Сесаит*. Советы и рассказы Кекавмена: Сочинение византийского полководца X века // Текст, введение и комментарии Г. Г. Литаврина. М., 1972. С. 584–586.

² Назаренко А. В. Указ. соч. С. 381.

³ Там же. С. 388.

дает и тот факт, что христианское имя «Петр» носил сын Ярополка Святополк, которое он получил якобы при крещении в память о недавно погибшем отце.

Подводя итог исследованию о том, что племянник Оттона II был членом немецкого посольства на Русь и прибыл затем в Константинополь из Киева, А. В. Назаренко отмечает, что его гипотеза покоится на трех главных аргументах. Во-первых, в немецком посольстве должны были участвовать родственники невесты Ярополка, а значит и родственники Оттона II. Во-вторых, в крещении Ярополк был наречен, вероятно, Петром, а это позволяет предполагать посаженного отца с таким именем. И в-третьих, время прибытия немцев из Киева согласуется со временем прибытия Петра в столицу Византийской империи. Но ведь это никакие не аргументы, а всего лишь авторские предположения. Возможно, так могло быть, но для доказательства действительно нужны аргументы.

Еще одно свидетельство в пользу высказанного мнения, как думает А. В. Назаренко, содержится в одной из редакций «Проложного жития св. Владимира». Рассказав о крещении киевлян в Почайне, автор «Жития» заметил: «И оттоле наречеса место святое идеже ныне церкви есть Петрова, и ть бысть первыи ходатаи нашему спасению». В большинстве списков, церковь, построенная на месте крещения киевлян, названа храмом «святою мученику Турова». Согласно А. А. Шахматову, именно вариант «Турова» является первичным, возникшем под пером киевлянина, тогда как чтение «църкы ... Петрова» — позднейшим, появившемся, возможно, под пером северорусского автора, редактировавшего «Пролог»¹. А. В. Назаренко отдает предпочтение варианту «Петрова», что не находит подтверждения в киевской летописи. Последняя просто не знает церкви с таким названием применительно к предполагаемому месту крещения киевлян. Нечем подтвердить и компромиссное предположение А. В. Назаренко, что в действительности поблизости от исторического места крещения киевлян находилось два храма: Святых Бориса и Глеба или «Турова божница» и Святого Петра. Зная, что на Подоле археологи обнаружили остатки двух каменных храмов XII в., и один из них, рас-

¹ Шахматов А. А. Как назывался первый русский святой мученик ? // Изв. АН, 6 сер. 1907. Май. С. 261–264.

полагавшийся на ул. Борисоглебской, № 11, отождествлен исследователями с «Туровой божницей», он приходит к выводу, что второй, обнаруженный на ул. Волошской, № 20, возможно, являлся церковью Святого Петра, упомянутой в «Проложном житии св. Владимира»¹.

Но ведь археологи уже давно идентифицировали и другой храм, и вовсе не с мифической церковью Святого Петра, а с вполне реальной летописной церковью Святого Михаила или Новгородской божницей².

Таким образом, все последующие рассуждения А. В. Назаренко о том, в честь какого Петра назван храм на месте крещения киевлян и кто был «первым ходатаем нашему спасению», лишены смысла. Храма в честь св. Петра, якобы святого покровителя Ярополка Святославича, на Подоле никогда не существовало.

Исследуя вопрос о крещении Ярополка, историки упускают из виду одно очень важное обстоятельство. Речь ведь идет не о частном лице, а о крещении государя огромной страны, которое в глазах, как просветителей, так и просвещенных было равнозначно принятию христианства и всеми его подданными. Как свидетельствует тот же Пётр Дамиани, именно это и случилось во время миссионерской проповеди на Руси Бонифация. Увидев, что святой прошел через бушевавшее пламя костра совершенно невредимым, «король [Руси] и все прочие, бывшие свидетелями этого зрелища, толпою бросились к ногам блаженного мужа, со слезами прося прощения и горячо моля о крещении. Потом к крещению стало стекаться такое множество язычников, что святой муж отправился к одному большому озеру и крестил народ в его обильных водах»³.

Следовательно, признавая крещение немецкими миссионерами короля Руси, мы с неизбежностью должны признавать и крещение всей страны. Тем более что об этом свидетельствует один и тот же источник. И действительно, абстрагируясь даже от меркантильности

¹ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 384.

² Толочко П. П. Исторична топографія древнього Києва. К., 1970. С. 135–136.

³ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 341. Читая этот отрывок, трудно отрешиться от мысли, что Пётр Дамиани описывает крещение киевлян в реке Почайне, хотя и приурочивает это событие к миссионерской деятельности на Руси Бонифация (Бруно). Это еще одно свидетельство того, что латинские авторы сочиняли легенду о крещении «короля Руси» и его народа иерархами Римской церкви.

миссийных устремлений Римской церкви, не могло быть такого положения, когда глава государства был бы христианином, а его страна оставалась языческой. В 988 г., как известно, вслед за крещением Владимира Святославича последовало и крещение всей Руси.

Со сказанным выше как будто не согласуется ситуация с крещением княгини Ольги: она стала христианкой, а страна по-прежнему оставалась языческой. В действительности, пример этот не вполне показателен. Дело в том, что юридически Ольга не была великой княгиней Руси. Таковым считался ее сын Святослав. Формально она исполняла лишь регентские функции. В таком случае, принятие ею христианства не выходило за рамки частного события.

Теперь обратимся к известию 1044 г. Повести временных лет, которое, по существу, делает излишними наши рассуждения на тему: был или не был крещен Ярополк Святославич. В ней говорится: «**Выгребоша дѣва князя Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости ею и положиша я в църкви святыя Богородица**»¹. Каких только эпитетов не удостоилась эта церковная акция от историков. Многие называли ее странной, беспрецедентной и даже скандальной, и почти все высказали сомнение в ее каноничности.

М. Ю. Брайчевский, верный своим предубеждениям, что древние летописцы-редакторы часто фальсифицировали тексты своих предшественников, высказал предположение об отсутствии в первоначальном известии слов «**и крестиша кости ею**». Это будто бы позднейшая вставка, обусловленная тем, что редакторы, не находя в хрониках ясных сообщений о крещении старших братьев Владимира, считали их язычниками. Никаких аргументов в пользу своего открытия М. Ю. Брайчевский, по существу, не привел. Ведь нельзя же считать таковыми утверждения, что грамматически фраза без означенных выше слов читается лучше или, что о крещенности братьев свидетельствует факт их захоронения по обряду трупоположения².

Автору этих строк уже приходилось писать, что, несмотря на беспрецедентность события, нет совершенно никаких оснований считать его плодом фантазии позднейших редакторов летописи. Будучи лицами духовными, они конечно же не внесли бы в текст слов о кре-

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 104.

² Брайчевский М. Ю. Указ. соч. С. 125–126.

щении княжеских останков, если бы этот факт не имел места¹. Придумать такое действо, учитывая сомнительную его каноничность, люди церковные естественно не могли.

Историки неоднократно обращались к этому событию, давая ему свое объяснение. Одни видели в нем попытку Ярослава загладить вину отца, на чьей совести была смерть брата. Другие считали главным мотивом посмертного крещения Ярополка память о его приверженности христианству². А. Поппэ полагает, что акция занимала важное место в идеологической программе Ярослава Мудрого наряду с началом церковного прославления свв. Бориса и Глеба, хотя и не имела сколько-нибудь выраженной церковно-религиозной подоплеки³.

В совершеннейшем затруднении оказался А. В. Назаренко. Считая Ярополка христианином при жизни, он в то же время не нашел возможным подвергнуть сомнению и летописное известие о крещении останков князей при их перезахоронении в Десятинной церкви. Согласовать эти два противоречия, как ему кажется, можно, если признать, что к 1044 г. воспоминания о христианстве Ярополка были уже смутны, а перезахоронение в храме требовало полной уверенности в том, что погребаемый был крещен. Не будучи убежден в таком предположении, А. В. Назаренко, на всякий случай, высказал и второе, согласно которому крещению были подвергнуты только останки Олега Святославича. Эта деталь будто бы не совсем ясная для современников, была и вовсе утрачена в позднейших припоминаниях⁴.

Конечно, к подобным исследовательским исхищрениям приходится прибегать тогда, когда факты не согласуются с идеей. Спрашивается, отчего это церковные круги Руси страдали такой забывчивостью по отношению к Ярополку, если он был крещен всего за десять лет до крещения Владимира и всей Руси? Ольга крестилась более чем двадцатью годами раньше Ярополка, однако при перенесении ее останков в Десятинную церковь факт этот помнили, и обряда их крещения не совершали.

¹ Толочко Петро. Київська Русь. К., 1996. С. 269.

² Макарий (Булаков). История Русской церкви. Кн. 2. М., 1995. С. 59.

³ Поппэ. А. О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis*. T. VIII, 1. München, 1995. С. 60–61.

⁴ Назаренко А. В. Указ. соч. С. 389.

Из сказанного видно, что достоверность известия 1044 г. Повести временных лет никому из исследователей подвергнуть обоснованному сомнению не удалось. Переносимые останки Ярополка и Олега под своды Десятинной церкви были крещены, а это является бесспорным доказательством того, что умерли князья язычниками. Ярополк на-верное сочувствовал христианской вере, но, как об этом писал еще В. Н. Татищев, находясь во главе языческой страны, остался верен старым традициям.

А. В. Назаренко, приступая к исследованию данной темы, посетовал, что обилие письменных источников «лежит мертвым грузом для историка», поскольку до сих пор не проведен их анализ и не оценена степень их достоверности. Приходится однако констатировать, что ситуация не стала принципиально иной и после выполненной им большой источниковедческой работы. Ни по отдельности, ни все вместе источники не свидетельствуют о крещении Ярополка Свято-славича.

ЯЗЫЧЕСТВО И ХРИСТИАНСТВО НА РУСИ

Тема соотношения язычества и христианства на Руси не обойдена вниманием в отечественной и зарубежной историографии. Однако при огромной литературе, посвященной религиозному мировоззрению древних русичей, многое в нем еще нуждается в исследовании. Обращает на себя внимание альтернативность подходов к рассмотрению двух религиозных систем. Язычество — «мрак и невежество», христианство — «свет истины и высокая духовность».

Традиция эта имеет глубокие древнерусские корни. Введение христианства в 988 г. рассматривалось русскими летописцами как «боговдохновленный» акт равноапостольного князя Владимира Святославича, родивший нового человека, который избавился от многовековой языческой греховности. Особенно ярко тезис «тьмы и света» отражен в описании жизни Владимира. До принятия христианства — он сплошное воплощение человеческих пороков, после — сама добродетель. **«Се есть новый Константинъ великого Рима, иже крестивъся сам и люди своя... Аще бо прежде на сквернѣнѹ похоть желая, но послѣ же прилежа к покаянѹ, яко же апостолъ»**¹.

Примерно в такую же схему вкладывается и летописное жизнеописание княгини Ольги. Подчеркивание ее злокозней (реальных или придуманных) по отношению к древлянам потребовалось летописцам для того, чтобы оттенить ее перерождение после принятия христианства. **«Яко же бо Ольга часто глаголаше: „Азъ, сынѹ мой, Бога познахъ и радѹюся“**»².

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 89.

² Там же. С. 46.

Отказ Святослава последовать примеру матери в глазах летописца выглядел страшным грехом, знамением беды. «Он же не послуша матери, творяше норovy поганьскія, не вѣдый, аще кто матерe не послушаетъ, в бѣдѹ впадаетъ»¹.

На определенном этапе, не без влияния ярких работ Б. А. Рыбакова, посвященных словянорусскому язычеству², определилась тенденция тотальной переоценки места этого явления в жизни Руси. Причем не только дохристианского периода, но и времени, когда Русь стала христианской страной. Одна за другой стали появляться работы, в которых тщательно отыскивались языческие элементы на памятниках материальной культуры Руси X–XIII вв. как свидетели живучести древних верований. При этом ритуальными объявлялись нередко обычные бытовые предметы, одинаково употреблявшиеся нашими далекими предками и в языческий, и в христианский период их жизни.

Необычный интерес к язычеству, по-видимому, обусловлен тем, что в представлении многих исследователей именно оно было основой славяно-русской самобытности, в то время как христианство явилось чужой, привнесенной извне мировоззренческой системой. Украинский философ Е. К. Долуман полагал даже, что христианство стало причиной пресечения многих славяно-русских традиций, а отказ от богатого языческого наследия обусловил отставание нашей культуры от европейской³.

Последний вывод совершенно несостоятелен. Ведь страны Центральной и Западной Европы тоже сменили язычество на христианство, отчего же тогда для них это не имело столь отрицательных последствий.

Некоторое время назад в Канаде, в среде украинской общины, а теперь уже и в Украине на почве ностальгии по утраченной народной самобытности, имевшей тысячелетние корни и традиции, наметилась тенденция возрождения языческой веры. Называется она «РУНВира» — «Родная украинская народная вера». Издается литература о языческих божествах и верованиях, ведется пропаганда «на-

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 46.

² Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; Язычество древней Руси. М., 1987.

³ Долуман Е. К. Интерв'ю // Людина і світ. 1987, № II. С. 20.

зад к Дажьбогу». Причем в определении древности украинских богов, сторонники народной веры углубляются до времен трипольской культуры (V–III тыс. до н. э.).

Состояние источниковой базы и уровень разработок позволяют сегодня достаточно полно и объективно рассматривать проблему соотношения язычества и христианства в Киевской Руси.

Конечно, славяно-русское язычество предгосударственного и раннегосударственного периода не следует примитивизировать. Оно имело достаточно сложную иерархическую структуру и являлось одной из составных общечеловеческого комплекса взглядов, верований и обрядов. Несмотря на условность термина «язычество», он, в целом, верно определяет тот многообразный круг явлений (магия, анимизм, пандеманизм, дуализм и др.), которые входят в понятие первобытной религии¹.

Основой славяно-русского язычества было обожествление природы, вера в духов. Оно не оставалось неизменным на протяжении веков. На разных этапах исторического развития имело место поклонение различным божествам, олицетворявшим важнейшие силы природы. Незвестный русский автор начала XII в. в «Слове об идолах», в основе которого греческое поучение Григория Богослова, направленное против античного язычества, дал своеобразную периодизацию славянских языческих культов. На первом этапе сложения верований славяне поклонялись упырям и берегиням, на втором — Роду и рожаницам, на третьем — Перуну.

Есть основание утверждать, что славяно-русское язычество эволюционировало в сторону монотеизма. Об этом, в частности, свидетельствовали события 980 г., когда Владимир Святославич поставил в Киеве пантеон из шести богов во главе с Перуном. В древности это божество олицетворяло грозу и молнию, в период сложения государства Киевской Руси было покровителем воинов и князей. В летописной статье 945 г., рассказывающей об утверждении договора Руси с Византией, отмечается, что Игорь и его языческая часть дружины приносили клятву верности на Перуновом холме. «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перу́нь»². О других

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. С. 3.

² ПВЛ. Ч. 1. С. 39.

божествах в этой статье речь не идет. Вряд ли это можно объяснить забывчивостью летописцев. Скорее всего, здесь отмечен факт, свидетельствующий о том, что уже в середине X в. главным божеством в Киеве и на Руси был Перун.

Отмеченная тенденция славяно-русского язычества периода становления государственности характерна и для других стран. В Болгарии принятию христианства предшествовал культ вождя-хана, а в Хазарии, прежде чем утвердился иудаизм, имел распространение культ единого бога неба Тенгрихана.

Вещный мир восточных славян, который открывает археология, показывает, что общий уровень их культуры (материальной и духовной) в предхристианское время был достаточно высоким. До нас дошли прекрасные образцы керамического производства племен черняховской культуры II–V вв. н. э., великолепные изделия антов и русов VI–VIII вв., произведения прикладного искусства раннегосударственного периода. В отдельных из них, таких как керамические чаши IV в., содержащие развитую календарную символику, зооморфные и антропоморфные фибулы-обереги VI–VIII вв., каменные изваяния богов и др., запечатлены представления восточных славян не только об окружавшем их земном мире, но также о небесном и подземном.

Языческая культура славянорусов, при внимательном ее изучении, оказывается сложным комплексом, многие элементы которого сложились в глубокой древности, причем не обязательно на праславянской этнической основе. В ней обнаруживается много таких черт, которые берут свое начало еще из эпохи энеолита или скифского времени.

Особый интерес в этом плане представляют изображения на серебряных браслетах-наручах и каменных рельефах идола бога Симаргла. Изобразительно и по форме названия он близко стоит к иранскому божеству Сенмурву. Б. А. Рыбаков полагал, что эта одинаковость или схожесть могла возникнуть еще в эпоху земледельческого энеолита, когда предки иранцев, славян, греков и фракийцев впервые создавали образы патриархальных божеств¹. Больше оснований, однако, полагать, что закрепление в славянском пантеоне форм божеств, близких

¹ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. С. 434–435.

к иранским, могло произойти в скифское время, которое характеризовалось особенно тесными контактами праславян и иранцев.

Знаменитый скифский звериный стиль ювелирного ремесла, развившийся под влиянием культур Греции и Переднего Востока, заметно выступает в восточнославянских зооморфных фибулах, змеевиках, браслетах-наручах, колтах, керамических плитках, резьбе по камню.

Славяно-русское языческое мировоззрение достигло наивысшей фазы своего развития в IX–X вв., когда культ княжеско-дружинного божества Перуна стал фактически государственной религией Киевской Руси. И тем не менее именно в этой фазе ему пришлось уступить место новой религии.

Новой (да и то относительно) для Руси. В действительности, ко времени введения его в качестве официальной государственной религии Руси христианство насчитывало тысячелетнюю историю. На берега Днепра оно пришло как вполне сформировавшаяся философская система, впитавшая в себя все лучшие достижения европейской мысли. Христианство создало яркое изобразительное искусство, архитектуру, письменность и литературу, новые моральные ценности, законодательство. Примером для Киевской Руси была не только Византия как источник религиозного просвещения, но и Европа, большинство стран которой уже приняло христианство. Русь не могла остаться в стороне от этой столбовой дороги европейского цивилизационного развития.

Абстрагируясь от сутубо церковного аспекта явления, следует признать, что в общественно-политической и культурной жизни Киевской Руси введение христианства сыграло исключительно важную роль. Оно придало значительное ускорение развитию восточнославянского общества, содействовало его вхождению в византийское содружество стран и общеевропейское христианское сообщество. Новая религия интегрировала под своей эгидой письменность, литературу, архитектуру, искусство, право. Примерами такого синтеза знаний и духовности были такие шедевры отечественной культуры, как София Киевская, Спас Черниговский, София Новгородская, Печерский монастырь и др. Православная Русская Церковь взяла на себя ответственность за духовное и нравственное воспитание народа, за формирование его мировоззрения.

Христианство для русских людей виделось своеобразным законом, который должен был упорядочить всю систему внутрисосу-

дарственной жизни. Когда Владимир посылал в разные страны послы для испытания веры, главной его заботой было обретение для Руси нового мироустройства. Наиболее подходящий послы увидели в Византии. Слушая их отчет в Киеве, бояре Владимира заметили: «Аще вы лихъ законъ гречьскый, то не вы баба твоя прияла, Ольга»¹.

В исторической литературе привычной стала формула, противопоставляющая язычество и христианство. В целом это справедливо, религиозная сущность у них действительно различна. В то время как для языческого мировоззрения сфера божественного находилась в природе, христианство вывело Бога за ее пределы, объявило его сверхъестественной силой, управляющей миром. Политеизм сменился монотеизмом.

И тем не менее в реальной жизни новая религия утверждалась не только посредством отрицания старой, но и приспособления ее к новому мировоззрению. Не случайно христианство заимствовало много элементов старой религии. Некоторые славянские божества получили имена христианских святых. Новогодние празднества приурочивались к церковному празднику Рождества и Крещения, день бога Ярила объединился с христианским Троицыным днем, день Перуна Громовержца стал днем Ильи Пророка.

Этот вынужденный со стороны Русской Православной Церкви компромисс был обусловлен ее стремлением ослабить противодействие широких слоев населения утверждению новой веры. С другой стороны, преемственность и определенная наслаиваемость религиозных верований представляется вполне естественным и закономерным явлением в развитии всех обществ. Киевская Русь не была здесь исключением.

Анализ источников показывает, что христианизация Руси не была единовременным актом. Это длительный и сложный процесс, начавшийся задолго до княжения Владимира Святославича и продолжавшийся после него.

Этапными вехами в этом процессе были: 60-е годы IX в., когда, после успешного похода на Константинополь русских дружин под водительством киевского князя Аскольда, Русь приняла христианство;

¹ ПВЛ. Ч. 1. С. 75.

40-е—50-е годы X в., когда, при покровительстве князей Игоря и Ольги, в Киеве функционировала влиятельная христианская община, имевшая свой соборный храм Святого Ильи; 70-е годы X в., характеризовавшиеся лояльным отношением правительства Ярополка Святославича к христианам.

Можно сказать, что в эти периоды на Руси имело место зыбкое равновесие двух идеологий, языческой и христианской, некое духовное двоевластие. Нарушение его в пользу язычества происходило в годы княжения Олега (882–912), Святослава (935–972), первый период княжения Владимира Святославича (980–987).

После 988 г. окончательно определилась победа на Руси византийского православия, ставшего государственной религией. Но это не значит, что языческое прошлое совсем ушло из жизни русского человека. Как важный элемент народной культуры, оно нашло свое отражение в широком круге произведений древнерусского прикладного искусства. Медальоны-змиевики, диадемы и бармы, колты, браслеты-наручи, резные изделия из дерева, камня и кости наполнены древней языческой символикой, передающей древо жизни, скоморошья пляски и бесовские игрища, фантастических животных и птиц, водную стихию, землю и небо.

Характерно, что на многих вещах языческая символика мирно уживалась с христианской, причем даже на сугубо церковных. Особый интерес в этом плане вызывает резьба по камню, украшавшая соборы Чернигова, Владимира-на-Клязьме, Юрьева Польского, Галича. Языческий символ многих сюжетов был лишь слегка облагорожен христианско-апокрифической символикой. Знаменитые вщижские арки XII в. работы мастера Константина, предназначенные для алтаря княжеской церкви, согласно Б. А. Рыбакову, являются ярчайшим образцом синтеза архаических языческих элементов во главе с изображением бога Симаргла и христианского представления о модели мира (по Козьме Индикоплову)¹.

Подобных примеров можно привести множество, и все они убедительно свидетельствуют, что у нас нет совершенно никаких оснований утверждать, будто с введением христианства оказались подрубленными корни славяно-русской самобытности.

¹ Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. С. 765.

Наоборот, сближение Киевской Руси с Византией, являвшейся наследницей цивилизации Востока и античности, открыло перед древнерусской культурой новые возможности развития. Обогащение происходило не только за счет вхождения в русскую жизнь христианского мировоззрения и связанных с ним культурных явлений, но также и за счет переноса на славяно-русскую почву древней языческой символики народов Востока и Средиземноморья. Разумеется, в новую среду эта символика вошла, скорее всего, лишь своей формой. Первичное семантическое ее содержание оказалось утерянным или измененным. Это надо иметь в виду при анализе славяно-русского языческого массива в прикладном искусстве, чтобы избежать ложных выводов относительно происхождения и содержания его отдельных элементов.

Несмотря на государственную поддержку, успехи утверждения христианства на Руси не были всеобъемлющими. В городах этот процесс шел быстрее, в деревне медленнее, а глухие уголки и вовсе долгое время оставались языческими. Как можно заключить из сообщений летописей, на Руси даже в XI–XIII вв. сохранялась питательная среда для существования жреческого сословия. Причем волхвы были не только в селах или далеких окраинах, но и в крупных городах: Киеве, Новгороде, Суздале и др. В трудные для страны периоды, связанные с голодом, мором или военной опасностью со стороны кочевников, волхвы оказывались способными подвигнуть часть населения на возврат к прадедовской языческой вере. Масштабы этих явлений были таковы, что вызывали беспокойство отцов Русской Православной Церкви. В течение X–XIII вв. появился целый ряд поучений, направленных против язычества.

Свидетельством жизненности язычества в это время являлось, в частности, бытование в княжеской среде двойных имен, языческих и христианских, появление золотых и серебряных женских украшений с древней символикой, возрождение обычая народных гуляний.

Приведенные выше примеры, как полагал Б. А. Рыбаков, убедительно свидетельствуют о сложении на Руси своеобразного двоеверия, при котором деревня просто продолжала свою прадедовскую религиозную жизнь, числясь крещеной, а город и княжеско-боярские круги, приняв многое из церковной сферы, не забывали и своего языческого прошлого.

Думается, однако, что вывод о двоеверии в Киевской Руси не может быть бесспорным. Трудно представить человека средневековья, который бы верил одновременно и в христианского Бога, и в языческое многобожие. Ссылки на сохранение народных обычаев, идущих из древности, или наличие языческих элементов на памятниках прикладного искусства, соседствующих с христианской символикой, далеко не всегда корректны. Во-первых, нельзя доказать, что изготовители и потребители произведений искусства с древними сюжетами понимали их изначальное семантическое значение, а во-вторых, вещи, где соседствует языческая и христианская символика, безусловно, относились к предметам не двоеверного круга, а христианского. Истинное идеологическое их содержание всегда определялось новой символикой.

Конечно, русские люди не забыли в одночасье свое языческое прошлое. Но с течением времени оно все больше теряло религиозно-магическое содержание, переходило в сферу народной культуры и быта. Из сознания в подсознание, из области веры в область суеверия.

Если бы это было не так, если бы обе религиозные системы мирно уживались в сознании русских людей, тогда совершенно невыносимыми были бы межрелигиозные конфликты, взаимная борьба языческого жречества и православного духовенства, о чем сообщают летописи и церковные поучения.

Объективный анализ всего комплекса явлений духовной и материальной культуры Киевской Руси убеждает, что основой мировоззренческого и нравственного развития древнерусского общества уже с X в. являлось все же православное христианство.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОПОГРАФИЯ РАННЕГО КИЕВА: РЕАЛЬНАЯ И ВЫМЫШЛЕННАЯ¹

В последние годы заметно оживились исследования по исторической топографии раннего Киева. Развернувшаяся на страницах журнала *Ruthenica* дискуссия показала, что новое поколение киевоведов испытывает определенную неудовлетворенность многими, казалось бы, хрестоматийными положениями в этой области. Речь идет о местонахождении древнейшего городского средоточия и его датировке, об атрибуции объектов, ранее признававшихся языческими капищами, исторической топографии центральной части Киева времени княжения Ольги, интерпретации срубной постройки под Десятинной церковью, времени сооружения и характере укреплений «города Владимира», местонахождении Боричевого узвоза и др.

Разумеется, это естественный процесс научного познания, когда новое поколение исследователей пересматривает или уточняет выводы своих предшественников. Другое дело, насколько эти новации обоснованны источниками. При знакомстве с публикациями по этой теме далеко не всегда возникает ощущение их крайней необходимости, вызванной обретением неопровержимых аргументов. Иногда, о чем речь пойдет ниже, это воскрешение давних точек зрения, не получивших в последующем научного признания, чаще же авторские предположения, основанные скорее на исследовательской интуиции, чем на системе твердых фактов. Имеют место, к сожалению, и откровенно эпатажные утверждения, вообще ни на чем не основанные.

¹ Толочко П. Дискусії // *Ruthenica* VIII (2009). С. 151–183.

1. Древнейшее городское средоточие

Анализ историко-топографической динамики раннего Киева начнем с выяснения местонахождения древнейшего городского (или протогородского) ядра. В свое время, основываясь на тщательном учете археологических находок VI–VIII вв., автор этих строк пришел к выводу, что средоточием начального Киева была Замковая гора, а также северо-западный отрог горы Старокиевской¹. В целом это положение не претерпело в новых исследованиях существенной корректировки, если не считать того, что некоторые молодые авторы сжились с ним, как со своим². Что касается точных датировок, то здесь, видимо, с одинаковым правом и впредь будут существовать разные мнения. В большей мере это относится ко времени сооружения древнейших укреплений на Старокиевской горе, которое определяется исследователями по-разному. М. К. Каргер полагал, что их появление следует относить к VIII–IX вв. Свою дату он обосновал находками лепной керамики этого времени, обнаруженной в заполнении древнейшего рва. Находилась она, как отмечали в своих дневниках Ф. Н. Молчановский и В. К. Гончаров, на самом дне³, что действительно может служить хронологическим маркером времени начального этапа функционирования рва. Другое дело насколько М. К. Каргеру удалось точно продатировать эту лепную керамику, тем более что он не исключал отнесение ее и «к более раннему времени»⁴.

Многолетние археологические раскопки, осуществленные на Старокиевской горе С. Р. Кирилич и автором этих строк, обнаружили остатки, по меньшей мере, трех жилищ, в которых выявлена лепная керамика пражского типа VI в. и волынцевско-роменского — VII–VIII вв.⁵ Еще одно жилище VI–VII вв. выявлено раскопками 1937 г. у древнего капища, которое перекрывало его значительную часть. В 1939 г. в усадьбе Киевского исторического музея, почти у самого края

¹ Толочко П. П. Історична топографія стародавнього Києва. Указ. соч, С. 42–53, 66.

² Козюба В. К. «Місто Володимира» у Києві: історична реальність чи історіографічний міф? Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 257.

³ Мовчанівський Т. М. Щоденник розкопок 1936 г. Научный архив Института археологии НАН Украины. С. 43, 51–56.; Гончаров В. К. Щоденник розкопок. Там же. С. 84–89.

⁴ Каргер М. К. Древний Киев. Т. 1. М.; Л., 1958. С. 103.

⁵ Толочко П. П. Древний Киев. К., 1983. С. 25–28.

Старокиевской горы удалось раскопать жилище, которое его исследователь, по составу находок, датировал VIII–IX вв.¹

Исходя из результатов раскопок, а также из того, что керамика VI–VII вв. неоднократно обнаруживалась также и на Замковой горе, я счел возможным отнести к этому времени и сооружение первого киевского укрепления. В пользу такой датировки свидетельствуют также находки на Старокиевской и Замковой горах византийских монет конца V–VI вв., фибулы с красной выемчатой эмалью V–VI вв., зооморфных и антропоморфных фибул VI–VII вв., литых браслетов с утолщенными концами VII в., браслетов с расширяющимися пустотелыми концами VII–VIII вв.²

Исходя из того, что вещи третьей четверти I тыс. н. э. находились не только на территории древнейшего городища, но и вне его, в том числе и в районе Софийского собора, ул. Малой Житомирской, других местах, я высказал предположение о том, что в это время была заселена также и южная околица Старокиевской горы³. Убедительных археологических подтверждений оно не получило до сих пор, но какие-то следы жизни здесь все же выявить удалось. Керамика третьей четверти I тыс. н. э. обнаружена, в частности, раскопками экспедиции Я. Е. Боровского в юго-восточной части «города Владимира»⁴. Во время раскопок Десятинной церкви в 2006–2009 гг. были обнаружены остатки жилища VIII в.⁵

В новых исследованиях авторы предпочли датировку древнейших укреплений, предложенную М. К. Каргером, правда, несколько сузив ее до середины — второй половины VIII в.⁶ Каких-либо новых дан-

¹ Каргер М. К. Древний Киев. Указ. соч. С. 105.

² Толочко П. П. Древний Киев. Указ. соч. С. 25–28.

³ Толочко П. П. Исторична топографія. Указ. соч. С. 54.

⁴ Боровський Я. Е., Калюк О. П. Дослідження київського дитинця. Стародавній Київ. Археологічні дослідження 1984–1989 рр. К., 1993. С. 3–42.

⁵ Раскопки экспедиции под руководством Г. Ю. Ивакина.

⁶ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 257. Научная общественность еще не успела осмыслить на основании каких материалов получена дата: середина — вторая половина VIII в., как В. К. Козюба порадовал новой. В интервью газете «Сегодня» от 1.12.2009 г. он сообщил читателям, что первые укрепления на Старокиевской горе появились только в X в., во время правления Игоря и Ольги. После этого открытия будто бы даже «встал вопрос о пересмотре топографии Киева языческого периода». Что можно сказать на это? Только то, что прежде чем приниматься за непосильную для себя задачу пересмотра исторической топографии языческого Киева, ему следовало бы пересмотреть собственное разномыслие, разобраться в том, что из сказанного им основано на археологических данных, а что является плодом воображения.

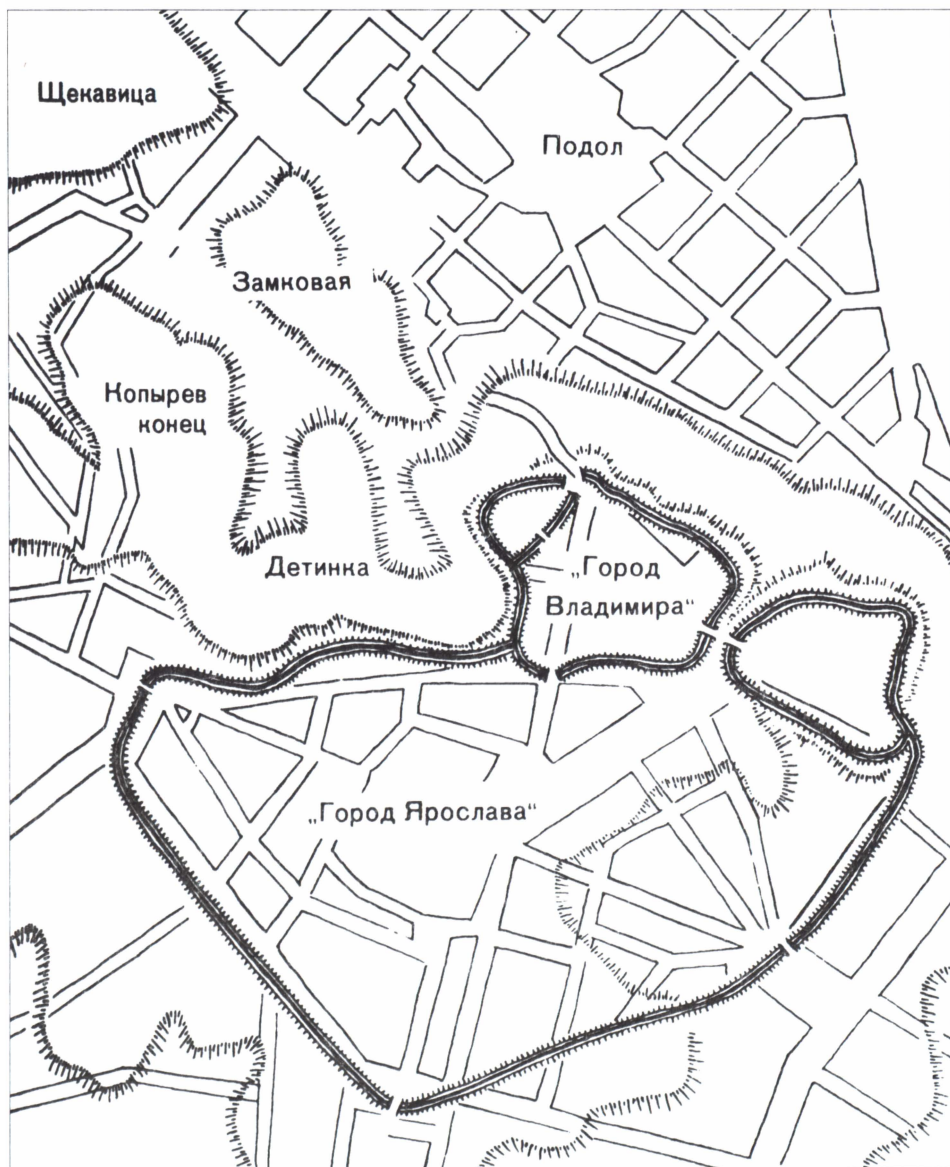

Рис. 1. План укреплений Верхнего Киева VI—XI вв.

ных, подтверждающих эту дату, нет. Исследования рва у Десятинной церкви, осуществленные в 2005–2008 гг., не выявили находок, которые бы поддержали такой вывод. По существу, и не могли выявить, поскольку любые находки в заполнении рва могут указывать лишь на относительную хронологию его жизни. Не случайно исследователи,

вместе проводившие в течение ряда лет раскопки, не сошлись даже в вопросе о времени прекращения его функционирования. А. В. Комар считает, что укрепления прекратили существование уже в начале IX в.,¹ а В. К. Козюба относит это событие ко времени Святослава². Ни тот, ни другой не привели в пользу своих предположений сколько-нибудь убедительных археологических свидетельств.

Нельзя признать удачной и попытку разобраться в характере древнейших укреплений. Как утверждает А. В. Комар, ни одна из работавших на городище экспедиций не обнаружила следов древнейшего вала потому, что его и не было — по краю рва с внутренней стороны стояла дерево-земляная стена, укрепленная глиняным откосом, частью рухнувшая в ров³.

Здесь согласиться можно только с тем, что присутствие деревянных конструкций в заполнении рва — это не следы каких-то немислимых его ремонтов, как кажется В. К. Козюбе и его петербургским коллегам, а рухнувшая в него (или намеренно сброшенная) стена, находившаяся на валу⁴. Что он был, не требуется никаких специальных доказательств. Достаточно только задуматься над тем, куда строители укреплений дели землю, вынутую при отрывке рва. Во все времена и у всех народов она служила для насыпи вала, который собственно и являлся главным оборонительным сооружением. Чем глубже и шире был ров, тем выше и мощнее вал. Несомненно, так было и в данном случае. А не обнаружили его исследователи по очень простой причине. Насыпь вала вернули в ров во время планировки древних укреплений. Иначе, чем можно было его заполнить?

¹ Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. *Ruthenica IV* (2005), 124 и сл.

² Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 263–264.

³ Комар А. К дискуссии. Указ. соч. С. 125.

⁴ Там же. С. 134–135. Выявленные новыми раскопками незначительные следы деревянных конструкций в средней части откоса первичного рва с городской стороны невозможно интерпретировать как срубное его укрепление. Во-первых, лесовые стенки рва не нуждались ни в каком специальном укреплении, чего и не знает европейская средневековая фортификация. Во-вторых, небольшие размеры предполагаемого сруба (менее 1 м по ширине), а также отсутствие угловых замков с подгородной стороны делают эту конструкцию совершенно бессмысленной в инженерном отношении. Она не только не могла ничего укрепить, но сама нуждалась бы в укреплении. К тому же, как явствует из обмерного чертежа разреза, эта конструкция не простиралась на всю высоту рва, будучи перекрыта слоями засыпки.

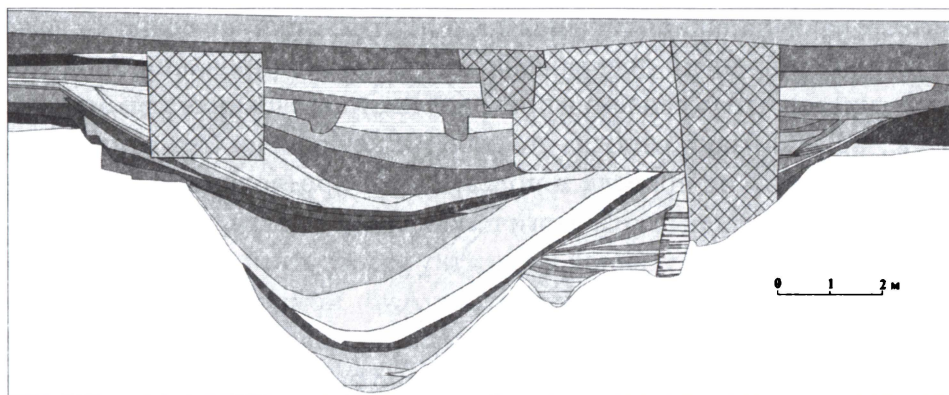

Рис. 2. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

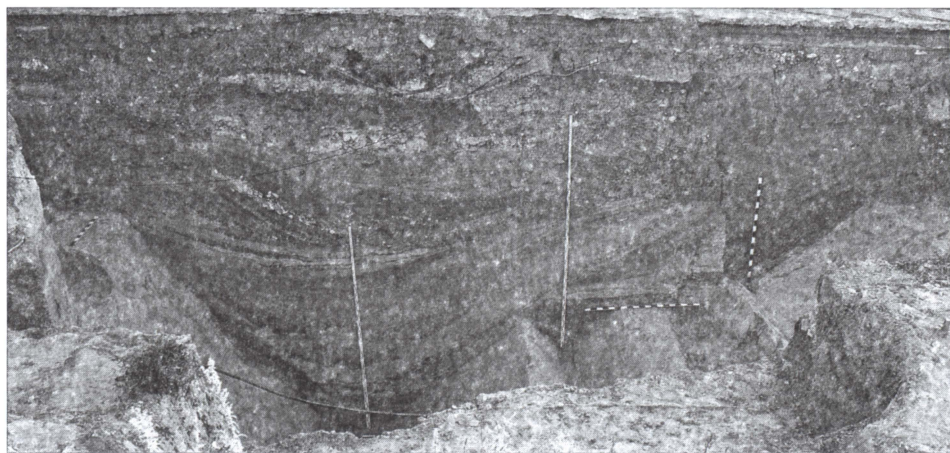

Рис. 3. Разрез рва древнейшего городища. 2009 г.

Что касается наблюдения Д. В. Милеева 1912 г. о наличии «на внешнем гребне рва следов кольев, забитых в землю на расстоянии 15 см один от другого», то оно не столько порождает сомнения в наличии вала, сколько укрепляет в этом. Колья эти служили конструкцией для насыпки вала, как впоследствии эту функцию выполняли деревянные клетки. Иначе невозможно было обеспечить его крутизну и предохранить внешний скат от сползания в ров.

По существу, дискуссия на эту тему кажется излишней и в свете предположений самого А. В. Комара. Ведь дерево-земляная стена, шедшая по внутренней стороне рва, о которой говорит молодой исследователь, это и есть тот самый вал, которого он не может обнаружить.

За пределами научного знания оказались и наблюдения о перерывах в заселенности древнейшего киевского ядра, которые, согласно А. В. Комару, приходятся на конец VII — начало VIII в., а также на первую треть IX — вторую половину IX в. Их совершенно нечем доказать. Сделать это было бы крайне сложно даже и в том случае, если бы поселения на Старокиевской и Замковой горах сохранили четкую культурную стратиграфию. Но ведь ее же нет. Активная жизнедеятельность в древнерусское и последующее время практически уничтожила древнейшие культурные слои. Только небольшие их островки сохранились до наших дней. Утверждение названного автора, что сооруженные или обновленные в волынцевское время укрепления на Старокиевской горе «гибнут в первой трети IX в. в результате штурма», и вовсе невозможно комментировать из-за очевидной надуманности. Ни в письменных, ни в археологических материалах они не находят подтверждения.

Если исходить из наличествующих археологических артефактов, а не из умозрительных авторских «сценариев развития города», то придется признать историческую непрерывность развития жизни на Замковой и Старокиевской горах от VI–VII вв. до летописного Киева. Новый этап исследований не привнес качественно иных источников, которые бы дали основание кардинальному пересмотру хронологии древностей начального киевского ядра. Не оказалось продуктивным и переосмысление уже известных источников.

Сказанное в полной мере относится и к новейшей интерпретации каменного сооружения, открытого В. В. Хвойкой в пределах древнейших укреплений в 1908 г. Для В. К. Козюбы отождествление его с языческим капищем кажется неубедительным: «Никаких весомых аргументов в пользу такой атрибуции нет, кроме ссылок на длинный перечень исследователей, которые а priori приняли эту точку зрения»¹. А. В. Комар, не оспаривая назначение этого сооружения, ставит под сомнение его хронологию. Ему не кажется верной мысль М. К. Каргера о том, что капище возможно датировать VIII в., а поэтому предлагает относить время его возведения только к X в.² Некоторых исследователей наличие каменного капища в пределах древнейших укреплений

¹ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 257.

² Каргер М. К. Древний Киев. С. 111; Комар А. К дискуссии. С. 129.

Рис. 4 . Языческое капище на Старокиевской горе. Рисунки В. В. Хвойки.

привело к мысли о сакральном характере городка, который являлся будто бы исключительно местом исполнения языческих обрядов¹.

Удивительно, но при высказывании новых взглядов авторы часто не проявляют не только историографической корректности, но и элементарного уважения к источникам. Конечно же, в пользу сакрального характера каменного сооружения свидетельствует не только «длинный перечень» сторонников такого отождествления. На эту мысль В. В. Хвойку и других ученых натолкнуло обнаружение рядом с каменным сооружением, с западной его стороны, так называемого жертвенного столба, состоявшего из чередующихся слоев сильно обожженной глины с прослойками золы и угля, а также нахождение вокруг него большого количества костей и черепов животных, главным образом, домашних².

Неубедительным выглядит и утверждение о городище-святилище. Даже если бы на его территории не были обнаружены реальные следы заселенности VI–VIII вв., в пользу этого свидетельствовали бы остатки мощных укреплений, совершенно немыслимых и не нужных, если бы на всем двухгектарном плато Старокиевской горы функционировал только один языческий храм.

¹ Катышев Д. М. Начальный этап истории Киева (IX–X вв.). Вестник Челябинского государственного университета. Серия 1. История. 2005. № 2 (18). С. 8–13. Правда, мысль эта не новая, но высказанная еще в 70-е годы XX ст. М. Х. Алешковским (Алешковский М. Х. Повесть временных лет. М., 1971. С. 126)

² Хвойка В. В. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. К., 1913. С. 66.

В свою очередь, В. К. Козюба аргументирует отрицание сакрального характера каменного сооружения тем, что оно находится среди поселенческой застройки, тогда как капище якобы непременно должно было быть вне населенного пункта¹. Такая точка зрения в литературе действительно высказывалась, но никто так и не смог определить, во-первых, непременную закономерность этой экстерриториальности, а во-вторых, какой удаленностью от поселенческой структуры она должна определяться.

2. «Град» Кия и Боричев узвоз

Теоретически вопрос о том, возможно ли отождествлять укрепленное поселение на Старокиевской горе с летописным «градом Кия» не вызывает больших затруднений. Такой вывод вытекает из анализа летописного известия об основании тремя братьями Киева. Изначально, как пишет летописец: «сѣдаще Кии на горѣ гдѣже нѣны оувозъ Боричевъ. а Щекъ сѣдаше на горѣ. гдѣже нѣны зовется Щековица. а Хоривъ на третѣи горѣ. ѿ негоже прозвася Хорєвица»².

Учитывая, что древнейшее предгородское поселение находилось на Замковой горе, представлявшей собой естественную крепость, предположение Б. А. Рыбакова о нахождении на ней первоначального «городка Кия» не может вызвать сколько-нибудь обоснованных возражений³. Однако это вовсе не значит, что первый киевский князь не имел отношения к «городку» на Старокиевской горе. Из буквального содержания летописного предания следует, что после того как братья поселились на отдельных горах, они построили общий «град» и назвали его в честь старшего брата Киевом: «и створиша градъ во имя брата своѣго старѣишаго. и нарекоша имя емоу Киевъ»⁴.

Разумеется, это не свидетельство очевидца, но предание, и мы не обязаны относиться к нему как к документу. Но «град» на Старокиевской горе действительно обнаружен и это позволяет видеть в этом предании вполне конкретные исторические реалии. Как и в изве-

¹ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 270.

² ПСРЛ. Т. 1. С. 9.

³ Рыбаков Б. А. Город Кия // Вопросы истории. 1980, № 5. С. 42–45.

⁴ ПСРЛ. Т. 1. С. 9.

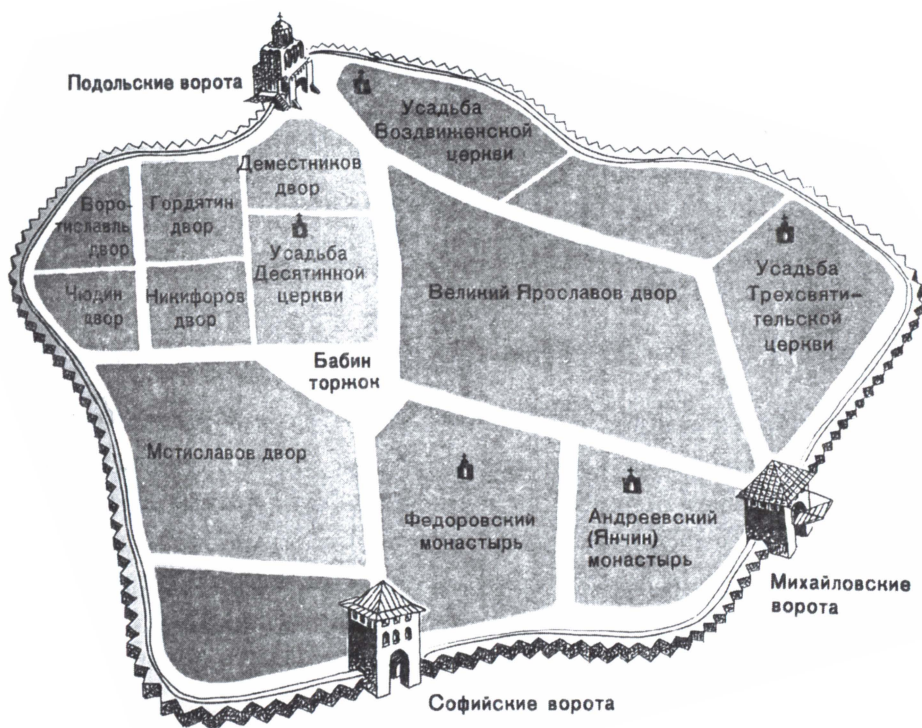

Рис. 5. Социальная топография «города Владимира» X—XIII вв.

стии статьи 862 г., рассказывающей об овладении Киевом Аскольда и Дира: «и пондоста по Днѣпру. и идуче мимо и оузрѣста на горѣ градок»¹. На вопрос, чей он, Аскольд и Дир получили ответ, что это городок Кия, построенный тремя братьями.

Рассуждения о том, какой городок увидели с Днепра плывшие по нему Аскольд и Дир, не имеют принципиального значения. С Днепра одинаково хорошо просматривались обе горы: Замковая и Старокиевская. Важным здесь представляется только то, где находилась в это раннее время княжеская резиденция. Традиционное мнение, высказывавшееся многими исследователями о том, что древнейший Киевград располагался на Старокиевской или западной части Андреевской горы, в последнее время подверглось пересмотру. Развивая давно высказанную мысль, что древнейшим средоточием киевской жизни была Замковая гора, В. Н. Зоценко пришел к выводу, что именно на

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 20.

ней и была «княжеская резиденция Игоря — Ольги — Святослава и его сыновей»¹.

Какие-либо археологические источники на этот счет отсутствуют, а поэтому В. Н. Зоценко в доказательство своего предположения привлек летописные свидетельства. Привлек, надо сказать, не очень корректно, а осмыслил и вовсе неверно. Пространная статья 945 г. не дает и малейших оснований располагать княжеские постройки этого времени на Замковой горе. Если не фантазировать, а держаться свидетельства летописца, то окажется, что «город Киев», княжеский двор в городе и двор теремной вне города четко маркируются Боричевым узвозом, Десятинной церковью и двором деме́стника. Имеющееся уточнение, что на территории древнейшего града во времена летописца располагались дворы четырех киевских бояр, также не отсылает нас к Замковой горе. И напрасно В. Н. Зоценко так много внимания уделил анализу этого сюжета. В свое время мной была предпринята попытка увязать находки киевских кладов с летописными боярскими дворами, из которой следует, что на Старокиевской горе предполагать такие дворы возможно, тогда как на Замковой — нет².

Длительное время исследователи исторической топографии полагали, что открытые В. В. Хвойкой фундаменты каменной постройки над усадьбой № 38 по Андреевскому спуску и есть остатки летописного терема княгини Ольги. Того, который располагался «внѣ городѣ», т. е. за пределами укреплений. Новые исследователи поставили под сомнение и этот вывод. Главным аргументом здесь является неизвестно на чем основанное убеждение, что каменное строительство

¹ Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева // *Ruthenica* II. К. (2003). С. 33–35. А. В. Комар, поддержавший В. Н. Зоценко в его локализации княжеского двора на Замковой горе, пустился в отвлеченные рассуждения, что ранний княжеский двор напоминал большую укрепленную усадьбу с большим деревянным теремом, амбарами, погребями и полуземлянками челяди, казармами для дружины (см.: Комар А. К дискуссии. С. 131). С этим можно было бы и согласиться, если бы эти рассуждения хоть в малой степени опирались на реальные археологические данные.

Странная логика получается у названных авторов. Для размещения древнейшего княжеского городка на Старокиевской горе нужны фактологические доказательства, а на Замковой — достаточно формулы: «Я так думаю». Кстати, площадь Замковой горы равняется не 20 га, как утверждал В. Н. Зоценко, а меньше 10 га. И над уровнем Днепра она возвышается не на 100 м, а в лучшем случае, на 60–70 м. Эти уточнения не влияют на правильность (или неправильность) его выводов, но свидетельствуют о недостаточной внимательности к точности фактов.

² Толочко П. П. Древний Киев. С. 197–198.

в Киеве началось только во времена Владимира, а также и то, что т. н. «восточный» (северо-восточный) дворец не согласован планировочно с Десятинной церковью, а посему появился уже после завершения ее строительства.

Оба аргумента не имеют сколько-нибудь убедительных оснований. При повторном вскрытии фундаментов Ф. Н. Молчановским экспертная комиссия, в которую входил и историк архитектуры И. В. Моргилевский, действительно определила время возведения этого дворца концом X или началом XI в. Правда, никаких доказательств этого предположения она не привела. К тому же отметила еще одно любопытное обстоятельство, почему-то ускользающее от внимания последующих исследователей: рядом с монументальной кладкой выявлены и другие строительные остатки, включающие камни красного кварцита, которые не были архитектурно связаны с основной постройкой¹. Как видим, Ф. Н. Молчановским были обнаружены остатки, возможно, двух каменных сооружений, не обязательно одновременных.

Судя по хорошо исследованным ныне фундаментам Десятинной церкви и описанию таковых «восточного» дворца, они действительно близки между собой. Но эта констатация вовсе недостаточна для того, чтобы утверждать, будто строительство дворца непременно следовало за возведением Десятинной церкви. Могло быть и наоборот. На основании сравнительных сопоставлений материала и характера кладки определить точную хронологию просто невозможно.

Что касается несовпадающей планировки «восточного» дворца с ориентацией Десятинной церкви, то этот аргумент, если им вообще корректно оперировать, скорее в пользу более ранней его даты, чем поздней. При одновременном возведении архитектурного комплекса «города Владимира», как и последовательном, где первым зданием была Десятинная церковь, его строители непременно должны были учитывать осевые координаты этой главной постройки, что и подтверждается планировкой т. н. «западного» дворца. И конечно, несовпадение планов «восточного» и «южного» дворцов с Десятинной церковью несерьезно объяснять особенностями рельефа.

¹ Научный архив Института археологии НАН Украины 1938 г. № 331.

Как известно, временем, предшествующим строительству Десятинной церкви, С. П. Вельмин датировал «южный» (юго-восточный) дворец. Одним из аргументов этому был и тот, что здание расположено под углом к Десятинной церкви и всего лишь на расстоянии 5 м от нее. Кроме того, согласно его наблюдению, дворец ко времени завершения строительства Десятинной церкви был разобран, а над засыпанными фундаментными рвами находилась вымостка из сырцового кирпича, которым была выложена вся спланированная околоцерковная площадь¹. М. К. Каргер подверг сомнению наличие сырцовой вымостки, но лишь на том основании, что о ней ничего не сказано в отчете Д. В. Милеева. Еще одним доводом для С. П. Вельмина служило и то, что ширина фундамента дворца значительно превышала ширину фундамента Десятинной церкви.

Возвращаясь к свидетельствам летописной статьи 945 г., следует сказать, что их историческая достоверность нашла подтверждение и в раскопках 1970–1972 гг. Ими были выявлены в самом центре древнейшего городища остатки еще одной монументальной постройки. Ее фундамент состоял из валунов, рваного песчаника, шиферных плит, уложенных на глиняном растворе. В отдельных местах находилась кладка из квадратной и очень тонкой плинфы, также положенной на глиняном растворе. По характеру кладки и плановой структуре, что показали раскопки В. А. Харламова, это сооружение отличалось от известных ранее дворцовых построек, что позволяет относить его к более раннему времени².

Не исключено, что исследованные в центре древнейшего городища каменные фундаменты принадлежат тому дворцу Ольги, который

¹ Вельмин С. П. Раскопки Археологической комиссии в Киеве в усадьбе Десятинной церкви летом 1911 г. Университетские известия. К., 1914, октябрь (Отчет о деятельности Историко-Этнографического кружка при Университете св. Владимира за 1911–1912 учебный год). С. 5–6.

² Толочко П. П. Древний Киев. К., 1976. С. 28; Боровский Я. Е. Светские постройки. Новое в археологии Киева. К., 1981. С. 175–180. Недавно этот вывод подвергся кардинальному пересмотру в кандидатской диссертации Санкт-Петербургского исследователя Д. Д. Елшина, полагающего, что постройка в центре древнейшего городища была возведена не ранее конца XI в. (Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений конца X века на Старокиевской горе: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. СПб., 2008. С. 19).

Приведенные им аргументы, основанные на «анализе материалов археологических раскопок», совершенно недостаточны, чтобы опровергнуть выводы В. А. Харламова, Г. Н. Логвина, Н. В. Холостенко, осуществивших эти раскопки и наблюдавших выявленные части построек не по фотографиям и чертежам, а, что называется, воочию.

был в городе: «а дворъ княжь баше в городѣ». Отсутствие летописного уточнения о характере княжеского дворца на этом дворе не является основанием для отрицания его каменной архитектуры. К тому же, он мог быть и деревянным на каменном основании, о чем автору уже приходилось писать.

О том, из какого терема (деревянного или каменного) наблюдала Ольга за шествием древлянских послов в летописи вообще ничего не говорится. И миниатюра Кенигсбергской летописи здесь ничем помочь не может, как это казалось В. Н. Зоценко. Фахверковая постройка, изображенная на ней, не отражает ни одного из типов киевской жилой архитектуры X в. и определенно позаимствована копиистом из близкой ему западноевропейской действительности XV в.

В заключение данного сюжета хотелось бы призвать своих молодых коллег к более корректному использованию письменных источников. В последних нельзя вычитывать то, чего в них нет. Если сказано, к примеру, что теремной двор Ольги с каменным дворцом находился за Святою Богородицею над горою, и место это уточнено двором регента Десятинной церкви, то именно это и следует анализировать. Если приводится свидетельство о князем дворе в городе, то надо не отсылаться к Замковой горе, где никаких княжеских построек не обнаружено, как и древнейших укреплений, а обратиться к реальным остаткам постройки в центре древнего городища и хотя бы задаться вопросом, а не о ней ли говорил летописец?

Для выяснения местонахождения административного средоточия раннего Киева определяющее значение имеет летописная связь его с Боричевым узвозом. Во всех упоминаниях эта древнейшая киевская улица служит как бы уточняющим ориентиром. В 945 г. древлянское посольство «присташа подѣ Боричевѣмъ в лоды», чтобы затем проследовать на Ольжин двор. В 988 г. по Боричевому узвозу влекли с горы к Днепру статую бога Перуна. В 1185 г. по Боричевому узвозу, как говорится в Слове о полку Игореве, ехал князь Игорь Святославич к подольской церкви Святой Богородицы Пирогощи. Еще определеннее местонахождение древнейшего киевского «града» фиксирует статья недатированной части Повести временных лет, рассказывающая об основании Киева: «сѣдаше Кии на горѣ гдѣже нѣныѣ оувозъ Боричевъ»¹.

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 9.

Конечно, это нынешний (и давний) Андреевский узвоз. Предпринимавшиеся неоднократно, в том числе и в последнее время, попытки расположить Боричев узвоз в отрыве от древнейшего городского ядра, совершенно некорректны. Это в полной мере относится и к версии С. Т. Голубева, поддержанной ныне пространными рассуждениями А. В. Комара о том, что узвоз этот находился в районе Михайловского Золотоверхого монастыря¹. Версия эта в принципе недоказуема. Уже хотя бы потому, что Михайловская гора не была заселена вплоть до начала XI в., а следовательно никакой нужды в узвозе на Подол в это раннее время здесь не могло быть даже теоретически. Более того, его не было там и в последующие века древнерусской истории.

Ссылки на первые планы города, в частности на аксонометрию Ушакова 1695 г., некорректны. На них в районе Михайловского монастыря нет никакого узвоза. Нарисована калитка, ведущая на склоны горы, примерно по трассе нынешнего фуникулера². Крутизна рельефа не позволяла проложить здесь дорогу к Днепру не только в древнерусское или позднесредневековое время, но и позже. В то время как древнейший узвоз по линии нынешнего Андреевского спуска функционировал (документированно) по крайней мере с самого начала XVII в.³ Это отчетливо видно из той же карты Ушакова. На ней

¹ Голубев С. Т. Спорные вопросы о древней топографии Киева. К., 1910.; Комар А. В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева. Стародавній Іскоростень і слов'янські гради. Т. 1. Коростень, 2008. С. 192–225.

² В Росписи Киеву 1674 г. читаем: «От наугольной башни Меньшого города к Михайловскому монастырю две горы, и по тем горам острог деревяной, а промеж гор на острогу внизу рубленая стена... в стене калитка, ходят к реке Днепр» (Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. К., 1982. С. 115).

³ Захария Копыстенский в «Палинодии» (1621), локализируя место, где св. Андрей водрузил крест, указывает на гору «Вздыхальную» (ныне Андреевскую). Ее название он объясняет следующим образом: «Тая гора оттоль зовуть Вздыхальницею, ижъ высокою будучи, людей з долу идучи взыхаютъ, а на верхъ вшедши отдыхаютъ, почиваючи» (Lev Krevza's *Obrona iednosci cerkiewney and Zaharija Kopystenskyj's Palinodija* [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature. Texts: vol. 3] (Cambridge, MA, 1987), 475.

Афанасий Кальнофойский в «Тератургиме» (1638) описывает чудо, случившееся в 1621 г. с князем Павлом Курцевичем. Из его описания узнаем, между прочим, что главная (а, может, и единственная) дорога из Киева (т.е. Подола) в Печерский монастырь пролегала через гору «Вздыхальницу» и по ней ездили на возах (Seventeenth Century Writings on the Kievan Caves Monastery [= Harvard Library of Early Ukrainian Literature, vol. 4] (Cambridge, MA., 1987). Р. 215). Расположение Воздыхальной горы (Уздыхальницы) непосредственно напротив Замковой горы удостоверяется люстрацией Киевского замка 1552 г. (Архив Юго-Западной России. Часть VII. Т. 1. К., 1886. С. 108). Там же ее указывает и Петр Развидовский (1634) в описании владений доминиканского конвента (Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1874, отд. II. С. 103).

между Старокиевской и Андреевской горами помещены Киевские ворота, от которых начинается «большая дорога с Верхнего города на Подол». В своей нижней части она обозначена как «взвоз на гору в Киевские ворота».

3. Могильник на Старокиевской горе и дом варяга

В историко-топографической структуре раннего Киева одно из существенных мест принадлежит могильнику. Начинаясь сразу же за валом и рвом древнейшего поселения и простираясь в южном и западном направлении по всей территории будущего «города Владимира»¹.

Один из первых исследователей погребальных памятников Киева Я. Волошинский отмечал, что в киевской местности курганы расположены частично в самом городе, в местах, заселенных не более трех десятков лет назад, частично в его предместьях. По его подсчетам, число курганов достигало 280. Пятнадцать из них представляли собой отдельно стоящие насыпи, остальные располагались группами². Приводя такую топографическую характеристику киевских курганов, Я. Волошинский, разумеется, не имел в виду центральную историческую часть города, где к его времени курганы были спланированы. Однако, если бы они здесь сохранились, их топографическое расположение было бы таким же.

Определенно, они не занимали сплошь всю территорию будущего «города Владимира». Исследования показали, что погребения располагались группами. Наиболее значительные были раскрыты раскопками В. В. Хвойки, Д. В. Милеева и С. П. Вельмина, М. К. Каргера в усадьбе Десятинной церкви, раскопками С. С. Гамченко, Я. Е. Боровского в усадьбе Трубецкого (ул. Владимирская, 1–3), Я. Е. Боровского и И. И. Мовчана в юго-восточной части «города Владимира»³. От-

¹ Здесь нет необходимости комментировать утверждение В. Н. Зоценко о том, что могильником была занята и площадка древнейшего городища, поскольку его некорректность уже показал Ф. А. Андрощук (см.: Андрощук Ф. Скандинавские древности в социальной топографии древнего Киева. *Ruthenica III* (2004). С. 11).

² Волошинский Я. Киевские курганы. ИОЛЕАЭ. Т. 20. Труды Антропологического отдела. Кн. 2. Вып. 1. М., 1876. С. 76.

³ Мовчан І. І., Боровський Я. Є., Гончар В. М., Ієвлев М. М. Звіт про археологічні дослідження на вул. Великий Житомирський, 2-А у м. Києві. Археологічні відкриття в Україні 2002–2003 рр. К., 2004. С. 226–227.

дельные погребения встречались в усадьбе Главтелеграфа, в районе ул. Рейтарской и Большой Житомирской, а также на Михайловской горе, вблизи Софии и Золотых ворот.

Результаты исследований могильных древностей систематизированы в работах Л. А. Голубевой, М. К. Каргера, С. Р. Килиевич, а также в ряде других, что избавляет автора от повторения этой аналитической работы. В целях данного исследования важно остановиться на вопросах топографии могильника в пределах «города Владимира» и его хронологии, поскольку именно они представляют наибольший интерес для выявления историко-топографической динамики этой части древнего Киева. В значительной степени эта работа уже проделана¹, поэтому здесь я сосредоточу главное внимание на отдельных спорных интерпретационных положениях, которые появились, в том числе, и в последнее время.

Могильник состоял из погребений, выполненных по обряду кремации и ингумации. Судя по сведениям, попавшим в печать, соотношение трупосожжений и трупоположений может быть выражено цифрами 1–1,5 к 10. Разумеется, это не объективная картина. Процент трупосожжений был, по-видимому, значительно большим. Просто они труднее поддаются выявлению, а поэтому и исследованы в меньшем количестве. Инвентарь этих погребений бедный: глиняные урны с сожженными костями, одиночные бронзовые украшения, фрагменты лепной посуды².

К сожалению, в настоящее время невозможно ответить на вопрос, какой была эта лепная керамика: корчакско-пражская, волынцевороменская или лука-райковецкая? Однако даже на основании столь незначительной информации можно сделать заключение, что трупосожжения относятся к начальному этапу существования Киева.

В ряде погребений, раскопанных в усадьбах 1–3 по ул. Владимирской, прослежен своеобразный промежуточный обряд. Костяки лежали в деревянных гробах, но были обильно посыпаны золой и углем. В 1878 г. аналогичная обрядовая особенность была обнаружена в погребении на территории Софийского подворья, что дало исследо-

¹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 60–72.

² Отчет о действиях Временного комитета изыскания древностей в Киеве в 1838 г. ЖМНП. Ч. 21. Отд. 3. СПб., 1838. С. 83; ИАК. Прибавление к выпуску 32. СПб., 1909. С. 125–126.

Рис. 6. Схема топографического расположения Киевских могильников VIII—X вв.

I — погребения в курганах, II — безкурганные погребения

вателям основание утверждать наличие определенной эволюционности в смене обрядов. Трупосожжение не сразу перешло в трупоположение; тело в переходный период или сжигали частично, или клали на предварительно обожженное место¹. Хронологически раннюю группу трупоположений составляют и те из погребений, в которых находится раннегончарная и лепная керамика. По инвентарю это небогатые погребения: в них находились железные ножи, точильные бруски, кресала и кремь.

Присутствие в некрополе «города Владимира» нескольких погребальных обрядов, по-видимому, действительно характеризует хронологические этапы его функционирования.

Классифицируя погребения по социальному принципу, исследователи выделили группу богатых — дружинных захоронений. Ряд из них совершены в срубных гробницах². Как правило, они характеризуются богатым инвентарем, среди которого предметы вооружения, различные украшения, монеты. Большинство богатых погребений выявлено в усадьбах начала ул. Владимирской, в том числе и в усадьбе Десятинной церкви, а также в юго-западной части Верхнего города. Л. А. Голубева объясняла такое расположение богатых погребений тем, что они находились по соседству с владениями Рюриковичей³. Мне представлялось, что группы погребений (не только богатых) соответствовали отдельным поселениям или районам раннего Киева⁴. Похожую мысль недавно высказал Ф. А. Андрощук, проанализировав результаты исследований, проведенных Я. Е. Боровским в юго-восточной части «города Владимира». При этом он поддержал свой вывод аналогиями из скандинавской средневековой жизни. Согласно ему, в Скандинавии само понятие старых усадеб (дворов или деревень), как правило, предполагало наличие поблизости курганов⁵.

Одним из важнейших вопросов, имеющим определяющее значение для воссоздания реальной историко-топографической ситуации территории «города Владимира», является определение даты могиль-

¹ Лебединцев П. Г. О святой Софии Киевской // Труды III Археологического съезда в Киеве. Т. 1. К., 1878. С. 64.

² Голубева Л. А. Киевский некрополь // МИА № 11. М.; Л., 1949. С. 112.

³ Ее же. Топография домонгольского Киева // КСИИМК. М.; Л., 1946. Т. 26.

⁴ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 63.

⁵ Андрощук Ф. Скандинавские древности. Указ. соч. С. 19.

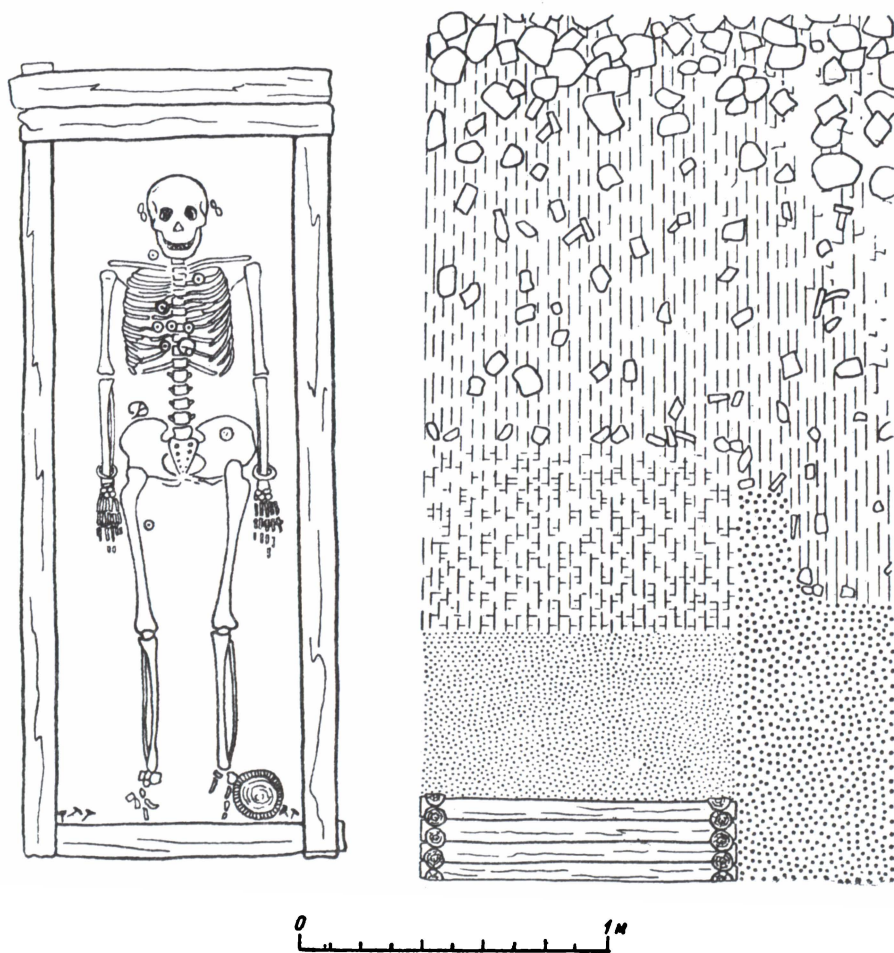

Рис. 7. План и разрез могильного сруба /погребение 123 по М. К. Каргеру.

ника. С. П. Вельмин датировал его концом VIII — серединой X в.¹ Близкого мнения придерживался также Б. В. Фармаковский, являвшийся научным руководителем киевских раскопок.

С такой датировкой решительно не согласился М. К. Каргер. Исходя из монетных находок, он пришел к выводу, что наиболее богатые погребения относятся ко времени от середины до конца X в.² Автор

¹ Вельмин С. П. Археологические изыскания Императорской Археологической комиссии в 1908 и 1909 гг. на территории древнего Киева // ВИВ. К., 1910. Кн. 7–8. С. 139 и сл.

² Каргер М. К. Древний Киев. С. 220–230.

этих строк, на основании анализа практически тех же материалов, пришел к выводу, что верхнюю дату могильника следует опустить до середины X в. Из всех погребений только одно имело монету второй половины X в., остальные содержали монеты конца IX — первой четверти X в. Такая закономерность верхних дат монет позволила предположить, что уже к середине X в. могильник на Старокиевской горе как массовый, городской, прекращает функционировать. Наиболее поздние погребения находились вблизи Десятинной церкви и принадлежали уже церковному кладбищу¹.

В 90-е годы XX в. к аналогичному выводу пришел Ф. А. Андрощук, осуществивший хронологический анализ киевского некрополя на более широкой основе, используя для этого не только монеты, но и другие хорошо датированные погребальные находки. Исходя из материалов выборки, все погребения, за исключением одного укладываются, согласно ему, во временные рамки между 900-м и 950-м годами. На этом основании исследователь пришел к выводу, что на сегодня мы имеем достаточно весомые доказательства, чтобы датировать могильник, хронологически предшествующий Десятинной церкви, первой половиной X в.²

На этом можно было бы и завершить сюжет о топографии и хронологии могильника, если бы Д. В. Милеев и С. П. Вельмин не выявили под южной апсидой сооружение, вызвавшее и вызывающее до сих пор оживленные споры. Речь идет о срубной постройке, которую исследователи интерпретировали как подвальное помещение, и которая, с легкой руки М. К. Каргера, убежденного в том, что киевская жилая застройка состояла исключительно из полуземляночных жилищ столбовой конструкции, превратилась в погребение № 109. Это отождествление ныне поддерживается практически всеми исследователями киевских древностей, хотя убедительных аргументов в его пользу никто из них привести так и не смог.

Дело в том, что в предполагаемом погребении не было захоронения, и это вынудило исследователей искать не аргументы, а объяснения, куда оно девалось. Они поражают своей изобретательностью, а

¹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 64.

² Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії спорудження Десятинної церкви (хронологічний аналіз поховальних комплексів). Церква Богородиці Десятинна в Києві. К., 1996. С. 43–46.

иногда и экзотичностью. При этом, нередко, у одного и того же автора можно встретить различные объяснения.

Создание легенды началось с М. К. Каргера. Большие размеры сруба дали ему основание предполагать исключительную знатность погребенного и богатство сопровождающего инвентаря. Отсутствие костяка (или костяков) он объяснил тем, что строители Десятинной церкви, ограбив склеп, выбросили из него и кости¹.

Ф. А. Андрощук предложил два объяснения. Согласно первому, отсутствие погребения связано с «разрушительными действиями какой-то строительной ямы, которая зафиксирована на чертеже, но никак не прокомментирована авторами раскопок»². Вторым объяснением он повторил предположение К. А. Михайлова, по которому погребение было вскрыто при строительстве Десятинной церкви и перезахоронено, поскольку принадлежало будто бы одному из родственников Владимира Святославича³.

Но это сюжет скорее для художественного сочинения, чем для научной работы. К. А. Михайлову, Ф. А. Андрощуку и разделяющим их взгляды следовало бы озаботиться ответами на естественные, в данном случае, вопросы: кто этот загадочный Владимиров родственник, где он был перезахоронен и обнаружено ли в могильнике на Старокиевской горе хоть одно богатое захоронение со следами перезахоронения? Требуется объяснения также и то, почему такой чести удостоился только этот представитель княжеского рода, тогда как другие так и остались не перезахороненными, хотя будто бы также принадлежали к числу княжеских родственников. И наконец, что помешало строителям и Владимиру сместить храм на каких-то 5–10 м, чтобы не пришлось святотатствовать или прибегать к перезахоронению?

По существу, ответ только на первый из этих вопросов уберет бы названных авторов от мучительных раздумий над всеми остальными. Ведь круг ближайших родственников Владимира известен. Это бабушка Ольга, похороненная, согласно завещанию, по христианскому обычаю (и действительно позднее перезахороненная, но в уже

¹ Каргер М. К. Древний Киев. С. 172–174.

² Андрощук Ф., Панченко М., Ковалюх М. До передісторії. С. 44.

³ Андрощук Ф. Скандинавские древности, 18; Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь и церковь Богородицы Десятинная // Российская археология. 2004, № 1. С. 35–45.

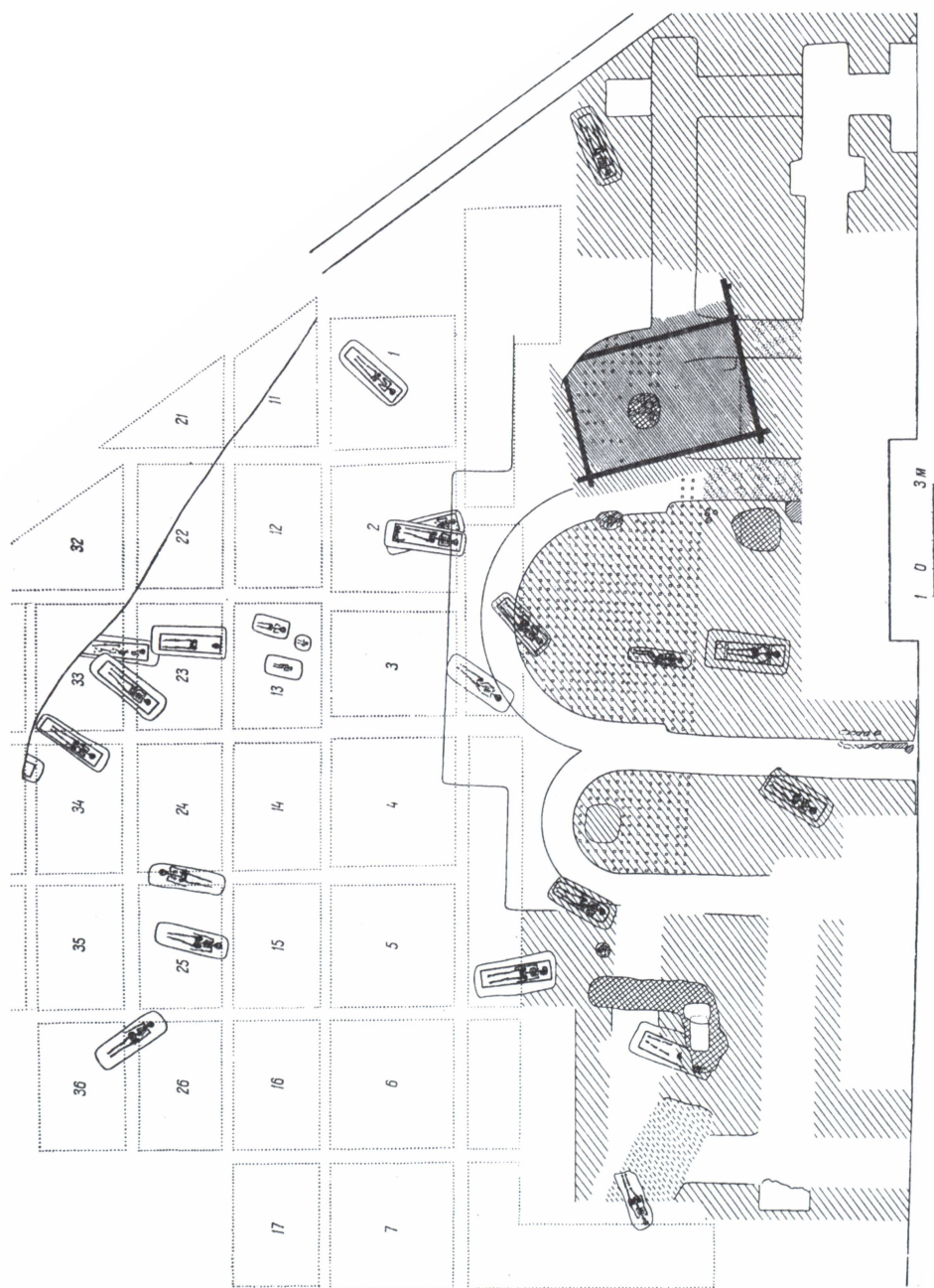

Рис. 8. Могильник VIII—X вв. в усадьбе Десятинной церкви.
Раскопки Д. В. Милеева и С. П. Вельмина

завершенной Десятинной церкви¹), отец Святослав, погибший на днепровских порогах, братья Олег и Ярополк, перезахороненные только в 1044 г. Ярославом в Десятинной церкви после осуществления обряда крещения их останков². Была еще Малуша, но, во-первых, мы ничего не знаем о ее судьбе, а, во-вторых, если правильно ее отождествление с некой Малфрид, упомянутой летописью, то она умерла в 1011 г., т. е. много позже сооружения Десятинной церкви. Вот и весь круг ближайших родственников Владимира. И ни один из них не может рассматриваться как претендент на виртуальную могилу под южной апсидой Десятинной церкви. Рассуждения К. А. Михайлова о многочисленных родственниках Игоря и Святослава, снабженные ссылкой на Е. В. Пчелова, а не на летопись, не могут быть приняты в качестве аргумента.

В нескольких публикациях к вопросу интерпретации сруба под южной апсидой Десятинной церкви обращался В. К. Козюба. В целом, он пришел к выводу, что отождествление сруба с жилой, хозяйственной или гражданской постройкой шаткое и не может служить серьезным аргументом в пользу жилой застройки за пределами древнего городища в дохристианское время. В другой работе его формулировка более дипломатична. Проанализировав дневники Д. В. Милеева, где собственно находятся одни только глазомерные чертежи, В. К. Козюба пришел к выводу, что видеть в срубе погребальный комплекс (его-то как раз и нет) значительно больше оснований, чем связывать его с жилищно-хозяйственным сооружением. При этом заметил, что в пользу непогребального характера сооружения могут свидетельствовать большие его размеры, а также отсутствие погребения³.

Следует сказать, что ни дневники Д. В. Милеева, ни новые раскопки 2005–2008 гг., не пополнили источниковую базу настолько, чтобы она позволила не предполагать, а утверждать версию о погребальном

¹ Память и похвала Владимиру Иакова Мниха, считающаяся достаточно ранним произведением, утверждает, что в Десятинной церкви для мощей Ольги была устроена специальная гробница: «лежить во вѣжное и чѣстное тѣло вѣженыя кѣгинѣ Волгы, гробъ камень малъ въ цркви сѣтъмъ Бѣа» (Бугославский С. К литературной истории «Памяти и похвалы» князю Владимиру // ИОРЯС за 1924 г., т. 29. Л., 1925. С. 147).

² «выгребоша. ѿ князя Ярополка и Волга. сѣна Сѣтославла. и крѣстиша кости єю. и положиша ѿ въ цркви сѣтъмъ Бѣа» (ПСРЛ 1: 155).

³ Козюба В. К. Дослідження садиби Десятинної церкви у Києві в 1908–1914 рр. (за матеріалами щоденників Д. В. Мілєєва). Ruthenica IV (2005). С. 190.

характере сруба под Десятинной церковью. Разве что скорректировали его размеры. Они оказались несколько меньшими, чем значились в опубликованном отчете Д. В. Милеева, не 5,5 x 5,5, а 4,8 x 4,2 м¹. Но что характерно, не изменили общего плана постройки. Она, как хорошо видно из чертежа Д. В. Милеева, опубликованного М. К. Каргером, очень уж напоминает сруб пятистенки. Западная его стена примерно на полтора метра выходит за пределы южной основной камеры и имеет четко выраженные следы врубки продольной стены второй камеры. Ничего подобного в камерных киевских погребениях мы больше не встречаем. Как собственно и таких огромных погребальных камер. Даже и после корректировки размеров общая площадь только основной камеры равняется около 20 м². Если к этому прибавить почти 8 м² второй камеры, то сооружение это намного превысит размеры даже наиболее крупных камерных погребений².

Еще одной конструктивной особенностью данного сруба, отличающего его от камерных срубных погребений, был длинный (от 0,17 до 0,25 м) вынос венцов. Как можно заключить из публикаций, все шесть раскопанных на Старокиевской горе погребальных срубов были рублены не «в обло», но «в лапу».

Против рассуждений об ограблении погребения или его перезахоронении свидетельствует отчет Д. В. Милеева. Позволю себе еще раз напомнить его содержание. Сооружение представляло собой сруб из сосновых, сильно истлевших бревен, рубленных «в обло». Сруб в плане квадратный (5,5 x 5,5 м)³. Глубина заложения нижнего венца сруба от уровня современной (раскопкам) поверхности 3,1 м; фундаменты Десятинной церкви заложены на глубину 2,6 м. Следовательно, разница между нижним венцом сруба и подошвой фундамента церкви равнялась 0,5 м. Во время выемки земли для заложения фундамента

¹ Разумеется, никакой уверенности в точности данной коррекции быть не может. Она основана на интерпретации дневниковых крок Д. В. Милеева, которые вряд ли обладают большей точностью, чем его же обмерный чертеж. Нельзя здесь полагаться и на результаты новых раскопок, уже третьих со времен Д. В. Милеева. Четвертые и вовсе не обнаружат этого археологического объекта.

² Согласно исследованию Л. А. Голубевой, срубные камерные гробницы в Киевском некрополе имели размеры от 1 x 2,5 до 2,6 x 2,8 м (см.: *Голубева Л. А. Киевский некрополь* // МИА, № 11. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 112–113).

³ Судя по всему, Д. В. Милеев определял размеры сруба по длине западной стенки, продолжающейся в южном направлении примерно на 1,5 м от южной.

под южную апсиду, согласно исследователю, нижние бревна сооружения, как и культурный слой чернозема, что лежал между ними, не были скрыты¹. Принимая во внимание высокую археологическую квалификацию Д. В. Милеева, что неоднократно подчеркивал М. К. Каргер и другие исследователи, такое его наблюдение исключает версии об ограблении или намеренном перезахоронении костей.

В. К. Козюба полагает, что в действительности заполнение камеры равнялось не 0,5, а 0,25 метра. Но это уточнение не может служить аргументом к пересмотру главного вывода Д. В. Милеева. Находок в этом слое было немного: обломки толстостенных черепков с кварцем, бронзовый литой наконечник ремня, бронзовая литая накладка на ремень. Согласно сообщению С. П. Вельмина, в заполнении сооружения удалось обнаружить также две арабские монеты². Раскопками 2006 г. была выявлена у северо-западной стенки еще и половина диргема. Изучение ее Г. А. Козубовским позволило определить лишь относительную дату: IX — первая половина X в.

Как полагает В. К. Козюба, новые исследования нераскопанной Д. В. Милеевым части заполнения не позволяют утверждать, что оно не было потревожено строителями Десятинной церкви³. Однако четких стратиграфических аргументов в пользу такого утверждения он не привел.

Соглашаясь с версиями ограбления погребения или его перезахоронения, исследователи обязаны объяснить, откуда взялось это заполнение. При невероятной тщательности грабителей, не оставивших даже маленькой косточки погребенного (или погребенных), равно как и при перезахоронении, в постройке не должно было остаться заполнения. Если оно не «родное», а появилось в результате засыпки камеры после «изъятия» погребенного строителями Десятинной церкви, как полагает К. А. Михайлов, тогда содержавшиеся в нем находки вообще непригодны для определения характера сооружения⁴.

После Д. В. Милеева и С. П. Вельмина гражданский характер сруба под Десятинной церковью утверждали К. Щероцкий, Л. А. Голубева,

¹ ОАК за 1908 г. СПб., 1912. С. 153.

² Там же. С. 153.

³ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 253.

⁴ Михайлов К. А. Киевский языческий некрополь. С. 38.

автор этих строк, С. Р. Килиевич. К. Щероцкий, Д. В. Айналов и некоторые другие исследователи были склонны видеть в нем даже остатки дома варяга-христианина¹. В своей книге по исторической топографии Киева я назвал это предположение хотя и смелым, но не лишенным оснований². Очевидно, что я исходил из летописного известия 983 г., повествующего о жертвоприношении языческим богам сына некоего варяга-христианина. Проживал этот варяг, как свидетельствует летопись, там, где затем была построена Десятинная церковь: «**вѣше Варѣгъ Ѣдинъ. и бѣ дворъ его идеже естъ цркъ стѣмъ Бѣдѣ юже сдѣла Володимѣръ**»³.

В новое время это отождествление вызывает снисходительные замечания, хотя оно намного корректнее, чем предположение о том, что этот сруб является захоронением родственника Владимира. Разумеется, никакой гарантии, что перед нами непременно остатки усадьбы варяга-христианина нет. Но это вовсе не означает, что данное сомнение дает нам основание вообще абстрагироваться от летописного известия и размещать эту усадьбу где угодно, но только не там, где указал летописец. При этом еще и журить его за незнание исторической топографии раннего Киева, как это имеет место в работе А. В. Комара. Согласно ему, именно слабые познания летописца отразились на локализации под 983 г. двора варягов-христиан на месте Десятинной церкви⁴.

Такие снисходительные «похлопывания по плечу» летописцев, которые позволяют себе молодые исследователи киевских древностей, были бы оправданы, если бы им открылись какие-то новые свидетельства, уточняющие или изменяющие уже известные. Но поскольку их нет, необходимо с большей ответственностью относиться к летописи. В данном случае, к ее историко-топографическим уточнениям. В самом деле, топографические указания летописца (описывавшего ми-

¹ Как известно, Д. В. Айналов полагал даже, будто фраза митрополита Илариона о том, что Владимир создал Десятинную церковь «на правоверной основе» имеет в виду именно это обстоятельство: храм оказался сооружен на месте мученичества первых христиан (Айналов Д. В. К вопросу о строительной деятельности св. Владимира // Сборник в память святого равноапостольного князя Владимира. Пг., 1917. С. 23–25).

² Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва. С. 59.

³ ПСРЛ. Т. 1. С. 82.

⁴ Комар А. К дискуссии. С. 131.

нувшее состояние города и местоположение исчезнувших сооружений в нем точными указаниями на сооружения, существующие в его время) относятся едва ли не к единственным несомненно достоверным сведениям за вторую половину X в. Исследователям, отрицающим достоверность какого-либо одного подобного известия, необходимо продемонстрировать вымышленность или ненадежность всего комплекса однотипных указаний. И сделать это текстологически. Но в таком случае ценность письменных свидетельств для реконструкции исторической топографии Киева X в. будет равняться нулю. А древнейшую топографию города пришлось бы восстанавливать исключительно на основании археологических свидетельств — чистота метода, пока не продемонстрированная никем из рассматриваемых авторов.

Как не продемонстрированы умение и навыки чтения летописных источников. Археологи, изредка и по необходимости заглядывающие в летопись, избирательно отбирают свидетельства и на удачу определяют их надежность. Признаком же источниковедческой изоэтрени считается произвольное сомнение в достоверности сообщения или его фрагмента при подчас наивно-реалистическом прочтении понравившихся или «удобных» известий. В летописном свидетельстве нельзя брать только то, что нравится. К примеру, если возникают сомнения в местонахождении дома варяга, тогда логично должно возникнуть сомнения и в историчности этого персонажа, а также всей традиции о том, что Десятинную церковь построили на крови мучеников. Ведь сведения эти сообщены в одном тексте и одним летописцем. И вовсе не исключено, что еще тем, который писал летопись Десятинной церкви в конце X — начале XI в. Но даже, если это имело место и позднее, в основании рассказа о варяге-христианине несомненно реальное киевское предание, возникшее по свежим следам события и поддерживаемое авторитетом клира Десятинной церкви. Какое-то время оно жило своей «устной» жизнью и было хорошо известно киевлянам¹.

Ф. А. Андрощук, назвав предположение о принадлежности срубной постройки под Десятинной церковью погребению какого-то знатного

¹ О связи сказания с летописанием Десятинной церкви писал еще А. Н. Насонов (*Насонов А. Н. История русского летописания XI–XVIII вв.: Очерки и исследования. М., 1969. С. 23–26*).

родственника князя Владимира перспективным, подкрепил его вероятность примерами Дировой могилы «за святою Ориною» и постройкой церкви Святого Николы на месте могилы Аскольда¹. Некоторый параллелизм здесь действительно просматривается, но скорее всего не в том, в чем он видится исследователю. Во всех трех случаях храмы поставлены не столько на месте известных языческих захоронений, сколько на месте убийства или погребения первых киевских христиан. Если о церквях Святой Ирины и Святого Николая можно говорить лишь предположительно, поскольку в летописи не отмечено христианство князей Аскольда и Дира, то в том, что Десятинная церковь была поставлена на крови первых христиан, никаких сомнений быть не может. Летописец однозначно причислил варягов, отца и сына, к святым мученикам и праведникам: «**ѿкоже попраста си ѡтѣнника. приѣмше вѣнень**» **нбѣныи съ стѣми мѣи и прѣдѣки**»².

4. «Город Владимира»

Наиболее прочным историко-топографическим звеном раннего Киева до недавнего времени считался так называемый «город Владимира». Предложенная в 1950 г. А. М. Тихоновичем и М. М. Ткаченко реконструкция линий его укреплений была принята всеми исследователями и не подвергалась сомнению³. Согласно ей, вал «города Владимира» проходил по кромке Старокиевской и Андреевской гор до оврага в районе верхней станции фуникулера, оттуда поворачивал на юго-запад, доходил до начала ул. Большой Житомирской и вдоль ее правой стороны продолжался до начала Гончарного оврага, где поворачивал в сторону древнейшего городища. Основой для такой реконструкции послужили позднейшие планы Киева, в том числе и план Ушакова 1695 г. Тщательное изучение этого плана, предпри-

¹ Андросчук Ф. Скандинавские древности. С. 19.

² ПСРЛ. Т. 1. С. 83. О том, что текст — древний, по крайней мере, древнее окончательного составления Повести временных лет, свидетельствует мотив отсутствия апостольской проповеди на Руси («сде бо не сѣтъ апѣли оучили. ни прѣри прорекли»; «тѣло ѿ апѣли не сѣтъ не бѣли»). Позднее в легенде об Апостоле Андрее, эта «оплошность» раннего летописца была «исправлена».

³ Тихонович О. М., Ткаченко М. М. Древній Київ-град. Спроба відтворення плану Верхнього Києва XI–XII ст. Архітектурні пам'ятки. К., 1950. С. 40–44

нятое Г. В. Алферовой и В. А. Харламовым, показало корректность предложенной ранее реконструкции¹.

По существу, устроители нового города при насыпке валов очень хорошо использовали особенности рельефа Старокиевского плато. Они были проложены с напольной стороны между несколькими оврагами: Гончарным, что доходил до угла нынешних ул. Владимирской и Большой Житомирской, Крещатицким, достигавшим практически начала ул. Большой Житомирской, и Михайловским, врезавшимся в плато в районе ст. фуникулера. Не случайно именно в местах между этими оврагами и были обустроены въездные ворота: Софийские и Михайловские. Еще одни ворота — Киевские — находились между отрогами Старокиевской и Андреевской гор. Свое литературное название «город Владимира» получил потому, что, как резонно предполагали исследователи, своим появлением обязан строительной деятельности Владимира Святославича.

В последнее время обозначилась тенденция пересмотреть и этот устоявшийся вывод. Практически одновременно были высказаны два разные предположения. Первое принадлежит С. И. Климовскому и сводится к тому, что «город Владимира» был построен во время княжения Ярополка². Второе — В. К. Козюбе, который отводит роль строителя новой крепости Святославу Игоревичу. Названный исследователь поторопился дать и свое название — «град Святослава»³.

На чем основаны эти предположения? Практически ни на чем. Для опровержения традиционной точки зрения В. К. Козюба привлек летописные свидетельства. Точнее их отсутствие. Полагая, что такое неординарное событие, как строительство нового города, непременно должно было попасть на страницы летописи Владимира Святославича, и не находя подобного известия, исследователь пришел к выводу, что оно случилось еще до его вокняжения.

Удивительно, что отсутствие аналогичного свидетельства по отношению к Святославу его нисколько не озадачивает. Как и то, что данный князь вообще не замечен в какой-либо строительной деятельности. Более неудачного претендента на роль строителя Киева трудно

¹ Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. С. 35.

² Климовский С. Грады Кия и Владимира: тип и время постройки укреплений. Старожитності Верхнього Придністров'я. К., 2008. С. 55–56.

³ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 255, 263–264.

и придумать. Он был воином и полководцем. За восемь лет своего княжения осуществил не менее пяти дальних военных походов: на вятичей (дважды), на хазар, на дунайских болгар (дважды). Когда ему было заниматься строительством города? Прохладное его отношение к Киеву вызывало даже недовольство киевлян: «**ТѢ КНАЖЕ ЧЮЖЕМЪ ЗЕМЛИ ИЩЕШИ И БЛЮДЕШИ. А СВОЕЮ СЯ ШУБАВИТЬ**»¹.

Чем пытаться разрушать традицию, лучше задуматься над ее исторической основой. И тогда окажется, что Владимир Святославич как никто другой до него, отличился на поприще строительства городов, крепостей и храмов. Традиция именно с ним связывала интенсивную строительную деятельность («**нача ставити городѣти по Деснѣ. и по Вострн. и по Трѣбешевн. и по Бѣлѣ. и по Стугнѣ**»²) вокруг Киева. В том же направлении, как кажется, должны указывать и общеисторические соображения: принятие новой религии, женитьба на византийской принцессе и новый статус Владимира как христианского владетеля с необходимостью влекли за собой радикальную перестройку городского пространства³. В рамках X в. невозможно представить иного момента, с которым вероятно было бы связать сооружение нового города.

Сказанное выше не дает и малейших оснований не только для пересмотра традиционного представления о том, что именно Владимир построил новый город в Киеве, но даже и для сомнения. Исходя из этого, нет смысла полемизировать с совершенно нереалистичной реконструкцией плана крепости, будто бы возведенной Святославом, которую предложил В. К. Козюба⁴. Следует только отметить, что ее искусственность вполне прочитывается и на авторском рисунке, где трасса валов никак не согласована с рельефом местности. И конечно, никакой корректности в использовании термина «град Святослава», на чем настаивает В. К. Козюба, нет и быть не может. И не следует в дальнейшем повторять это поспешно высказанное определение.

¹ ПСРЛ. Т. 1 С. 67.

² Там же. 1: 121.

³ Simon Franklin and Jonathan Shepard, *The Emergence of Rus. 750–1200* (London and New York: Longman, 1996), 164; Frank Kämpfer, «Von heidnischer Bildwelt zur christlichen Kunst. Die Bedeutung von Anna Porphyrogeneta für die Initialzündung der altrussischen Kultur», *Millenium Russiae Christianae*, ed. Gerhard Birkfellner (Köln: Bohlau Verlag, 1993). P. 109–136.

⁴ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 260.

То же самое можно сказать и о выводе, что валы «города Владимира» были насыпаны только с напольной стороны, а по кромке горы их и вовсе не было. Сохранявшиеся практически до нашего времени отдельные участки насыпей В. К. Козюба отнес к XVII в. Вместо валов, по его мнению, здесь в древнерусское время находились укрепления в виде «столпья», неправильно отождествленные им со стеной из кольев или «тына», которые, правда, тоже не выявлены археологически¹. Как видим, отсутствие следов одних укреплений не мешает предполагать их наличие, а отсутствие следов других — таким основанием является.

В действительности, вал «города Владимира» был возведен по всему периметру. Можно рассуждать, что по краю горы он был менее мощный, чем с напольной стороны, но отрицать его наличие невозможно. Он был необходим и для сооружения деревянной стены. Однако вряд ли мы должны предполагать наличие двух разных типов укреплений в системе одной крепости. Тем более столичной.

В XVII в. эта часть Киевской крепости, именуемая Меньшим городом, была обвалована по всему периметру. Причем, как свидетельствуют Расписные списки 1673 и 1674 гг., валы этого времени представляли собой подсыпку уже существовавших. В нескольких местах они названы старыми². Определение «старые» относится, скорее всего, к валам насыпанным в 1654 г. сразу же после присоединения Украины к России. Но и в это время они лишь повторяли конфигурацию еще более старых. Об этом позволяет говорить то, что, согласно докладам в Москву, вся трехчастная крепость Верхнего Киева была обустроена всего за два месяца — с конца января и по конец марта³.

О существовании Киевских валов княжеских времен свидетельствовали путешественники XVI — начала XVII в. Один из них, Эрих Лясота, записал в своем дневнике следующее: Киев с древних времен был знаменитой столицей отдельного княжества. Был очень укреплен на значительном пространстве и украшен великолепными церквями и

¹ Козюба В. К. «Місто Володимира». С. 248. «Столпие» — производное от «столп», т. е. башня. Об этом исследователь мог бы узнать из специальной статьи, посвященной этому летописному термину: Кучера М. До питання про конструкцію стіни-столпів давньоруського літопису. Київська старовина. 1972, №1. С. 60–62.

² Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. С. 100–101.

³ Там же. С. 10.

зданиями, общественными и частными, как можно судить об этом по древним развалинам, ровно и по валу, охватывающему город и простирающемуся, говорят, на 9 миль в окружности¹.

Аналогичные сведения сообщил и Р. Гейденштейн, отметивший, что «город Киев находится не в старых стенах, а ниже, у Днепра»². Из приведенных наблюдений явствует, что древний вал охватывал город, и длину его вычисляли по окружности, а не по напольной дуге.

Из всех сомнений, которые вызывает у новых исследователей «город Владимира» (речь идет о крепости), наиболее обоснованным представляется отнесение каменных остатков к Софийским воротам X в. Вывод этот был сделан на основании археологических наблюдений В. Стефановича и И. М. Самойловского. Раскопанные ими фрагменты двух пилонов шириной 2,3 м в средней части и 3,5 м по краям, при общей длине 10 м и такой же ширине, состояли из древнерусских строительных материалов, поверх которых находилась кладка XVII в., скрепленная раствором серого цвета с известковыми включениями³. Г. В. Алферова и В. А. Харламов полагали, что в XVII в. от давно разрушенных ворот оставались одни фундаменты, на которых и были возведены каменные Софийские ворота⁴.

Такое объяснение могло бы быть корректным, если бы в документах 1687 г. не было сказано, что новые ворота заменили собой старую ветхую Софийскую башню, а также, что «для утверждения подошвы выкопан ров глубиною два аршина... в трехаршинную сажень, и тервы набучены диким большим камением и мелким щебенем»⁵. Разумеется, все это вызывает обоснованные сомнения. И, тем не менее, окончательную ясность в этот вопрос могут внести только новые археологические исследования фундаментов.

В свое время мной была высказана мысль, что необходимость возведения новых укреплений во время княжения Владимира Свя-

¹ Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1874. Отд. 2. С. 16.

² Там же. С. 23–24.

³ Стефанович В. З археологічних розкопок 1913 р. в Києві. Наукові записки Інституту історії матеріальної культури. Кн. 5–6. К., 1935. С. 189–190; Самойловський І. М. Міська брама X ст. у Києві. Археологія. Т. 19. К., 1965. С. 183–188.

⁴ Алферова Г. В., Харламов В. А. Киев во второй половине XVII в. С. 34–36.

⁵ Там же. С. 34.

тославича была вызвана ростом центральной части Киева, которая к тому времени уже перешагнула тесные границы древнейшего городка. Сначала, как я полагал, застраивались свободные от курганов площади, а уже при Владимире были спланированы и курганы¹. Даже если бы не было письменных и археологических свидетельств на этот счет, подобную мысль можно было бы высказать исходя из практических соображений. Ведь невозможно себе представить, чтобы Владимиру пришла мысль окружать мощными укреплениями десятигектарное необжитое плато. Подтверждением такого предположения стали раскопки Я. Е. Боровского в юго-восточной части территории «города Владимира», где обнаружены следы двух ранних усадеб, располагавшихся рядом с курганными захоронениями. Ф. А. Андрощук, обративший на это наше внимание, о чем речь шла выше, показал, что такое соседство домов живых и мертвых являлось обычным для скандинавской средневековой действительности. Видимо, подобная ситуация имела место и в других частях Верхнего города. Исследования Георгиевской церкви в «городе Ярослава» показали, что ее фундаменты разрезали достаточно заметный культурный слой X в.

Нет сомнения, что споры относительно исторической топографии Киева второй половины X в. вызываются, в значительной мере, тем, что у нас еще нет инструментария для точного датирования археологических артефактов. Сегодня мы уверенно относим к X в. керамику с хорошо профилированными манжетовидными венчиками, но еще в 60-е годы XX в. автор этих строк не находил понимания в этом со стороны старших коллег, привыкших датировать ее XI в. А ведь не исключено, что она появилась и еще раньше.

Не все так хорошо и с архитектурной датировкой. Нет сомнения, что не будь летописного свидетельства о строительстве Десятинной церкви, историки архитектуры не смогли бы определить ее время даже с точностью до 50-ти лет. Правда, иногда им и летописные известия, что называется, «не указ». Так, как это произошло с определением времени «восточного» дворца. На основании архитектурных аналогий они утверждают, что появился он только во время строительной деятельности Владимира.

¹ Толочко П. П. Исторична топографія стародавнього Києва, С. 59.

А как же тогда быть с летописными свидетельствами? Если бы речь шла только об упоминании двора теремного «внѣ града» (где «бѣ во теремѣ камень»), содержащемся в летописной статье 945 г., можно было бы отнести его к позднейшей интерполяции. Но ведь об этом теремном дворе говорится и в других статьях. В частности, 980 г.: «Володимеръ же то слышавъ. въшедъ въ дворъ теремныи ѡтень»¹. Содержащееся в продолжении рассказа разъяснение, что об этом летописец уже сказал ранее («ѡ немже прежде сказахомъ»), позволяет предполагать, что имелся в виду тот самый «дворъ княжь» Ольги, у которого был каменный терем. «Отень» здесь не обязательно построенный Святославом, но фамильный. Еще раз о теремном дворе говорится в рассказе о сооружении Владимиром нового языческого храма с идолами шести богов: Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Симаргла и Мокошь. Уточнение, что кумиры были поставлены «на холмѣ внѣ двора теремнаго», позволяет предполагать их относительную близость.

Следовательно, независимо от того, как продатированы строительные остатки к северо-востоку от Десятинной церкви историками архитектуры, есть все основания именно здесь располагать княжескую резиденцию времен Ольги Святослава и начального этапа правления Владимира.

За пределами древнейшего града находился и новый языческий храм Киева. Из свидетельства летописи следует, что в 988 г. на его месте была поставлена церковь Святого Василия. Если признать, что ее более поздней преемницей была церковь Святого Василия на Ярославом дворе, тогда капище мы должны располагать в районе левого крыла современного здания Министерства иностранных дел Украины. Нельзя, правда, исключать, что Васильевская церковь была поставлена не на месте капища, а лишь на том самом холме: «и постави цркѣвь ст҃аго Василья на холмѣ . идеже стояше кумиръ Перуны . и прочии»². В таком случае, взаиморасположение этих объектов может определяться лишь относительной их близостью. Что, разумеется, не является основанием для расположения капища на месте Андреевской церкви, как это казалось автору Синописа и некоторым нынешним киевоведом.

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 78.

² Там же. С. 118.

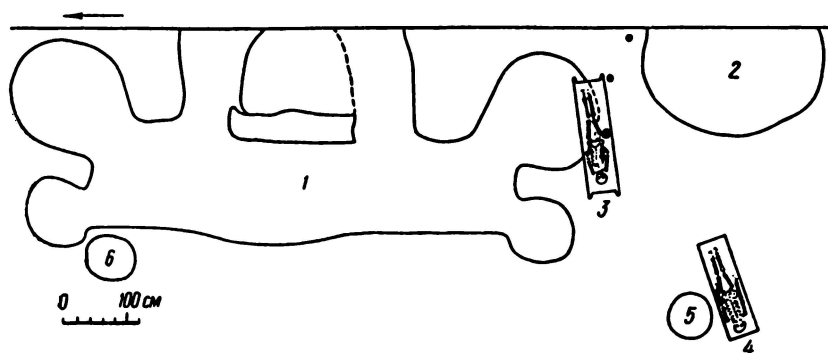

Рис. 9. План языческого капища по ул. Владимирской, 3.
 Раскопки Я. Е. Боровского и П. П. Толочко. 1975 г. Условные обозначения:
 1 — фундаментные рвы; 2 — зольник; 3, 4 — погребения; 5, 6 — зольные ямы

Рис. 10. Основание языческого капища. Юго-западная часть

В 1975 г. под домом № 3 по ул. Владимирской были обнаружены остатки какого-то загадочного сооружения. В плане оно представляло удлинённый прямоугольник шириной 1,75 м, вытянутый по оси север—юг на 7 м. Южная и северная его оконечности переходили в округленные симметричные выступы, по два с каждой стороны. Еще два таких выступа находились с восточной стороны. Заполнение фундаментных рвов этой необычной постройки состояло из крупных камней, битой тонкостенной плитки, обломков шифера, фракций известкового раствора с примесью бледно-розовой цемяночной массы¹.

Публикуя результаты раскопок мы (с Я. Е. Боровским) высказали предположение, что перед нами остатки языческого капища, быть может того самого, которое поставил Владимир Святославич. На это нас вдохновила не только необычная конфигурация постройки с шестью ее выступами, но также и то, что рядом с ней находился большой зольник. Размещался он в чашеобразном углублении диаметром около 3 м и сохранился на высоту более 1 м. Состоял из чередующихся слоев угля и пепла, а также обожженной глины, чем напоминал так называемый столб у капища, что в древнейшем киевском граде. Недалеко от фундамента и зольника находились небольшие круглые ямы, заполненные пеплом и углями, а также керамика X в. и большое количество костей быков. Аналогичные углубления, а также кострища встречались здесь и при раскопках конца XIX — начала XX в.²

Д. Д. Елшин, с присущей молодости категоричностью, полагает, что такая атрибуция не выдерживает критики. Чьей критики, он не уточнил. Но поскольку его собственной нет, надо полагать, имелась в виду критика его киевских молодых коллег. Она действительно имеется. Ее авторы — Ф. А. Андросчук и А. В. Комар проявили солидарность только в отрицании первичной интерпретации. Что касается их собственной, то она различна. Первый исследователь полагает, что перед нами «скорее всего остатки древнейшей неизвестной нам

¹ Датируются исключительно X в. Их хронологическая стерильность исключает предположение о том, что происходят они от разрушенной в 1240 г. Десятинной церкви. В таком случае в заполнении непременно должны были находиться и более поздние материалы. Больше оснований видеть в нем строительные отходы из ранних каменных дворцов.

² Толочко П. П., Боровський Я.Є. Язичницьке капище в «городі» Володимира // Археологія Києва. К., 1979. С. 3–10.

церкви»¹. Согласно второму, это было какое-то «деревянное сооружение (возможно, часовня) не ранее второй половины XIII в., при постройке которого были использованы руины разрушенной Десятинной церкви»².

Как удалось названным авторам увидеть в этой необычной по плану постройке церковное сооружение, одному Богу известно. Никаких объяснений этому они не приводят. Как не приводят ему и аналогий. А. В. Комар не счел нужным оговорить и то, каким образом деревянная часовня могла быть возведена из материалов разрушенной Десятинной церкви.

Ничего не дает для атрибуции сооружения и стратиграфическое наблюдение, согласно которому юго-восточный выступ был перерезан погребением X в. Ф. А. Андрощук отнес его к христианскому времени, аргументом чего послужила ему ориентация — запад—восток. Но единственный вывод, который можно сделать на основании этого стратиграфического наблюдения, это тот, что сооружение старше погребения³.

Поразительно, но не успели, как говорится, просохнуть чернила на интерпретации А. В. Комара, как он порадовал нас новой. Правда, при этом, не отказался и от прежней. На этот раз увидел в сооружении по ул. Владимирской, 3 не деревянную часовню второй половины XIII в., но ворота XI в., которые вели на Великий Ярославов двор⁴. И снова никаких аргументов и аналогий. Ввиду очевидной абсурдности этого предположения, комментировать его нет необходимости. Можно только заметить молодому коллеге, что столь легкомысленная суэта не совместима с серьезной наукой.

Из сказанного следует, что новые интерпретации загадочного сооружения на ул. Владимирской, 3 нисколько не лучше той, что предложена авторами раскопок. Если у нас (с Я. Е. Боровским) недостаточно убедительных аргументов, то у новых исследователей они вообще отсутствуют. Конечно, их неудачи не являются гарантией истинности

¹ Андрощук Ф. Скандинавские древности. С. 30–31.

² Комар А. К дискуссии. С. 131.

³ А. В. Комар решил поправить исследователей и в этом, предположив, что не погребение перерезало фундаментный ров, но последний перекрыл погребение. Но это уточнение, во-первых, совершенно не корректное, а во-вторых, ничего не дает для атрибуции сооружения.

⁴ Комар А. В. «Боричев» и «Боричев узвоз» древнего Киева. С. 219.

прежнего вывода. Но для его опровержения, а тем более доказательства альтернативного взгляда одних сомнений недостаточно.

До последнего времени не было разночтений и относительно того, чем вызвано строительство «города Владимира». Со времен первых исследователей исторической топографии древнего Киева ни у кого не возникало сомнений, что заселение и укрепление новых районов города свидетельствовало о его росте и расширении. Д. Д. Елшину эта естественная мысль показалась слишком простой. Согласно ему, размещение в Верхнем городе комплекса монументальных сооружений было не расширением княжеского двора, а сознательным актом создания нового градостроительного центра. Важным моментом представляется размещение нового города на значимом месте. Религиозно-административный центр был поставлен на месте могил погребенных родственников дружины или самого князя¹.

Что касается «сознательного акта», то мысль эта не является откровением. Разумеется, строительство «города Владимира» было сознательным актом. Но таким было и строительство древнейшего града. Как и любое другое строительство когда-либо проводившееся в Киеве. А вот утверждение о намеренном размещении города на могилах предков действительно оригинальное. Прежде всего потому, что если это и вправду были могилы родственников князя, к тому же недавно погребенных, то Владимир проявил к ним кощунственное неуважение. И, следовательно не считал это место значимым. А еще потому, что оно предполагает наличие у Владимира выбора: мог разместить новый городской центр в другом месте, но остановился на этом. Но такового у него не было. Его город явился естественным продолжением более раннего, как «город Ярослава» будет продолжением «города Владимира», который также «сознательно» возведут на могилах предков не оттого, что Ярослав был озабочен выбором «значимого места», а потому, что иного у него тоже не было.

Заключение

Из всего сказанного выше видно, что новые исследования не смогли обосновать иную концепцию историко-топографического

¹ Елшин Д. Д. Комплекс монументальных сооружений. С. 20.

развития раннего Киева. По существу, не скорректировали сколько-нибудь убедительно уже существующую. Скорее затуманили ее своими разноречивыми предположениями, не основывающимися на археологических и письменных источниках. Последние служили исследователям не основой, а лишь поводом для изложения их умозрительных «сценариев» развития города, что свидетельствует о серьезных методических изъянах предложенных реконструкций.

Показательным в этом отношении может быть вывод В. Н. Зоценко о том, что административно-военный центр Киева вплоть до княжения Владимира Святославича находился на Замковой горе. Без насилия над источниками обосновать его невозможно. Даже и в том случае, если признать, что обнаруженные в 1897 г. остатки кирпичного сооружения возле кладбищенской церкви на Замковой горе принадлежали не церкви, как думал Н. И. Петров, а одному из теремных дворов Ольги, как казалось П. А. Лашкареву.

Но ведь был же еще теремной двор, который летописец определенно разместил рядом с Десятинной церковью. Здесь обнаружены и исследованы остатки, по-видимому, двух каменных построек, дворцовый характер которых не вызывает сомнения. Отчего же их не считать княжескими? И как можно утверждать, что Ольга устроила смертный прием древлянским послам во дворе на Замковой горе, если в летописи речь идет о Старокиевской? **«Ульга же повелѣ ископати ѡмѹ. великѹ и глѹбокѹ. на дворѣ теремьстѣмь. внѣ града. и заоутра Волга сѣдѣши в теремѣ. посла по гости»**¹. Никаких разночтений здесь быть не может. Ольга принимала послов в том самом дворе, местоположение которого летописец определил словами: **«и бѣ внѣ град дворъ дроугын. идѣже є дворъ Деместиковъ. за сѣю Бѣєю надъ горою дворъ теремныи бѣ бо тѹ теремъ камень»**².

Утверждение В. Н. Зоценко, о том, что на Старокиевской горе отсутствуют четкие следы какой-либо жилой застройки ранее самого конца X в., а территорию «древнейшего городища» занимали курганные насыпи и вовсе неловко комментировать.

¹ ПСРЛ. Т. 1. С. 56.

² Там же. С. 55.

Ничего, кроме грустного удивления, не может вызвать и еще одно откровение исследователя о том, что на южной оконечности Замковой горы были обнаружены остатки «упомянутого выше дворца конца X в., служившего ориентиром для местонахождения ямы с захороненными древлянами». Но, во-первых, этот гипотетический «дворец» обнаружен не в южной, а в северо-западной части горы, что немногим выше утверждал и сам В. Н. Зоценко. А во-вторых, совершенно непонятно, как дворец конца X в. может служить ориентиром для местонахождения ямы 945 г. Тем более что на указанном исследователем месте не выявлено ни того, ни другого.

Аналогичной методической нетребовательностью к использованию источников характеризуются работы и других авторов, посвященные исторической топографии раннего Киева. В том числе и те, в которых предложена новая атрибуция сооружения, раскопанного по ул. Владимирской, 3 и отождествленного авторами раскопок с языческим капищем. В критическом отношении к такой интерпретации, разумеется, ничего неестественного нет. Весь вопрос в том, имеет ли оно обоснование. Выводы Ф. А. Андрощука и А. В. Комара о том, что это не капище, а церковное сооружение, или второй вывод А. В. Комара, что это ворота Великого Ярославского двора, как минимум, должны были опираться на аналогии. Авторам следовало бы показать, где им удалось обнаружить христианские храмы (или крепостные ворота) со столь причудливо разветвленным архитектурным планом. Без этого их альтернативные интерпретации, да и сами сомнения в правильности предыдущей, не могут вызывать доверия. Это не совсем наука.

И еще одно замечание, одинаково относящееся ко всем авторам, упомянутым в этой работе. Заключается оно в том, что не следует априори относиться с недоверием к другому мнению, в том числе и высказанному далекими предшественниками, только на том основании, что оно чужое. Необходимо попытаться понять на чем оно основано. И, разумеется, нельзя исходить из того, что предшественники менее ответственно относились к исторической интерпретации археологических находок.

Если бы В. К. Козюба и другие исследователи, подвергающие сомнению, в частности, атрибуцию В. В. Хвойкой каменного сооружения в пределах древнейших укреплений, как капища, внимательно вникли во весь археологический контекст этой находки, вряд ли бы

появились утверждения, что она (атрибуция) ни на чем не основана. Свое несогласие им бы пришлось мотивировать тем, что, к примеру, столб у капища, состоявший из чередующихся слоев золы и обожженной глины, не был жертвенным кострищем, а большое скопление костей крупных животных возле капища не является свидетельством осуществлявшихся здесь жертвоприношений. А главное, они не обошлись бы без аргументов в пользу своей интерпретации. К сожалению, ничего подобного в их исследованиях нет.

В полной мере это относится и к вдохновляющему некоторых молодых киевоведов глумливому утверждению В. Я. Петрухина, что выявленное В. В. Хвойкой сооружение, не что иное, как «куча строительного мусора» от Десятинной церкви. Это уже и совсем не наука.

В целом, из-за небрежного обращения с источниками, многие размышления новых исследователей исторической топографии раннего Киева оказались лишенными надежной фактологической основы, а следовательно и научной корректности.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абаев В. И. 52
Адальберт, епископ германский 143
Адам Бременский, хронист 70, 75
Адемар Шабанский, хронист 140, 141, 142
Александр Македонский 95
Алешковский М. Х. 168
Алферова Г. В. 175, 190–193
Аль Гарнати, арабский географ, историк 32
Аль Масуди, арабский географ, историк 36
Аль Хорезми, арабский географ, историк 43, 52
Аль Якуби, арабский географ, историк 44
Амартал, хронист 135
Андрей, Апостол 105, 189
Андреянова-Перетц В. П. 11
Андрощук Ф. А. 176, 179–182, 188, 189, 194, 197, 198, 201
Айналов Д. В. 187
Анна, жена Владимира Святославича 106–108, 124
Антонович В. Б. 58
Арбман Х. 79
Арне Т. 78
Артаманов М. И. 64
Аскольд, князь киевский 6, 11, 32, 56, 58, 65, 67, 71, 72, 131, 157, 170, 189
Афанасий Кальнофойский 175
Ахмед бен Куйа, визир хазарский 36
Беляев И. Д. 112
Блифельд Д. И. 78
Болеслав Храбрый, князь польский 52
Борис, царь болгарский 134, 135
Боровский Я. Е. 163, 173, 176, 179, 194, 196–198
Брайчевский М. Ю. 5, 25, 139, 140, 149
Бугославский С. 184
Булкин В. А. 69
Бруно Квертфуртский, епископ 140, 141, 148
Василий I, император византийский 43, 44, 58, 106
Василий II, император византийский 146
Васильевский В. Г. 69, 131
Вельмин С. П. 173, 176, 180–183, 186
Вернадский Г. 29, 39, 52
Видукинд Корвейский, хронист 68
Вилинбахов В. 70
Виноградов П. 95
Владимир Святославич, князь киевский 67, 72–74, 79, 90, 105–108, 111, 123, 141–146, 149–154, 157, 187–191, 195, 197, 199, 200
Владимир Ярославич, князь новгородский 122, 124
Водов В. 142
Волошинский Я. 176
Вольф А. 144
Вышата, воевода киевский 119, 124
Галкина Е. С. 57
Гамченко С. С. 176
Геденов С. 70
Гейденштейн Р., путешественник 193
Гетрик, король датский 70
Гизель Иннокентий, игумен печерский 70
Глазырина Г. В. 91
Голб Н. 28–31, 34–36, 61
Голубев С. Т. 175
Голубева Л. А. 177, 179, 185, 186
Голубинский Е. Е. 140, 142, 144
Гольдельман М. 27, 29
Гончар В. М. 176
Гончаров В. К. 162
Горюнова В. М. 70, 96
Греков Б. Д. 88, 96
Грёслунд А. -С. 77
Григорий Богослов 154
Грушевский М. С. 5, 7
Гупало К. Н. 41
Гуревич А. Я. 94, 96
Джаксон Т. Н. 91–93
Дир, князь киевский 6, 11, 32, 56–58, 65, 67, 71, 72, 170, 189
Длутош Ян, хронист 71
Долуман Е. К. 153
Дубов И. В. 69
Евстратий Постник, монах печерский 110
Елизавета, дочь Ярослава Мудрого 74
Елшин Д. Д. 173, 197, 199
Захария Копыстенский, богослов украинский 175
Звездецкий Б. А. 82
Зоценко В. Н. 170–174, 200, 201
Иаков Мних, агиограф 139, 144, 184
Иван, писец Святослава 118
Ибн-Хордадбех, арабский географ, историк 44, 52
Ивакин Г. Ю. 41
-

- Игорь Рюрикович, князь киевский 53, 56, 72, 73, 81, 84, 116, 118, 121, 131, 157, 163, 171
- Игорь Святославич, князь новгород-северский 174
- Иевлев М. М. 176
- Изяслав Мстиславич, князь киевский 54, 99
- Иларион, митрополит киевский 187
- Ингигерд, жена Ярослава Мудрого 74, 92
- Инг Стейнкельс, король шведский 74
- Иоанн Скилица, хронист 131–136
- Ираклий, император византийский 25
- Истрин В. М. 113
- Каллмер И. 5, 6, 39
- Калюк А. П. 163
- Канут Ободритский, князь ободритов 74
- Каргер М. К. 5, 28, 40, 41, 48, 78, 98, 162, 163, 167, 173, 176, 177, 180–182, 185, 186
- Катышев Д. М. 168
- Каштанов С. М. 114
- Кий, князь киевский 11, 24, 25, 31, 32, 58, 64–66, 71, 120, 169
- Килиевич С. Р. 162, 177, 187
- Кирилл, славянский просветитель, святой 105, 108
- Кирпичников А. Н. 46, 47, 69, 77, 87–91, 98
- Кириянов А. В. 89
- Климентий, папа Римский 111
- Клим Смолятич, митрополит киевский 110
- Климовский С. И. 190
- Клосс Б. М. 142
- Ключевский В. О. 104
- Кнут Великий, король датский 74
- Ковалюх М. 181, 182
- Козубовский Г. А. 186
- Козюба В. К. 163, 165, 167, 169, 184, 186, 190–192, 201
- Козьма Индикоплов, богослов греческий 158
- Колчин Б. А. 99
- Комар А. В. 165–167, 171, 175, 187, 197, 198, 201
- Константин Великий, император византийский 25
- Константин IX Мономах, император византийский 74
- Константин VII Порфирородный, император византийский 44, 54, 58, 106, 115
- Константин, ювелир русский 158
- Конрад, герцог швабский 143, 144
- Королюк В. Д. 143
- Кристина, жена Мстислава Владимировича 74
- Крузе Ф. 69
- Куза А. В. 90, 91
- Кузенков П. В. 5, 6, 57
- Кузьмин А. Г. 70, 121
- Куйа, сын визира хазарского 36, 61
- Кульчицкий С. В. 7
- Куно, граф швабский 143, 144
- Кучера М. П. 192
- Ламперт Херсфельдский, хронист немецкий 143
- Ларин Б. А. 113, 116
- Лашкарев П. А. 200
- Лебедев Г. С. 69, 91, 102
- Лебединцев П. Г. 179
- Лев Диакон, хронист 131–136
- Лев Остийский, историк средневековый 69
- Литаврин Г. Г. 146
- Лихачев Д. С. 11, 113–119, 122, 125, 127
- Ловмянский Х. 46
- Логвин Г. Н. 173
- Ломоносов М. В. 70
- Лонгинов А. В. 112
- Людовик I Благочестивый, император франкский 47, 53
- Людовик II Итальянский 43, 44
- Лют, сын воеводы Свенельда 81
- Магнус, сын короля Олафа Святого 74
- Максимов Е. В. 50
- Максимович М. А. 70
- Макарий (Булгаков), митрополит 150
- Мал, князь древлянский 80–84
- Малингуди Я. 113–114
- Малуша (Малфрид), мать Владимира Святославича 184
- Мануил, епископ смоленский 110
- Маркс К. 100
- Мачинский Д. А. 39, 46, 47, 55
- Мельникова Е. А. 39, 96, 97
- Мефодий, просветитель славянский, святой 105
- Милеев Д. В. 166, 173, 176, 181–186
- Миролюбов М. А. 98
- Михаил III, император византийский 44, 58
- Михайлов К. А. 182, 184, 186
- Мовчан И. Н. 176
- Молчановский Ф. Н. 162, 172
- Мономах (Владимир) 51
- Моргилевский И. В. 172
- Мстислав Владимирович (Тмутараканский), князь черниговский 65
- Мстислав Владимирович (Великий), князь киевский 51, 68, 74
- Назаренко А. В. 139, 141, 143–151
- Назаренко В. А. 69
- Насонов А. Н. 90–93, 188
- Настас Корсунянин, настоятель Десятинной церкви 107, 108, 124
- Нестор, монах печерский, летописец 24, 45, 60, 64, 115, 119, 123, 124
- Никифор I, митрополит киевский 114
- Никон, игумен печерский 64, 109
- Нифонт, архиепископ новгородский 54, 110
- Николай I, император российский 45
- Новосельцев А. П. 43, 53
- Носов Е. Н. 55, 95–97, 100–104
- Нунан Т. 5, 41
- Обнорский С. П. 112, 113
- Олав Норвежский (Святой) 74, 90, 92
- Олаф Скотконунг, король шведский 74
- Олег (Вещий), князь киевский 8, 42, 44, 51, 53, 56, 63, 67, 71–73, 93, 115, 116, 121, 127, 131, 157
- Олег Святославич, князь древлянский 81, 84, 139, 141, 149, 151, 184

- Ольга, княгиня киевская 80–84, 97, 126, 139, 143, 149, 150, 152, 157, 163, 171, 173, 174, 184, 195, 200
Онуфрий, епископ черниговский 110
Оттон I, император германский 143, 145
Оттон II, император германский 146, 147
Панченко М. 181, 182
Пархоменко В. А. 139, 141, 142
Пашуто В. Т. 143
Петр, племянник императора германского 146, 147
Петр Развидовский, хронист средневековый 175
Петраускас А. В. 82
Петров В. П. 33, 50, 200
Петрухин В. Я. 27, 28, 39, 102, 202
Пётр Дамиани, хронист средневековый 140–142, 148
Плохов А. В. 96
Плоткин К. М. 70
Польгуй В. И. 82
Поппэ А. 150
Предслава, жена Ярополка Святославича 140
Пресняков А. Е. 85
Приселков М. Д. 117
Прицак О. 27–37, 46, 60–66
Прокопий Кессарийский, хронист 25, 129
Пруденций, епископ 53
Пуцко В. Г. 108
Пушкина Т. А. 102
Пчелов Е. В. 184
Равдоникас В. И. 88, 98
Рёгнвальд, наместник ладожский 92, 93
Рождественская Т. В. 113
Романов Б. А. 11
Ростислав, князь тмутараканский 109
Ростислав Юрьевич, сын Долгорукого 54
Рыбаков Б. А. 25, 39, 46, 52, 142, 153–159, 169
Рыбина Е. А. 99, 100
Рыдзевская Е. А. 73, 90
Рюрик, основатель русской княжеской династии 38, 45, 47, 55, 56, 68–72, 93, 119, 120
Сагайдак М. А. 35, 41
Самойловский И. М. 193
Сахаров А. Н. 57, 113, 114
Свенельд, воевода киевский 81, 93, 136
Свердлов М. Б. 113, 115
Святополк Владимирович (Ярополкович), князь киевский 43, 51
Святополк Ярополкович, сын Ярополка Святославича 147
Святослав Игоревич, князь киевский 67, 84, 114, 122–138, 149, 153, 157, 165, 171, 184, 190, 191, 195
Святослав Ольгович, князь новгород-северский 98
Седов В. В. 46, 57
Сигурд Норвежский, король 74
Сикорский И., домовладелец киевский 49
Синеус, мифический брат Рюрика 68
Снорри Стурлусон, историк исландский 74, 90
Соловьев С. М. 45
Спицин А. А. 78
Срезневский И. И. 112
Стефанович В. 193
Татищев В. Н. 140, 151
Тизенгаузен В. 41
Титмар Мерзебургский, хронист 70
Тихомиров М. Н. 119, 142
Тихонович А. М. 189
Ткаченко М. М. 189
Толочко А. П. 69
Толочко П. П. 11, 25, 28, 34, 41, 46, 49–51, 85, 94, 95, 101, 127, 148, 150, 161–163, 171–173, 177, 179, 181, 187, 194–197
Тойнби Дж. 95
Трубачев О. Н. 54
Трувор, мифический брат Рюрика 68
Фармаковский Б. В. 180
Фасмер Р. Р. 49, 50
Феофил, император византийский 53, 55
Флеров В. С. 27
Флоря Б. Н. 108
Франклин Саймон 6, 191
Франко И. Я. 25
Фроянов И. Я. 103
Харальд Суровый, король норвежский 74
Харламов В. А. 173, 175, 190–193
Хвойка В. В. 167, 168, 171, 176, 201, 202
Хильбудий, вождь антский 25
Хайновский И. 78
Холостенко Н. В. 173
Хорив, брат Кия 11, 31, 32, 58, 64, 65, 71, 169
Цветков С. В. 5, 9, 57
Цимиский, император византийский 114, 122, 127, 128, 135, 137
Цукерман К. 5, 6, 38, 39, 43–48, 51
Черепнин Л. В. 96
Чубарьян А. О. 7
Чубатый М. 108
Шахматов А. А. 32, 69, 109, 115, 119–122, 125–135, 144, 147
Шепард Д. 6
Ширинский С. С. 40
Шовкопляс А. М. 50
Щек, брат Кия 11, 31, 32, 58, 64, 65, 71, 169
Щероцкий К. 186, 187
Эдвин, сын короля английского 74
Эдмунд Железнобокий, король английский 74
Эдуард, сын короля английского 74
Эйлив, сын Рёгнвальда 93
Эймунд, конунг варяжский 73
Энгельс Ф. 95
Юрий Долгорукий, киевский князь 54, 98, 99
Юстиниан I, император византийский 129
Юшков С. В. 185
Ян Вышатич, воевода киевский 119, 129
Янин В. Л. 50, 99
Ярополк Святославич, князь киевский 81, 139–151, 157, 184
Ярослав Мудрый, князь киевский 43, 51, 65, 67, 71–74, 79, 90–93, 113, 119, 122, 150, 199

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИВ	Военно-исторический вестник
ЖМНП	Журнал Министерства народного просвещения
ИАК	Известия Археологической комиссии
ИОЛЕАЭ	Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии
ИОРЯС	Известия Отдела русского языка и словесности
КСИА	Краткие сообщения Института археологии Академии наук СССР
КСИИМК	Краткие сообщения Института истории материальной культуры Академии наук СССР
МИА	Материалы и исследования по археологии
ОАК	Отчеты Археологической комиссии
ПВЛ	Повесть временных лет
ПСРЛ	Полное собрание русских летописей
СА	Советская археология
САИ	Свод археологических источников
УИЖ	Украинский исторический журнал

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Летопись о начале Киева	10
Миф о хазаро-иудейском основании Киева	27
Русь изначальная	38
В поисках загадочного Русского каганата	46
Русь и Хазария	60
Варяги в Южной Руси	68
Киев и Искоростень в середине X в.	80
Ладога и ее округа в первые века русской истории.	87
О проблеме становления древнерусских городов	94
Русь и Херсонес	105
Договоры Руси и Византии	112
Дунайские походы Святослава.	125
Был ли крещен Ярополк Святославич?	139
Язычество и христианство на Руси	152
Историческая топография раннего Киева.	161
Именной указатель	203
Список сокращений	207

Петр Петрович Толочко
РАННЯЯ РУСЬ: ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

Ответственный редактор — **С. В. Цветков**

Редактор — *М. В. Гонне*

Корректор — *М. В. Чистовская*

Дизайн, верстка — *А. А. Зайцев*

Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ»

191024, Санкт-Петербург, ул. Полтавская, 14

Тел. /факс: (812) 717-43-55, 717-61-13

E-mail: blitz@blitz.spb.ru

www.blitz-store.ru

Подписано в печать 10.09.2012 г.

Формат 70 × 100/16. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Усл печ. л. 13.

Заказ № 171

Отпечатано в типографии «Град Петров»

ООО ИД «Петрополис»

197101, Санкт-Петербург,

ул. Большая Монетная, д. 16

ISBN 978-5-86789-430-6

